

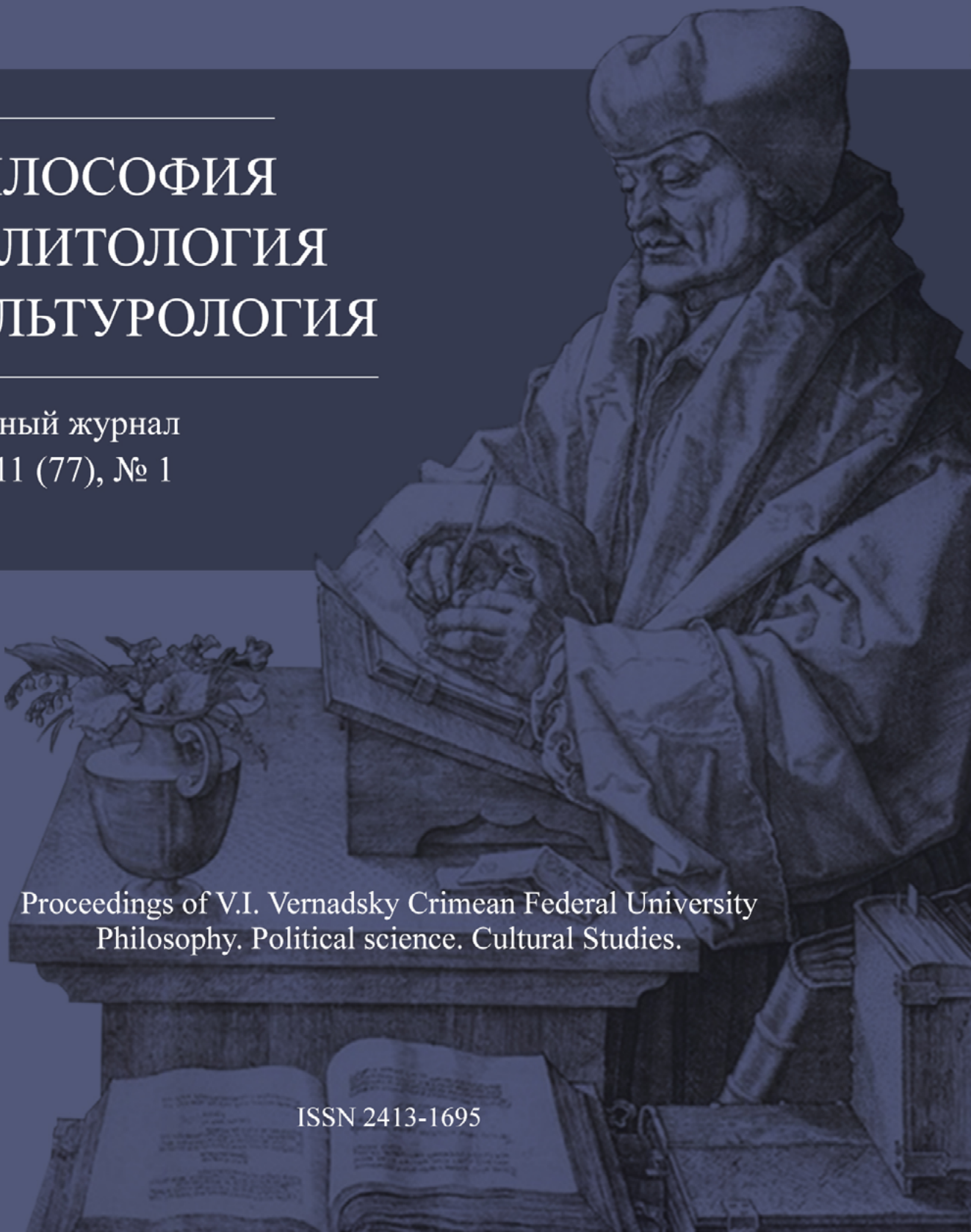
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

имени В.И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 11 (77), № 1
2025

Proceedings of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Philosophy. Political science. Cultural Studies.

ISSN 2413-1695

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В.И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Научный журнал

Том 11 (77), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025**

ISSN 2413-1695

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 61823

от 18 мая 2015 года

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского».

Адрес учредителя и издателя: г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4.

Регистрирующий орган – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2024 г.

Главный редактор – А. В. Карабыков, д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Заместители главного редактора:

А. Н. Володин, канд. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (культурология);

Н. В. Киселева, канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (политология).

Редколлегия:

И. А. Андриюшенко	к. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
И. С. Бакланов	д-р филос. н., проф., СКФУ (Ставрополь)
А. В. Бедрицкий	к. полит. н., директор Таврического информационно-аналитического центра (ТИАЦ)
О. А. Габриелян	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Д. В. Гарбузов	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. А. Грива	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
А. А. Ирхин	д. полит. н., доц., СевГУ (Севастополь)
Ю. М. Коротченко	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
С. А. Маленко	д-р филос. н., проф., НГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
П. Г. Носачев	д-р филос. н., доц., ВШЭ (Москва)
Л. Т. Рыскельдиева	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. С. Сапанжа	д. культурологии, проф., РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
М. Г. Федотова	д-р филос. н., доц., ОмГТУ (Омск)
А. А. Хлезов	д-р филос. н., проф., СевГУ (Севастополь)
А. В. Швецова	д-р филос. н., проф., КУКИИТ (Симферополь)
О. К. Шевченко	д. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
М. А. Шепелев	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. Б. Элькан	д. искусствед., доц., КУКИИТ (Симферополь)
С. В. Юрченко	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Ю. В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный за выпуск: : Л. В. Савостьянова, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Технический секретарь: А. К. Оруджева

Адрес редакции:

295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308

Тел.: +7-978-105-60-57; Факс: +7 (3652) 54-52-46

Е-mail: vernadskiana@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78. Тираж: 50 экземпляров. Распространяется бесплатно. Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

Дата выхода в свет:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Пахомова А. М. Роль засухи в философии Ригведы	5
Добронравов К. О., Волкова Д. Д. Национализация зарубежных брендов и приватизация советских символов в современной России	15
Рочняк Е. В. Понятие экофилософии в западноевропейском философском дискурсе	23

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Пономарёв С. Б. Архетип Великой матери в тюремной субкультуре	31
Зверев А. С. Производство искусства как феномен и гештальт в науке об искусстве Зедльмайра	42
Зайцева Д. С. Восприятие итальянского кинематографа советским кинозрителем в 1960–1980-е гг.	51
Поскребка А. С. Рисунок Анри Матисса: техника, философия и влияние на современное искусство	62

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э., Немцев В. В. Новый американский «изоляционизм» Д. Трампа: Чего ждать России в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье?	71
Копылов А. В., Беляков Б. Л. Дипломатия как инструмент обеспечения военной безопасности государства	87
Шепелев М. А. Дипломатия Алберту Франку Ногейры: на страже имперского наследия	104
Панеш К. М. Сущность политических рисков в системе органов государственной власти	121

ФИЛОСОФИЯ

УДК 294.118

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-05-14

РОЛЬ ЗАСУХИ В ФИЛОСОФИИ РИГВЕДЫ

Пахомова А. М.

Аннотация: В данной статье анализируется значимость засухи в стихах Ригведы и ее тесная взаимосвязь с философскими и теологическими концепциями ведийского мировоззрения. Природа в гимнах и стихах Ригведы не только активно упоминается, но и персонифицируется, причем такие элементы, как солнце, ветер и реки, выступают в роли божеств. Иными словами, в Ригведе засуха рассматривается не просто как природное бедствие, но как значительное теологическое событие, отражающее сложные отношения между человеком и божественным миром. Засуха символизирует не только физическую нехватку воды, но и нарушение космического порядка (*Rta*), божественное недовольство и часто связана с концепцией кармы, а значит – с деяниями людей. Ведийская мысль предполагает, что засуха возникает в случае божественного возмущения из-за неправильного почитания их статуса или неверных моральных поступков, что приводит к разобщению между миром людей и миром богов. С другой стороны, ритуалы и молитвы играют важную роль в преодолении этого насланного бедствия, служа средством восстановления космического порядка, умиротворения богов и обеспечения столь необходимого дождя. Как правило, ритуалы направлены на снискание благосклонности тех богов, что ответственны за дождь и плодородие. В гимнах Ригведы многократно восхваляются их действия, направленные на освобождение воды, удерживаемой демонами засухи, такими как Вритра и Шуина. Исполнение надлежащих ритуалов представляется не просто просьбой о дожде, но и средством восстановления гармонии между людьми и божественным миром. Упор на эти практики в ведийской традиции подчеркивает глубокую веру в силу ритуальных действий, способных не только оказывать влияние на природные явления, но и поддерживать баланс во Вселенной. Таким образом, засуха в Ригведе рассматривается как важный символический элемент, через который выражается философская и религиозная идея о том, что благополучие общества зависит от соблюдения правильного космического и духовного порядка.

Ключевые слова: Веды, ведийская философия, природные явления, индуистские религиозные тексты.

Введение

Природа в Ригведе занимает центральное место, что отражается в тесной взаимосвязи текстов гимнов и стихов с описаниями природных явлений. Природные элемен-

ты и явления, такие как солнце (Сурья) [1. RV 1. I. 50], ветер (Ваю) [1. RV 1. I. 134], заря (Ушас) [1. RV 1. I. 30] и реки, не только часто упоминаются, но и обожествляются, являясь неотъемлемой частью ведийского мировоззрения. Эти описания служат для передачи философских и теологических концепций, иллюстрируя взаимосвязь между природным и духовным мирами, а также подчеркивая значение природных явлений для выживания и процветания ведийского общества.

Актуальность настоящего исследования связана с актуальностью изучения данного феномена в древних ведических источниках. Более поздние тексты, например, «Маркандея Пурана», подробно описывают ритуалы умиротворения демонов, вызывающих засуху. Однако исследование Ригведы позволяет выявить протопуранические корни этой логики, демонстрируя ранние этапы формирования представлений о влиянии сверхъестественных сил на природные явления. Данное исследование соединяет раннюю ведийскую и более позднюю индуистскую мысль, концептуальный период, который представляет собой значительный пробел в современных исследованиях. Важность работы, кроме того, заключается в прослеживании непрерывной логики нарратива и аллегорической интерпретации экологических и погодных явлений, что позволяет глубже понять специфику архаического сознания и религиозного ритуала в древнеиндийской культуре [2, с. 81–93].

Новизна работы, в свою очередь, связана с тем, что в исследовательском поле существует множество работ, посвященных роли воды в жизни ведийского общества, ее ритуальному и сакральному значению, а также роли в мировом устройстве и космогонических мифах. Однако до настоящего времени недостаточно исследовано обратное явление – явление засухи. Например, Ригведа содержит прямые упоминания о феномене засухи: «Закливание против засухи» [1. RV 10.98] непосредственно связывает демонические силы (например, Шушну) с безводными, засушливыми землями, а также включает ритуалы, в рамках которых призываются божества, такие как Индра и Агни, для восстановления дождей. Аналогичным образом, «Исцеляющий гимн» [1. RV 1.191] сочетает ритуальные заклинания с мифическими отсылками для изгнания сущностей, вызывающих засуху. Рассмотрение демонических фигур, их социокультурной роли и взаимодействия с ведийскими богами через призму погодных условий подчеркивает важнейшую роль ритуала в культуре ариев.

Безусловно, тема воды, засухи и дождей была затронута и другими авторами. Так, были предприняты подходы к исследованию процедурных аспектов ритуалов дождевания. Данные ритуальные практики были описаны П. В. Кейном в его «Истории Дхармашастры». Он сосредоточился на процедурных аспектах ритуалов дождевания (например, *ягьи* – *yajñas*), интерпретируя их через ортодоксальную индуистскую философию, а не в экологическом или историческом контексте [3, с. 1208–1215].

Другой важный аспект интерпретации засух в «Ригведе» связан с этическими и кармическими представлениями, затронутыми такими традиционными философами, как С. Радхакришнан. В их трактовке засуха воспринимается как следствие морального упадка общества (*адхармы*) и рассматривается как кармическое наказание, требующее ритуаль-

ного очищения. Иными словами, ритуалы, направленные на умиротворение богов и восстановление баланса, принимают не только природно-религиозный, но и этический характер, отражая глубокую взаимосвязь между моралью и природными циклами [4, с. 392].

Также в контексте данного исследования стоит отметить теорию ритуалов, описанную классиком религиоведческой науки, М. Элиаде. С помощью нее можно добавить в анализ данной темы еще один важный уровень понимания: ритуалы интерпретируются как повторение первобытных мифологических действий, таких как убийство Вритры богом Индрой, направленных на восстановление утраченного космического порядка (Rta). В этой интерпретации засуха символизирует крах космического равновесия, а ритуалы становятся необходимым средством для коррекции нарушенного порядка, что подчеркивает их мифологическую и этическую значимость. Погодные циклы и смена времен года воспринимаются как проявление эффективности этих ритуальных действий, подтверждая идею о том, что повторение священных мифов позволяет сохранить гармонию между человеком и природой.

Важен для понимания специфики явления засухи в Ригведе и нарративный анализ, предложенный Венди Доннигер. Он фокусируется на мифологических столкновениях, где демонические фигуры, такие как Шушна, олицетворяют не только метеорологическую, но и моральную угрозу. В данном контексте демон Шушна символизирует засуху как физическое явление, сопровождаемое духовным кризисом, а ритуалы, направленные на его изгнание, выполняют множественные функции: они способствуют не только преодолению природных бедствий, но и облегчают эмоциональное напряжение общины, превращая пугающую неизвестность в образ противника, которого можно победить с помощью мантры и ритуала. Более того, ритуалы в этом контексте имеют и практическую, метеорологическую функцию, управляя водными ресурсами, а также космогоническую, устанавливая гармоничное течение времени через циклы смены сезонов и приход дождей.

Концептуальный характер засухи

Упор на природу в Ригведе отражает аграрный образ жизни ведийского народа, где природные события имели прямое влияние на их выживание и процветание. Это почитание природы проявляется в многочисленных молитвах и ритуалах, направленных на умиротворение природных сил для обеспечения гармонии и баланса в их жизни. Например, многие гимны описывают циклы времени и сезонов, важность дождя для сельского хозяйства и значение небесных тел [5, с. 6]. Частые упоминания природных явлений подчеркивают взаимосвязь между природным и духовным мирами в ведийской мысли.

Как упомянуто выше, в Ригведе природные явления описываются с большим почтением и часто олицетворяются как божества. Эти описания служат нескольким целям:

1. Философские и теологические концепции: природные явления используются для передачи более глубоких философских и теологических идей. Например, такие элементы, как солнце (Сурья), ветер (Ваю), заря (Ушас) и реки являются не просто природными объектами, их почитают, даже поклоняются им как богам. Эта персонификация помогает иллюстрировать ведийское понимание Вселенной и их место в ней [6, с. 31].

2. Взаимосвязь природного и духовного миров: частые упоминания природных

событий подчеркивают взаимосвязь между природным и духовным мирами в ведийской мысли. Это отражает убеждение, что гармония между этими мирами необходима для баланса и процветания [6, с. 116].

3. Аграрный образ жизни: упор на природу отражает аграрный образ жизни ведийского народа. Природные события имели прямое влияние на их выживание, особенно в отношении сельского хозяйства. Дождь, сезоны и небесные тела были важны для роста и сбора урожая [7, с. 34–41].

4. Молитвы и ритуалы: Ригведа содержит многочисленные молитвы и ритуалы, направленные на умиротворение природных сил. Эти практики считались необходимыми для обеспечения гармонии и баланса, способствуя благополучию и процветанию общества [5, с. 7].

Природные явления важны в Ригведе, поскольку они центральны для понимания ведийским народом мира и их места в нем, а также играют ключевую роль в их выживании и процветании как общества. Гимны Ригведы служат для объединения природного и духовного миров, подчеркивают важность природных событий в их повседневной жизни и формируют основу многих религиозных практик [8, с. 45].

Засуха в Ригведе. Ключевые гимны и стихи, касающиеся засухи

В Ригведе несколько гимнов и стихов касаются темы засухи, отражая ее значимость в ведийском обществе. Гимны часто включают молитвы и обращения к различным богам, прося их вмешательства для того, чтобы принести дождь и прекратить засуху.

Например:

- **Ригведа 1.32:** этот гимн восхваляет Индру за его способность освобождать воды, удерживаемые демоном Вритра. Стих иллюстрирует роль Индры в прекращении засухи и восстановлении плодородия земли. Он гласит:

*«Он убил змея, он просверлил (русла) вод,
Он рассек недра гор»* [1. RV 1. 1. 32].

- **Ригведа 7.49:** этот гимн представляет собой молитву, обращенную к водам, с просьбой пролить дождь, чтобы увлажнить землю и прекратить засуху:

*«(Те) небесные, а также (земные) воды, которые текут,
Прорытые, а также (те,) которые сами возникли,
(Те,) что движутся к океану как к цели, прозрачные, чистые,
Эти божественные воды пусть мне здесь помогут!»* [1. RV 1. 7. 49].

- **Ригведа 5.83:** этот гимн представляет собой молитву к Парджанье, богу дождя, умоляя его выпустить дождь и прекратить засуху:

*«Веют ветры, падают молнии,
Расправляются растения, набухает небо.
Рождается свежесть для всего мира,
Когда Парджанья насыщает землю (своим) семенем»* [1. RV 1. 5. 83].

Символизм и представление засухи в ведийской литературе

Засуха в ведийской литературе является не только физическим явлением, но и символом различных философских и теологических концепций. Отсутствие дождя и возни-

кающий в результате безжизненный ландшафт часто используются метафорически для обозначения духовной опустошенности и оставленности людей богами. Мотив оставленности людей богами также чаще всего в Ригведе проявлен именно через феномен засухи. Когда люди не следуют религиозным и моральным канонам, не соблюдают предписанные ритуалы, боги могут отдалиться, что приводит к природным катастрофам, таким как засуха.

Однако засуха представляет собой не только физическое проявление, но несет глубокий символический смысл. Примеры этого символизма включают:

- **Ригведа 1.154.51:** этот стих использует воду как метафору духовной пищи, а также божественного вмешательства для оказания поддержки путем влияния на погодные условия:

*«Небесного орла, птицу большую,
Отпрыска вод, приятного на вид, (отпрыска) растений,
Насыщающего дождем вдосталь —
Сарасвата я призываю на помощь»* [1. RV 1. 154. 51–52].

- **Ригведа 1.51.2–5:** этот гимн восхваляет Индру за его роль в поддержании космического порядка путем принесения дождя и прекращения засухи, отождествляя явление дождя с благом – добром:

*«Ты открыл затворы вод
Ты принес горé добро, связанное с влагой»* [1. RV 1. 51. 2–5].

- **Ригведа 10.98:** этот гимн посвящен прошению богов о дожде. В анукрамани приводится следующая история: Девапи и Шантану были братьями из рода Куру, Шантану, младший, был посвящен в цари, а Девапи – предался аскезе. В царстве Шантану 12 лет не было дождя. Брахманы объяснили ему: «Ты нарушил дхарму, став царем, обойдя старшего брата. Поэтому не идет дождь». Шантану решил передать царство Девапи, но тот предложил стать его пурохитой и приносить жертвы от его имени. Стихи 1–7 данного гимна посвящены истории Девапи и Шантану. Начальные стихи (1–4) представляют собой диалог между Девапи и Брихаспати, богом молитвы, которого Девапи просит быть посредником перед богами в просьбе о дожде. Стихи 8–12 содержат восхваление Агни, бога жертвенного костра, к которому также обращены просьбы о дожде [1. RV 1. 10. 98].

Засухи иногда рассматриваются как проявление кармы, когда коллективные действия индивидов или сообщества приводят к неблагоприятным природным условиям. Эта интерпретация подчеркивает взаимосвязь между человеческим поведением и природным миром в ведийской мысли.

Ригведа также использует различные ритуалы и молитвы для вызова дождя и прекращения засухи. Эти ритуалы часто включают подношения и чтения, направленные на умиротворение божеств, ответственных за дождь и плодородие. Исполнение этих обрядов отражает ведийскую веру в силу ритуальных действий, способных влиять на природные явления и восстанавливать баланс. Например:

- **Ригведа 10.98.1:** этот гимн представляет собой молитву о дожде с участием ри-

туальных подношений для обеспечения благосклонности богов:

*«Или (будешь) с Адитьями, с Васу, окруженный Марутами,
Сделай, чтобы Парджанья пролил дождь для Шантану!»* [1. RV 1. X. 98].

Таким образом, засуха в Ригведе рассматривается через ключевые гимны и стихи, которые требуют божественного вмешательства для прекращения бедствия. Символически засуха представляет собой духовную опустошенность, божественное недовольство и борьбу между порядком и хаосом, подчеркивая глубокое философское и теологическое значение природных явлений в ведийской литературе.

Засуха имеет глубокое теологическое значение, воплощая концепции, выходящие за рамки простой физической нехватки воды. Она рассматривается как нарушение природного и космического порядка (Ṛta), который, по мнению ведийцев, должен поддерживаться людьми и богами [9, с. 207]. Засухи часто интерпретируются как знаки божественного недовольства, сигнал того, что космический баланс был нарушен [10, с. 231–245]. Таким образом, ведийские тексты часто видят в засухе выражение или проявление персональной и коллективной ответственности, поскольку действия (карма) индивидов или сообщества могут влиять на природный мир. Негативные действия, такие как неправильное выполнение ритуалов или моральные проступки, могут привести к неблагоприятным природным условиям, таким как засуха. Эта концепция подчеркивает взаимосвязь между человеческим поведением и природными событиями в ведийской философии. Относительно божественной взаимосвязи с природными явлениями, в частности, засухи, боги редко ответственны за подобную кару людей [8, с. 60].

В Ригведе боги не страдают от засухи, но они играют ключевую роль в ее преодолении. Ведийские гимны часто обращаются к богам с просьбами о помощи, чтобы те принесли дождь и прекратили засуху. Создание засухи часто связывается с демонами или асурами, которые удерживают воды, вызывая тем самым засуху. Например, демон Вритра, удерживающий воды, является одной из причин засухи, и бог Индра побеждает его, освобождая воды и принося дождь. Таким образом, засуха в Ведах также может рассматриваться как результат борьбы между богами и демонами. Главный из демонов, ответственных за создание засухи – это Вритра, имя वृत्र, которого означает «окутывающий» [5, с. 43]. Он представлен в виде змея или дракона, который удерживает воды мира, вызывая засуху. В Ригведе есть знаменитый гимн, в котором бог гроз Индра сражается и побеждает Вритру, освобождая воды и принося жизнь на Землю: «Я возведу о мужественных делах Индры ... Он убил Дракона (Вритру), тогда раскрыл воды» [1. RV 1. I. 32].

Второй демон засухи, достойный упоминания – Шушна. Демон Шушна в Ригведе — это мифическое существо, олицетворяющее засуху и бесплодие. Имя «Шушна» на санскрите связано с понятием «сушить» или «иссушать». Шушна противостоит богам, особенно Индре, который побеждает его, освобождая воду и принося плодородие земле. Пример из Ригведы о Шушне можно найти в гимне 1.32.4–5. В этом гимне Индра описывается как разрушитель Шушны, демона засухи:

*«Даже того, (преградившего) поток, пьющего мед, разлегшегося,
Ненасытную пасть – мощно схватил грозный.*

Безногого пожирателя злоречивого

Он скинул в могилу великим оружием» [1. RV 1. 32. 4–5].

Этот стих подчеркивает роль Индры как бога, который борется с силами засухи и восстанавливает баланс, принося дождь и плодородие на землю. Интересно, что в контексте Ригведы Шушна, как демон засухи, олицетворяет не только физическое отсутствие воды, но и метафорическое «засушливое» зло, выраженное через злоречие. Победа Индры над Шушной символизирует не только преодоление физической засухи, но и преодоление злословия, восстанавливая природный порядок и возвращая воду, символизирующую не только жизнь и благополучие, но и благую речь. Подробнее о функциях речи пишет Гонда [9, с. 239].

Роль ритуалов и молитв в преодолении засухи

Для того, чтобы справиться с засухой и облегчить ее последствия, ведийские люди проводили различные ритуалы и молитвы, направленные на умиротворение божеств, ответственных за дождь и плодородие. Эти ритуалы считались способными восстановить нарушенный космический порядок и вернуть баланс и процветание. Примеры ритуалов и молитв:

1. Призывание божеств: гимны и молитвы, обращенные к таким богам, как Индра, Паржания и Мараты, были распространены. Особенно Индра славился своей способностью освобождать воды, удерживаемые демонами, что символизировало конец засухи и возврат плодородия:

- **Ригведа 1.32:** в этом гимне восхваляется Индра за освобождение вод и окончание засухи [1. RV 1. I. 32].

- **Ригведа 1.10:** восхваление Индры, призывающее богов одержать победу над недругами и в качестве трофея отвоевать воды неба. [1. RV 6. I. 10].

- **Ригведа 5.83:** молитва к Паржании, богу дождя, с просьбой пролить дождь и прекратить засуху [1. RV 1. 5. 83].

2. Подношения и жертвоприношения: ритуальные подношения, включая выливание топленого масла (гхи) в священный огонь, совершались для умиротворения богов. Считалось, что эти подношения вызывают божественное расположение и побуждают богов пролить дождь:

- **Ригведа 10.98.1:** включает подношения Маратам для привлечения дождя [1. RV 1. 10. 98].

3. Участие сообщества: эти ритуалы часто включали участие всего сообщества, что отражало коллективный характер проблемы и ее решения. Участие всех членов считалось важным для эффективности ритуалов [1. RV 9. 205–217].

Три дихотомии явления засухи в Ригведе

Структурный анализ дихотомий, предложенный Б. Л. Огибениным в «Структуре мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония, 1968), позволяет рассматривать миф о засухе и противостоянии между Индрой и Шушной через призму трех уровней интерпретации:

- первая дихотомия: «созданная (организованная) вселенная – несозданная (неор-

ганизованная) вселенная».

- вторая дихотомия: «ведийская вселенная – неведийская вселенная».
- третья дихотомия: «мир ведийского человека – мир неведийского человека».

Так, сначала миф раскрывается как противостояние между созданной, организованной вселенной и несозданной, неорганизованной вселенной. Здесь борьба между порядком и хаосом воплощается в образах: Индра, бог грозы и дождя, символизирует силу, способную вносить порядок и восстанавливать баланс, побеждая демона засухи Шушну, который представляет хаос.

Далее, на втором уровне, проводится дихотомия между ведийской и неведийской вселенными, где противостояние Индры и Шушны можно истолковать как столкновение ценностей. Индра, олицетворяющий ведийские ценности, сражается с неведийским началом, представленным Шушной, поддерживающим неорганизованное, неплодородное состояние вселенной до начала аграрного устройства. Победа Индры в данном контексте символизирует утверждение ведийских ценностей и утверждение космического порядка над хаотическими силами.

На третьем уровне миф приобретает внутренний, психологический и духовный смысл, где противостояние между Индрой и Шушной становится отражением дуализма мира ведийского человека и мира неведийского человека. Здесь Индра символизирует идеалы и добродетели, к которым стремится человек, а Шушна олицетворяет внутренние препятствия и хаос, мешающие достижению гармонии. Победа Индры трактуется как метафора духовного равновесия, достигаемого через ритуальное очищение и восстановление внутреннего порядка. Таким образом, миф о засухе в «Ригведе» предстает как многослойная аллегория, в которой переплетаются концепции порядка и хаоса, ведийских и неведийских ценностей, а также личных стремлений ведийского человека к гармонии и целостности [11, с. 10–11].

Заключение

В Ригведе засуха рассматривается не просто как природное бедствие, а как глубокое теологическое событие, обозначающее сложные отношения между человеком и божественным. Она часто представляется как следствие божественного недовольства или кармы, что отражает ведийское понимание космического порядка (Ṛta) и взаимосвязи человеческих действий и природных явлений. Гимны и стихи, посвященные борьбе с засухой, раскрывают почтение ведийского народа к природным элементам и их веру в силу ритуалов и молитв для восстановления баланса и гармонии. Через призывание божеств, ритуальные подношения и участие сообщества ведийское общество стремилось облегчить последствия засухи и обеспечить свое выживание и процветание. Эта глубокая вера в влияние ритуальных действий на природные явления подчеркивает значение природы в ведийской философии и аграрном образе жизни ведийского народа. Упор Ригведы на теологические и символические аспекты засухи предлагает новый вектор для изучения духовных и общественных ценностей древней ведийской цивилизации.

Список литературы

1. Параллельный корпус Ригведы (н. д.). URL: https://samskrtam.ru/parallel-corpus/01_rigveda.html (дата обращения 10.07.2024).
2. Pargiter F.E. The Markandeya Purana Translated with Notes. Calcutta: Baptist Mission Press, 1904.
3. Kane P.V. History of Dharmasastra (Ancient and Mediaeval Religious and Civil Law in India). Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1968–1977. Vol. 2. Pt. 2.
4. Radhakrishnan S. The Bhagavadgita: With an Introductory Essay, Sanskrit Text, English Translation and Notes. London: George Allen & Unwin, 1948.
5. Jamison S.W., Brereton J.P. The Rigveda: The Earliest Religious Poetry of India. Oxford: Oxford University Press, 2014.
6. Doniger W. The Rig Veda: An Anthology of One Hundred and Eight Hymns. London: Penguin Classics, 1982.
7. Lahiri A. Origin of Demonology in the Rigveda // Indian History Congress. 1964. Vol. 26 (I). P. 34–41.
8. Sharma R.S. Early Indian Society. Hyderabad: Orient Blackswan, 2003.
9. Gonda J. The Vision of the Vedic Poets. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1984.
10. Oberlies T. Die Religion des Rgveda. Erster Teil: Das religiöse System des Rgveda. Vienna: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998.
11. Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). Москва: Наука, 1968.

Сведения об авторе

Пахомова Анна Михайловна – аспирантка очного отделения 3 года обучения кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени Ломоносова, г. Москва.

Email: annetwhatever@gmail.com

Pakhomova A. M.

THE ROLE OF DROUGHT IN THE RIGVEDA

Abstract: *The significance of drought in the Rigveda and its close relationship with the philosophical and theological concepts of the Vedic worldview is analyzed in this article. Nature in the hymns and verses of the Rigveda is not only actively mentioned but also personified, with elements like the sun, wind, and rivers assuming the roles of deities. In the Rigveda, drought is viewed not merely as a natural disaster but as a significant theological event reflecting the complex relations between humans and the divine world. Drought symbolizes not only a physical lack of water but also a cosmic order disruption, divine discontent, and is often associated with the concept of karma, thereby linked to human actions. Vedic thought suggests that drought arises due to divine discontent over improper veneration of their status or immoral actions,*

leading to a disconnection between the human world and the world of the gods. Conversely, rituals and prayers play a crucial role in overcoming this imposed calamity, serving as a means to restore cosmic order, appease the gods, and ensure the much-needed rain. Typically, rituals are aimed at gaining the favor of those gods responsible for rain and fertility. The Rigveda hymns repeatedly praise their actions directed at releasing water held back by drought demons. Performing appropriate rituals is seen not just as a plea for rain but also as a means to restore harmony between humans and the divine world. The emphasis on these practices in the Vedic tradition underscores a deep belief in the ritual actions power, capable of influencing natural phenomena and maintaining balance in the universe. Thus, drought in the Rigveda is viewed as an important symbolic element, through which the philosophical and religious idea is expressed that the society well-being depends on adhering to the proper cosmic and spiritual order.

Key words: *Veda, Vedic philosophy, natural phenomena, Hindu religious texts.*

References

1. Parallel'nyj korpus Rigvedy (n.d.). [Parallel corpus of the Rigveda (n.d.).] Available from: https://sanskrtam.ru/parallel-corpus/01_rigveda.html (accessed 10 Jul 2024).
2. Pargiter FE. The Markandeya Purana Translated with Notes. Calcutta: Baptist Mission Press; 1904.
3. Kane PV. History of Dharmasastra (Ancient and Mediaeval Religious and Civil Law in India). Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute; 1968–1977. Vol. 2. Pt. 2.
4. Radhakrishnan S. The Bhagavadgita: With an Introductory Essay, Sanskrit Text, English Translation and Notes. London: George Allen & Unwin; 1948.
5. Jamison SW, Brereton JP. The Rigveda: The Earliest Religious Poetry of India. Oxford: Oxford University Press; 2014.
6. Doniger W. The Rig Veda: An Anthology of One Hundred and Eight Hymns. London: Penguin Classics; 1982.
7. Lahiri A. Origin of Demonology in the Rigveda. Indian History Congress. 1964;26(I):34–41.
8. Sharma RS. Early Indian Society. Hyderabad: Orient Blackswan; 2003.
9. Gonda J. The Vision of the Vedic Poets. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers; 1984.
10. Oberlies T. Die Religion des Rgveda. Erster Teil: Das religiöse System des Rgveda. Vienna: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 1998.
11. Ogibenin BL. Struktura mifologicheskikh tekstov «Rigvedy» (Vedijskaja kosmogonija) [The Structure of the Mythological Texts of the “Rigveda” (Vedic Cosmogony)]. Moscow: Nauka [Science]; 1968.

Pakhomova A.M. – third-year full-time postgraduate student at the Department of History and Theory of World Culture at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Email: annetwhatever@gmail.com

УДК 215

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-15-22

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ БРЕНДОВ И ПРИВАТИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ СИМВОЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Добронравов К. О., Волкова Д. Д.

Аннотация: В статье рассмотрены два противоположных процесса особенно характерных для современной Российской экономики с начала СВО. С одной стороны национализация зарубежных брендов в условиях конфронтации с Западом, с другой стороны приватизации советских символов. Авторы используют концепцию симулякра Ж. Бодрийяра и общества потребления для описания противоположно направленных явлений и их влияния на формирование Российской идентичности и консолидации современного общества, власти и бизнеса. Данный подход позволяет взглянуть на экономические процессы современного Российского общества с социокультурной стороны и прояснить те антропологические смыслы, в которых существует отечественный потребитель и гражданин. В заключении авторы приходят к выводу, что национализация и приватизация являются важной составляющей как социокультурных, так и экономических процессов. В современной России эти процессы носят характер симулякра, так как представляют собой имитацию иностранных брендов, которая заключается лишь в смене названия, а не содержания, а тиражирование советских символов в коммерческих целях приводит к искажению изначальных смыслов, заложенных в них. Современная Россия находится в процессе формирования собственной идентичности, которая сочетает в себе элементы советской и зарубежной культуры. Однако такие действия могут стать угрозой для создания ложного впечатления о российском происхождении и авторстве, а также потери оригинальности и уникальности собственных культурных ценностей и традиций.

Ключевые слова: бренд, символ, национализация, приватизация, симулякр, общество потребления, массовая культура.

Последние два года в современном российском обществе наблюдается смена политической риторики, которая влияет на все сферы жизни общества. В настоящий момент политический смысл проник всюду: культура, экономика, средства массовой информации, повседневная жизнь. Политический характер приобретает по мере того, как сферы жизни начинают освобождение от коллективных и массовых процессов. Жан Бодрийяр определяет это как «смешение жанров» [1, с. 19], так как в то же время всё становится желанным: «власть, знания – все истолковывается в терминах фантазмов и отталкивания» [2, с. 16]. В следствии чего, в эпоху взаимовлияний и проникновений не видится возможным осмысление современности только с одной из сторон.

Между тем в научной среде изменения в экономической жизни Российского обще-

ства рассматриваются отдельно от остальных. Анализируемые в статьях экономические процессы остаются в экономическом поле, а их влияние на другие сферы жизни общества не получает системного взгляда с позиции культурологов и философов. Если Мурашко М.М. по крайней мере упоминает, что для современной российской экономики характерно импортозамещение, которое стало импульсом для мобилизации национальных ресурсов и консолидации усилий государства, предприятий и науки [3], что не находит более подробного пояснения, то другие авторы такие как Гладких А.С. и Филиппова И.А. и вовсе ограничиваются положительной оценкой эффективности принятых правительством мер поддержки экономики, имея ввиду развитие конкурентоспособности бизнеса и фокус компаний на собственной капитализации [4]. Проанализировав работы экономистов, можно сделать вывод, что для современной российской экономики характерен: уход зарубежных брендов, импортозамещение и увеличение франшиз.

Между тем начавшиеся в России процессы доместикации брендов и символов имеют политический характер, они используются для укрепления российской идентичности и объединения общества, бизнеса и власти. В связи с этим мы ставим задачу определения тех антропологических смыслов, которые скрываются за экономическими и политическими процессами.

В настоящее время процесс замены иностранной продукции охватил значительную часть российского рынка: на место западного бизнеса приходят отечественные компании и дистрибьюторы. Например, «Nissan» и «Renault» передали производство государству, теперь на французском заводе в Москве сходят отечественные автомобили «Москвич». Многие другие бренды действуют по франшизе: местный владелец, с одной стороны, должен выплачивать роялти владельцу франшизы, а с другой стороны, обеспечивать уровень качества-соответствия рецептуре. По данным специализированного сайта, на начало 2023 года в России насчитывалось 3249 франшиз. Это на 5% больше, чем годом ранее [5]. Сеть популярных ресторанов быстрого питания «McDonald's» была выкуплена предпринимателем Александром Говором и открылась заново под названием «Вкусно и точка». «Starbucks» также был выкуплен российским предпринимателем Тимуром Юнусовым (Тимати). И вернулся под брендом «Stars Coffee» с очень похожей эмблемой и практически не изменившимися меню и рецептурой. «Coca-Cola» теперь действует под брендом «Добрый». Магазины одежды, такие как «Reebok», «Zara», «Levi's», «Nike» и другие зарубежные бренды вернулись в Россию, совершив ребрендинг.

Национализацию можно рассматривать по разному в зависимости от исторического контекста, а также той парадигмы, в которой мы осмысляем данный процесс. Наиболее устоявшимся пониманием является: «национализация представляет собой технологию достижения интересов всего общества путем обращения частной собственности в государственную и способ усиления государственного управления» [6]. В таком случае началом национализации производства в России следует считать процессы 1917–1918 годов. Они были связаны с действиями большевиков после социалистической революции. В этот период была характерна национализация крупной промышленности, под процесс национализации в первую очередь попали те частные предприятия, производство про-

дукции которых была крайне важна для Советского государства, и те, владельцы которых проводили политику саботажа. Осенью 1918 года государству принадлежало более 9500 промышленных предприятий. В результате национализации промышленности была создана основа для индустриализации экономики молодого социалистического государства. Конституция СССР 1936 года предполагала общественную собственность на средство производства, такое понимание термина национализация закрепилось в общественном сознании. Национализация значит наше, государственное, общее.

Спецификой же современной национализации в нашей стране является то, что ей подвергаются зарубежные компании, владеющие предприятиями на территории России, но совсем с иной целью. Власть национализует имущество этих компаний, а затем продают российскому бизнесу в частную собственность. Что не имеет ничего общего с первыми шагами советской власти. Несмотря на это, национализация зарубежной продукции стала инструментом пропаганды и своеобразным патриотическим актом, который объединяет общество в поисках идентичности и самопонимания. Во всех вышеперечисленных случаях ребрендинг не ведёт к смене экономической модели. Она по-прежнему лишь внешне ориентирована на создание иллюзии самобытности и продолжает транслировать западную культуру, но под новым названием. Существующая экономическая модель позволяет удовлетворять уже устоявшиеся потребности современного российского общества, но при этом создаёт образ конфронтации с западной культурой. Тем самым, создавая иллюзию избавления от западной пропаганды. Этот процесс можно рассматривать как симулякр, то есть явление, когда искусственные или искаженные образы стремятся имитировать реальность, но в то же время несут в себе определенное искаженное сообщение или ценности.

В настоящее время становится всё сложнее различать, где реальность, а где знаки. Так как предметы являются составляющим знаковой системы, то потребляя их, человек использует и сами знаки. «Потребление – пишет Бодрийяр, – является систематическим актом манипуляции знаками, чтобы стать предметом потребления, предмет изначально должен стать знаком» [7, с. 52]. В современном мире подлинный смысл явлений, которые являются симулякрами, транслируется через словесные и визуальные образы, имеющие императивный характер предписания. Несмотря на то, что эти образы имеют глубокие культурные корни и существуют независимо от симулякра, сейчас они все чаще приобретают свойство симуляции.

Обращая свое внимание на культуру, Ж. Бодрийяр отмечает, что она находится в состоянии массовой катастрофической революции. Но особенность подобной революции состоит не в возрастающей мятежности, а в увеличивающейся пассивности масс. Такие условия являются благоприятной почвой для замены реальных человеческих взаимоотношений. Различая конкретную функцию вещи и ее незначительные свойства, необходимо заметить, что в первом случае вещь служит для разрешения некой практической задачи, а во втором ее понимании она становится способом урегулирования определенного социального или психологического конфликта. Примером этого и является импортозамещение. В связи с геополитическими напряжениями, уход с российского рынка за-

рубежных брендов вызвал у людей страх неспособности удовлетворения потребностей. Для того, чтобы нейтрализовать напряжённость в обществе государство и отечественные предприниматели начали выпускать уже знакомую по рецептуре и виду продукцию, но под новыми брендами.

Применение концепции французского мыслителя к анализу современного потребления предполагает сквозь призму категории «симулякр». Это подразумевает выявление образов и значений, характерных для современного общества, выявляя в них долю воображаемого, и их влияние на поведение потребителя.

Специфичность симулякра заключается в том, что сущее функционирует даже тогда, когда смысл его существования уже не обозрим. При описании массового общества потребления Бодрийяр отмечает, что оно характеризуется подражательством, а мы живем в «век притворства». Эта эпоха характеризуется непрерывным процессом подражания, который приводит к созданию симулякров или «воспроизведений объектов или событий» [8].

Использование мирового опыта в национальном производстве является естественным для развития отстающей экономики. После национализации производства в 1918 году Большевики продолжили использовать зарубежные технологии для создания отечественной продукции. Чтобы преодолеть разрыв между своим и зарубежным производством мастера заимствовали и адаптировали западную технику, выдавая её за отечественное изобретение. Так, калькулятор «Электроника МК-85» (1986 г.) является копией «Casio FX-700 P» (1984 г.), советский магнитофон «Мелодия МГ-56» (1956 г.) был сделан по подобию германского «Grundig TK820» (1955 г.). Знаменитая «Нева-3» (1965 г.) на самом деле клон бритвы «60 De Luxe от Remington» (1953 г.) американского производства. Пылесосы «Чайка» (1963г.) и «Сатурн» (1963г.) также являются копиями зарубежных моделей «Remoco (Erres)» (1939 г.) и Hoover Constellation (1963 г.). Даже знаменитый дизайн автомобиля ВАЗ-2103, выпущенного в 1972 году, был разработан совместно с итальянцами.

При этом довольно знаковыми заграничными брендами для советского человека были «Coca-Cola» и «Fanta», джинсы, кроссовки и костюмы «Adidas», жевательная резинка, ресторан быстрого питания «McDonald's», Бокалы из чешского стекла, сервиз «Мадонна» из ГДР и даже давно пустая бутылка из-под французского коньяка – в советское время для украшения интерьера годился любой предмет с импортной наклейкой. В моде тоже ориентировались на запад: перешивали самостоятельно популярные модели, подделывали этикетки. Несмотря на производство отечественных аналогов, зарубежная труднодоступная продукция представляла в обществе большую ценность. Иностранные знаки и символы стали неотъемлемой частью советской культуры, укоренившись в сознании вплоть до современных поколений.

Такое явление характерно и для России, ведь спрос на заграничное не исчез. Пропаганда «своей» продукции всё больше приобретает форму симулякра по мере симуляции отечественного производства в настоящее время. При этом в связи с геополитическими процессами современная Россия стремится к самоидентификации, поднятию уровня патриотизма и отделению от навязанного западной культурой образа жизни. По мимо им-

портозамещения в нашей стране всё чаще обращаются к приватизации советской символики. Приватизация – явление противоположное национализации. «Под приватизацией государственного имущества понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации в собственность физических и (или) юридических лиц» [9]. Советское наследие – это не только заводы и нефтедобывающие предприятия, приватизация которых закончилась в 90-е годы, это также культура, смыслы и идеи, которые и являются символами. Иконические образы из советской эпохи, такие флаг и герб СССР, а также известные герои советских детских мультфильмов, становятся объектами коммерциализации и использования в маркетинговых кампаниях.

Примером приватизации советских символов является мультфильм «Простоквашино» и его персонаж кот Матроскин, ставший «лицом» одноимённого бренда молочной продукции. Ещё одним советским героем, чей образ активно используется в рекламе, стал Мойдодыр в рекламе стирального порошка «Миф». В 2021 году сеть магазинов «Магнит» запустила новогоднюю рекламную кампанию с героями «Союзмультфильм»: попугай Кеша, Чебурашка, Карлсон, кот Леопольд и другие. Значки, с которыми можно было получить, совершая покупки в магазине. А в 2023 году «АльфаСтрахование» использовало образ главной героини фильма «Гостья из будущего» Алисы Селезнёвой и песню Евгения Крылова «Прекрасное далёко». В феврале 2020 года в Московском метро стартовала совместная рекламная кампания популярного сервиса по доставке еды «Delivery club» и киностудии «Союзмультфильм», где персонажи советских мультфильмов воспользовались доставкой. На стикерах были изображены любимые герои детства, которые знакомятся с новым для них сервисом доставки еды. «Красный Октябрь», ныне входящая в холдинг «Объединенные кондитеры», торгует популярными еще в советское время конфетами «Мишка Косолапый» и «Огни Москвы». А парфюмерный хит советских женщин духи «Красная Москва» сегодня можно купить в интернет-магазине фабрики «Новая Заря».

В интернет-магазинах также можно легко найти различную продукцию, напоминающую об ушедшей эпохе СССР – реплики орденов, пилотки, шапки-ушанки с красной звездой, плакаты с советскими слоганами и даже футболки, и кружки со Сталиным, изображение Ленина на чехлах для «iPhone».

Целевая аудитория у таких товаров по-прежнему есть, и она активна. Опрос ВЦИОМ 2014 года показал, что более 30 процентов россиян посчитало, что «советские» марки отличает высокое качество, а почти четверть сказали, что покупают продукцию этих брендов из-за хорошего вкуса [10].

По словам культуролога Сергея Никитина-Римского, популярность советских марок на российском рынке неудивительна: «Для нас это наиболее видимая, яркая часть наследия. А наследие вызывает чувства – в первую очередь, ностальгию» [8]. Такой подход позволяет создать эмоциональное историческое соединение с прошлым и укрепить патриотические чувства современных россиян. Однако, уточняет историк, в этой ностальгии едва ли есть что-либо помимо эмоциональной составляющей, так как «содержательный аспект там минимален» [8].

Приватизацию советских символов можно рассматривать как симулякр, который

формирует новую культурную реальность и идентичность, но уже в современных условиях. Проблема в том, что использование советских символов в коммерческих целях может противоречить изначальной идее социалистической эпохи и нести в себе опасность искажения исторической памяти.

Таким образом, национализация и приватизация являются важной составляющей как социокультурных, так и экономических процессов. В современной России эти процессы носят характер симулякра, так как представляют собой имитацию иностранных брендов, которая заключается лишь в смене названия, а не содержания, а тиражирование советских символов в коммерческих целях приводит к искажению изначальных смыслов, заложенных в них. Современная Россия находится в процессе формирования собственной идентичности, которая сочетает в себе элементы советской и зарубежной культуры. Однако такие действия могут стать угрозой для создания ложного впечатления о российском происхождении и авторстве, а также потери оригинальности и уникальности собственных культурных ценностей и традиций.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла М.: Добросвет, 2000.
3. Мурашко М. М. Российская стратегия импортозамещения в ТЭК. – Геоэкономика энергетики. № 2 (22). 2023. С. 18–39.
4. Гладких А.С., Филиппова И.А. Экономика России в условиях специальной военной операции // Вестник УлГТУ. 2023. №2 (102).
5. Франшиза.ру – каталог франшиз [Электронный ресурс] URL: <https://franshiza.ru/>
6. Дорофеева Ю. А. Национализация: аспект международного частного права. Самара: Изд-во Самарск. гос. экон. акад., 2000.
7. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
8. Вечерняя Москва [Электронный ресурс] URL: <https://vm.ru/tv/855385-intervyu-s-kulturologom-prezidentom-mezhdunarodnogo-proekta-velonoch-sergeem-nikitiny-m-rimskim>
9. Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О приватизации государственного и муниципального имущества» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/f868c1b260e14dea408a683e94682b46fa9f0a9c/
10. Россияне отдают предпочтения «советским» торговым маркам известных производителей / ВЦИОМ [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-otdayut-predpochtenie-sovetskim-torgovym-markam-izvestnykh-proizvoditelej>

Сведения об авторах

Добронравов Кирилл Олегович – кандидат философских наук, г. Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, доцент кафедры театрального искусства и социокультурных процессов.

Email: KirillDobronravov07@gmail.com

Волкова Диана Дмитриевна – студент, г. Омск Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Email: voldi_04@mail.ru

Dobronravov K. O., Volkova D. D.

NATIONALIZATION OF FOREIGN BRANDS AND PRIVATIZATION OF SOVIET SYMBOLS IN MODERN RUSSIA

Abstract: *The article examines two opposite processes that have been especially characteristic of the modern Russian economy since the beginning of its development. On the one hand, the nationalization of foreign brands in the context of confrontation with the West, on the other hand, the privatization of Soviet symbols. The authors use the concept of a simulacrum of J. Baudrillard and consumer societies to describe oppositely directed phenomena and their impact on the formation of Russian identity and the consolidation of modern society, government and business. This approach allows us to look at the economic processes of modern Russian society from the socio-cultural side and clarify the anthropological meanings in which the domestic consumer and citizen exist. In conclusion, the authors conclude that nationalization and privatization are an important component of both socio-cultural and economic processes. In modern Russia, these processes have the character of a simulacrum, as they represent an imitation of foreign brands, which consists only in changing the name, not the content, and the replication of Soviet symbols for commercial purposes leads to a distortion of the original meanings inherent in them. Modern Russia is in the process of forming its own identity, which combines elements of Soviet and foreign culture. However, such actions can become a threat to create a false impression of Russian origin and authorship, as well as the loss of originality and uniqueness of their own cultural values and traditions.*

Keywords: brand, symbol, nationalization, privatization, simulacrum, consumer society, mass culture.

References

1. Bodrijar Zh. Paroli. Ot fragmenta k fragmentu. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006.
2. Bodrijar Zh. Prozhivnost' zla M.: Dobrosvet, 2000.
3. Murashko M. M. Rossijskaja strategija importozameshhenija v TJeK. – Geojekonomika

- jenergetiki. № 2 (22). 2023. P. 18–39.
4. Gladkih A.S., Filippova I.A. Jekonomika rossii v uslovijah special'noj voennoj operacii // Vestnik UIGTU. 2023. №2 (102).
 5. Franshiza.ru – katalog franshiz [Jelektronnyj resurs] URL: <https://franshiza.ru/>
 6. Dorofeeva Ju. A. Nacionalizacija: aspekt mezhdunarodnogo chastnogo prava. Samara: Izd-vo Samarsk. gos. jekon. akad., 2000.
 7. Bodrijjar Zh. Obshhestvo potreblenija. Ego mify i struktury. M.: Respublika; Kul'turnaja revoljucija, 2006.
 8. Vechernjaja Moskva [Jelektronnyj resurs] URL: <https://vm.ru/tv/855385-intervyu-s-kulturologom-prezidentom-mezhdunarodnogo-proekta-velonoch-sergeem-nikitiny-m-rimskim>
 9. Federal'nyj zakon ot 21.12.2001 N 178-FZ (red. ot 14.02.2024) «O privatizacii gosudarstvennogo i municipal'nogo imushhestva» [Jelektronnyj resurs] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/f868c1b260e14dea408a683e94682b46fa9f0a9c/
 10. Rossijane otdajut predpochtenija «sovetskim» trgovym markam izvestnyh proizvoitelej/VCIOM [Jelektronnyj resurs] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-otdayut-predpochtenie-sovetskim-torgovym-markam-izvestnykh-proizvoitelej>

Dobronravov Kirill Olegovich – candidate of philosophical sciences, Omsk, Omsk State University. F. M. Dostoevsky, Associate Professor of the Department of Theater Arts and Sociocultural Processes.

Email: KirillDobronravov07@gmail.com

Volkova Diana Dmitrievna – student, Omsk Omsk State University. F. M. Dostoevsky.

Email: voldi_04@mail.ru

УДК 101.3

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-23-30

ПОНЯТИЕ ЭКОФИЛОСОФИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Рочняк Е. В.

Аннотация: В статье рассматриваются работы франко-, испано-, итальяно- и немецкоязычных авторов, работающих в рамках экофилософской проблематики. Анализируется специфика их понимания термина «экофилософия» как достаточно нового, однако широко обсуждаемого направления философской мысли. Делается вывод о том, что несмотря на различия в подходах, мыслители однозначно трактуют экофилософию как сверхинтегративную дисциплину, имеющую глубокие этические корни.

Ключевые слова: экофилософия, экософия, триада «человек – общество – природа», западноевропейский философский дискурс.

Термин «экофилософия» был введенный философский дискурс в середине 1960-х годов норвежским философом Зигмундом Квалёйем Сетренгом (Sigmund Kvaløy Setreng), научным руководителем Арне Нэсса, для обозначения своей исследовательской группы в Университете Осло и получивший свое широкое распространение уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Изначально он трактовался достаточно узко, не выходя за рамки понимания экофилософии как философии экологии: «Экофилософия передает направленность философской мысли на осмысление недавно возникшей экологической ситуации во всей ее новизне и специфичности с тем, чтобы не допустить ее перерастания в экологическую катастрофу с самыми трагическими для людей последствиями» [цит. по: 1, с. 300]. При этом сам З.К. Сетренг подчеркивал активный характер экофилософии, необходимость для профессионального экофилософа не просто размышлять и анализировать, а переходить непосредственно к экополитическому действию.

Однако на данный момент термин «экофилософия» используется для обозначения комплексного социально-философского направления, всесторонне исследующего диалектику универсальных законов и всеобщих принципов взаимодействия триады «человек – общество – природа» с акцентом на необходимость их гармонии, сотворчества, сотрудничества, понимая мир как нераздельное органическое целое.

Франкоязычные работы по экофилософской проблематике

Среди франкоязычных работ, посвященных проблемам экофилософии, мировую известность приобрела работа «Три экологии» (1989) Феликса Гваттари (Pierre-Félix Guattari). Эссе Гваттари – это не только удивительно глубокие и актуальные размышления и предостережения, но и в какой-то степени программа действий. Мыслитель указывает, что нужно перестать ассоциировать экологию с людьми, любящими природу, или группой специалистов, занимающихся наукой экологией, т.к. объект экологии

предельно широк. В своем эссе он обращает внимание на экологический кризис планеты прежде всего с политической, социологической, культурной и психологической точек зрения, предлагая необходимость реконверсии человеческой жизни исходя из трех экологий: экологии окружающей среды (environmental), социальной (social) экологии и ментальной (mental) экологии. Данная концепция о трёх взаимодействующих и взаимозависимых экосистемах природы, общества и разума происходит от концепции трех экологий, разработанной изначально англо-американский антропологом, биологом, социологом, кибернетиком и философом Грегори Бейтсоном (Gregory Bateson) в работах «Корни экологических кризисов» (1970) и «Шаги к экологии разума» (1972).

Согласно Гваттари, три основных регистра или уровня, на которых экология имеет значение, суть окружающая среда, социально-политические отношения и человеческая субъективность. Красной нитью в его работе проходит мысль о том, что любые радикальные трансформации должны одновременно совершаться как на внутреннем уровне индивидуального и общественного сознания, так и на внешнем уровне материальной и социальной среды обитания человека.

В своем эссе Ф. Гваттари определяет экофилософию / экософию как течение мысли, которое способствует поиску мудрости в разгар глобального экосистемного кризиса. Там же указывается, что можно считать объектом экософии: «Проблема в том, чтобы знать, как мы собираемся жить на этой планете отныне, в контексте ускорения научно-технических мутаций и значительного роста населения» [2, с. 8]. Другими словами, тематизируется разработка трансдисциплинарных знаний, гарантирующих выживание человеческого вида в гармонии с природой.

В философском поле Франции последних лет следует отметить книгу Шарлотты Люйкс «Экофилософия. Корни и философские проблемы экологического кризиса» [3], где экофилософия рассматривается как научный подход, целью которого является изучение проблем, общих для экологии и философии. Автор использует его для создания собственной модели «интегральной экологии», призванной найти рычаги воздействия на политических, экономических и промышленных деятелей для того, чтобы их решения во всех областях были «основаны на экологии и для нее». Ш. Люйкс подчеркивает, что хотя корни нынешних экологических бедствий глубоко экзистенциальны, проблемы невозможно решить, если отнести их только к области индивидуального сознания. Нельзя изменить нашу модель общества, изменяя лишь индивидуальные привычки и представления о мире. Лишь коллективная работа во всех сферах жизни даст толчок для возникновения новой «устойчивой» цивилизации.

Эта же мысль о необходимости не индивидуального, а коллективного пути в поисках выхода из системы цивилизационных кризисов красной нитью проходит через тексты другой французской мыслительницы и экоактивистки Шарлотты Ласковски, представленные на её официальном сайте. «Нашему миру катастрофически не хватает мудрости; экофилософия работает над восстановлением смысла работы и знания того, как жить вместе», – учит Ш. Ласковски [4]. Все современные цифровые, технологические, научные, медицинские революции помогают лишь на время приспособиться к миру, в

то время как требуется его изменить. Причем эти изменения должны базироваться на прочной связи между экономическим развитием и экологической ответственностью. И именно экофилософия должна обеспечить теоретическую базу данной связи.

Собственно, это требование и становится причиной проведения во Франции конференций и симпозиумов по экофилософской проблематике международного уровня, например, международный симпозиум в Университете Paris Ouest Nanterre Defense, активными участниками которого являются, например, специалист по философии окружающей среды и философии животных Хишам-Стефан Афейсса (Hicham-Stéphane Afeissa) и психиатр и психоаналитик Тьерри Мельхиор (Thierry Melchior), развивший концепцию экофилософии в своей книге «Создать реальность».

Испаноязычные экофилософские труды

Представители испаноязычной философии Ана Елена де Вильялобос (Ana Elena de Villalobos) и Сандра Уичич (Sandra Uicich) рассматривают экофилософию как междисциплинарный подход к экологическим проблемам, при котором «наука и философия делают ставку на плодотворное понимание и прежде всего на переосмысление отношений человека и природы» [5]. При этом экофилософия становится «не агентом, смягчающим последствия технократической культуры для природы, а скорее агентом, преобразующим этическую приверженность общества природе» [Там же]. Практический путь к сохранению биоразнообразия заключается в обеспечении разумного уровня жизни для всех людей, при котором одни должны снизить свои потребности, чтобы другие могли выбраться из абсолютной бедности.

Авторы критикуют антропоцентрический подход, известный под названием «устойчивого развития», при котором «устанавливается дуализм между природой и человечеством, где управление природой необходимо для того, чтобы не истощать ресурсы» [Там же]. Их также не устраивает биоцентрический подход глубинной экологии, поскольку его индивидуалистический пафос не позволил «дать адекватный ответ экологическому кризису» [Там же]. Выход они видят в экоцентризме как сосредоточении на экосистемах. В основе экоцентризма лежит то, что люди развились, будучи погруженными в сложную сеть взаимосвязей неиндивидуальных объектов окружающей среды, таких как виды, природные популяции, сообщества, экосистемы и вся биосфера Земли.

Акцент на защите и поддержании экосистем, а не отдельных форм жизни, на солидарности людей, живущих по всему миру, а не на индивидуальном мировосприятии и поведении, на повышении качества жизни всех и каждого через внедрение экономики счастья, а не экономики сверх-потребления делается также в работе Алисии Ирен Бугалло (Alicia Irene Bugallo) [6].

Испано-индийский философ и теолог Раймон Паниккар (Raimon Panikkar) использует термин «экософия» во многих своих текстах (например, «Экософия: новая мудрость. Для духовности земли» (1993) [7], «Экософия. Мудрость земли» (2015) [8]). Под ним он подразумевает мудрость, присущую нашей планете Земля как субъекту, как живому существу и как «матери» (во многих культурах обычно используется выражение «мать-земля»), которая знает, как заботиться о своих существах. Вместо антропоцен-

тризма, который, по его мнению, предвзят и несбалансирован, Паниккар предлагает космоандризм. Данный термин происходит от добавления слова *cosmo-* к «теандризму», которое в греческой этимологии означает союз бога и человека (*theos + andros*, или даже *anthropos*), указывая, что измерения Бога, Человека и Космоса не могут быть поняты друг без друга.

Экофилософские исследования в Италии

Что касается итальяноязычного философского дискурса, то несмотря на большой корпус работ представителей различных природоохранных движений и экокритиков (напр. Серенелла Иовино (*Serenella Iovino*), Делла Валентина Джанлуиджи (*Della Valentina Gianluigi*), Федерико Паолини (*Federico Paolini*)), термин «экофилософия» практически не встречается в научном обороте. Единственным исключением, которое нам удалось найти – это отсылка на интервью в 2007 г. с некоторыми членами Экофилософской ассоциации Тревизо («*Associazione Eco-Filosofica di Treviso*»), существующей с 1980 г. в Венеции. В нем экофилософия характеризуется как «активная, актуальная философия, способная влиять на общество и не сводящаяся к эрудиции и академизму» [9]. Экофилософская культура базируется на идее устойчивости и уважения ко всем существам и её активное внедрение и распространение, в том числе через образовательные учреждения и добровольческие движения.

Ситуация с исследованиями по экофилософии в Германии

Немецкоязычный термин «*Ökophilosophie*» на онлайн-странице академических словарей и энциклопедий трактуется как «философия экологической гармонии и равновесия», а также обозначает «область практики» в экологической сфере [10].

Отметим, что хотя в Германии экологические идеи получили высокий уровень распространения (например, различного рода зелёные движения, эковолонтерство), однако в плане философского осмысления проблемы у немцев, в отличие от французов или испанцев, нет фигур действительно мирового уровня. Именно поэтому все найденные нами работы, так или иначе связанные с экофилософской тематикой, были переводными изданиями, в том числе с русского языка.

Исключением стали исследования антрополога и специалиста по биоэтике Дитера Бирнбахера (*Dieter Birnbacher*), например, «Ответственность перед будущими поколениями» [11], «Биоэтика между природой и интересом» [12] и, естественно «Экофилософия» [13], в которых хотя и не рассматриваются непосредственно сущность экофилософии и её проблемы, однако подчеркивается потребность в сотрудничестве между философией и эмпирическими дисциплинами в сфере экологии во имя настоящего и будущего человечества.

Также одним из признанных авторитетов в области философских вопросов экологии является Витторио Хёсле (*Vittorio Hösle*), который, впрочем, не использует термин «экофилософия», считая необходимым «создание философии экологического кризиса» [14, с. 9] на основе анализа его причин и осмысления путей экологизации материального производства с целью выработки обоснованной стратегии экологического выживания человечества. Он уверен в практикоориентированном характере создаваемой им

дисциплины. Это можно увидеть из его заключения о том, что «эта дисциплина (философия экологического кризиса. – *Е.Р.*) не вправе ограничиваться лишь констатацией метафизического измерения опасности и ее генезиса» [15, с. 8]. В качестве аргумента он приводит следующий убедительный пример: «Представим себе, что мы оказались посреди замерзшего озера. Лед трещит под ногами так, что опасность очевидна. Но только знать о ней – недостаточно; от гибели надо искать спасение. И мы надеемся на то, что с помощью света философии сможем заметить спасительный берег, скрытый от нашего взора сильным туманом. Более того, философия поможет нам избрать верный путь, и мы будем продолжать двигаться вперед, так как путь назад гораздо длиннее, чем путь вперед» [Там же, с. 7].

В идейном диалоге с предыдущим автором выступает представитель так называемой «третьей волны» Франкфуртской школы Конрад Отт (Konrad Ott), специализирующийся на проблемах экологической и климатической этики и ведущий активную общественную и политическую деятельность. Его работы в основном касаются теории устойчивого развития и политической справедливости. В них он проводит мысль о том, что связь между дискурсом об устойчивости и справедливости является средством примирения между сохранением природы и её активным формированием силами человека [см., напр., 16, 17, 18].

И последним значимым немецким исследователем, работающем в экофилософском русле, является Фридеманн-Экарт Шварцкопф (Friedemann-Eckart Schwarzkopf). Свою цель он видит в изучении влияния человеческого сознания на внешнюю реальность, в том числе и на природу, акцентируя внимание на вопросе экологии сознания и призывая изменить ценностные установки западного – излишнего и тривиального – потребительства, граничащего со вседозволенностью, для решения глобальных проблем современности: экологического кризиса, социальной поляризации и дисбаланса сил между глобальным Севером и глобальным Югом. Моральным ядром такого рода трансформации должна стать любовь к природе, к Богу, к ближнему, к себе. Именно любовь позволит человеку преодолеть собственный эгоизм и остановиться в своем стремлении брать от другого больше, чем это ему реально нужно для жизни [19].

Заключение

Таким образом, проанализировав наличные определения экофилософии и подходы к экофилософской проблематике в западноевропейском дискурсе, мы можем резюмировать, что в подавляющем большинстве случаев подчеркивается её сверхинтегративный, интердисциплинарный характер, глубокие этические корни, отказ от радикального антропоцентризма и общественная форма выраженности. Также отметим, что несмотря на обстоятельную разработанность проблемы, богатую палитру точек зрения, высказанных различными авторами в своих исследованиях, проблема сущности и специфики экофилософии остается открытой для дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Горелов А.А. Основы философии. М.: Академия, 2014.
2. Guattari F. The Three Ecologies. Bloomsbury Academic, 2014.
3. Luyckx Ch. Écophilosophie. Racines et enjeux philosophiques de la crise écologique. Academia, 2020.
4. Charlotte Laskowski. URL: <http://ecophie.com>atelier-kronos.html> (дата обращения: 02.08.2024)
5. Villalobos A.E. de y Uicich S. Ecofilosofia: disciplina y arte en la relación del hombre con la naturaleza. URL: https://bahiallanca.conicet.gov.ar/boletin/boletin29/indexde6c.html?option=com_content&view=article&id=2365&Itemid=1269#:~:text=La%20ecofilosof%C3%ADa%20es%20una%20disciplina,han%20causado%20el%20deterioro%20ambiental (дата обращения: 02.08.2024)
6. Bugallo A.I. Espacio interdisciplinar para las ciencias y la ecofilosofía // Ludus Vitalis. 2006. vol. XIV. num. 26. pp. 207-210.
7. Ecosofia: la nuova saggezza. Per una spiritualità della terra, Cittadella, Assisi (PG), 1993.
8. Ecosofia. La saggezza della terra. Jaca Book, 2015.
9. Zarelli E. Ecologia, decrescita e non dualità: una cultura ecofilosofica per il nostro tempo // Consapevole. URL: <https://www.viviconsapevole.it/articoli/ecologia-decrescita-e-non-dualita.php> (дата обращения: 10.09.2024)
10. Academic dictionaries and enciclopedias. URL: <https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/2640139> (дата обращения: 10.09.2024)
11. Birnbacher D. Verantwortung für zukünftige Generationen. Stuttgart: Reclam, 1988.
12. Birnbacher D. Bioethik zwischen Natur und Interesse. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2006.
13. Birnbacher D. Ökophilosophie. Stuttgart: Reclam, 1997.
14. Hösle V. Philosophie der ökologischen Krise: Moskauer Vorträge. München : Beck, Cop., 1991.
15. Хёсле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993.
16. Ott K. Ökologie und Ethik: Ein Versuch praktischer Philosophie. Tübingen : Attempto Verlag, 1993.
17. Ott K. Vom Begründen zum Handeln: Aufsätze zur angewandten Ethik. Tübingen : Attempto Verlag, 1996.
18. Ott K. Technikfolgenabschätzung und Ethik: Eine Verhältnisbestimmung in Theorie und Praxis. Zürich: ETH, 2000.
19. Schwarzkopf F. Die Metamorphose des Gegebenen: eine Ökologie des Bewusstseins. Novalis-Verlag, 2001.

Сведения об авторе

Рочняк Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Донецкого государственного педагогического университета имени В. Шаталова, г. Горловка.

Email: lero1981@yandex.ru

Rochnyak E. V.

THE CONCEPT OF ECOPHILOSOPHY IN WESTERN EUROPEAN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Abstract: *The article reviews the works of French-, Spanish-, Italian- and German-speaking authors working within the framework of ecophilosophical issues. It analyzes the specifics of their understanding of the term “ecophilosophy” as a rather new, but widely discussed direction of philosophical thought. It is concluded that, despite the differences in approaches, the thinkers unambiguously interpret eco-philosophy as a super-negative discipline with deep ethical roots.*

Keywords: *ecophilosophy, ecosophy, human-society-nature triad, Western European philosophical discourse*

References

1. Gorelov A.A. Osnovy filosofii [Fundamentals of Philosophy]. Moscow: Akademija, 2014.
2. Guattari F. The Three Ecologies. Bloomsbury Academic, 2014.
3. Luyckx Ch. Écophilosophie. Racines et enjeux philosophiques de la crise écologique. Academia, 2020.
4. Charlotte Laskowski. URL: <http://ecophie.com/atelier-kronos.html> (data obrashhenija: 02.08.2024)
5. Villalobos A.E. de y Uicich S. Ecofilosofía: disciplina y arte en la relación del hombre con la naturaleza. URL: https://bahia blanca.conicet.gov.ar/boletin/boletin29/indexde6c.html?option=com_content&view=article&id=2365&Itemid=1269#:~:text=La%20ecofilosof%C3%ADa%20es%20una%20disciplina,han%20causado%20el%20deterioro%20ambiental (data obrashhenija: 02.08.2024)
6. Bugallo A.I. Espacio interdisciplinar para las ciencias y la ecofilosofía // Ludus Vitalis. 2006. vol. XIV. num. 26. pp. 207-210.
7. Ecosofia: la nuova saggezza. Per una spiritualità della terra, Cittadella, Assisi (PG), 1993.
8. Ecosofia. La saggezza della terra. Jaca Book, 2015.
9. Zarelli E. Ecologia, decrescita e non dualità: una cultura ecofilosofica per il nostro

- tempo // Consapevole. URL: <https://www.viviconsapevole.it/articoli/ecologia-decrescita-e-non-dualita.php> (data obrashhenija: 10.09.2024)
10. Academic dictionaries and enciclopedias. URL: <https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/2640139> (data obrashhenija: 10.09.2024)
 11. Birnbacher D. Verantwortung für zukünftige Generationen. Stuttgart: Reclam, 1988.
 12. Birnbacher D. Bioethik zwischen Natur und Interesse. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2006.
 13. Birnbacher D. Ökophilosophie. Stuttgart: Reclam, 1997.
 14. Höhle V. Philosophie der ökologischen Krise: Moskauer Vorträge. München : Beck, Cop., 1991.
 15. Höhle V. Filosofija i jekologija [Philosophy and Ecology]. Moscow: Nauka, 1993.
 16. Ott K. Ökologie und Ethik: Ein Versuch praktischer Philosophie. Tübingen : Attempto Verlag, 1993.
 17. Ott K. Vom Begründen zum Handeln: Aufsätze zur angewandten Ethik. Tübingen : Attempto Verlag, 1996.
 18. Ott K. Technikfolgenabschätzung und Ethik: Eine Verhältnisbestimmung in Theorie und Praxis. Zürich: ETH, 2000.
 19. Schwarzkopf F. Die Metamorphose des Gegebenen: eine Ökologie des Bewusstseins. Novalis-Verlag, 2001.

Rochnyak Elena Vladimirovna – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, V. Shatalov Donetsk State Pedagogical University, Gorlovka.

Email: lero1981@yandex.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2, 343.811

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-31-41

АРХЕТИП ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ В ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Пономарев С. Б.

Аннотация: Исследованный К.Г. Юнгом архетип Великой матери олицетворяет созидательную, животворящую природную силу, дарующую жизнь женское начало. В статье описаны проявления архетипа Великой матери в среде лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и вовлеченных в тюремную субкультуру. Показана связь архетипа Великой матери с феноменом призонизации, описана энантиодромия архетипа Великой матери, заключающаяся в его трансформации в архетип Смерти в условиях пенитенциарного пространства. Приведены примеры аутодеструктивного поведения заключенных, связанные с архетипом Великой матери, описана его реализация в ритуале тюремной инициации. В заключении сделан вывод о высокой значимости архетипа Великой матери для тюремной субкультуры. Актуальность работы заключается в том, что описанный архетип реализован в различных культурных проявлениях, присущих сообществу заключенных: тюремных запретах, татуировках, обычаях, ритуалах. Показано, что изменения психики, свойственные заключенным, ведут к пробуждению в подсознании скрытых хтонических сил, реализующихся по единым законам культурной гомоплазии, одинаковым как для примитивных племен, так и для современных сообществ адептов тюремной субкультуры.

Ключевые слова: тюремная субкультура, архетип «Великая мать», архетип «Смерть», энантиодромия, призонизация, пенитенциарная система.

Введение. Несколько слов об архетипе «Великая мать»

Архетип «Великая мать» входит в базовую гептаду архетипов, предложенных и описанных К.Г. Юнгом (наряду с такими архетипами, как Тень, Анима, Анимус, Мудрый старец, Младенец и Самость) [1]. Нет нужды говорить, что дородовые впечатления любого человека и первые мгновенья его жизни связаны с образом матери и оказывают неизгладимое влияние на всю его последующую жизнь. Как предполагается, механизм материнского импринтинга во многом связан с архетипом Великой матери. Считается, что данное явление (материнский импринтинг) происходит сразу после рождения или максимум в течение короткого, т.н. «сенсительного» (или «критического») периода ранней младенческой жизни. При этом последствия материнского импринтинга необратимо закрепляются в психике индивида до конца его дней.

Известно, что архетип Великой матери олицетворяет созидательную природную силу,

дарующее жизнь женское начало. В структуре любой мифологической системы существует образ высшего женского существа [2], воплощающий животворящие силы природы. Не случайно, первыми творениями человека (возрастом до 38 тысяч лет) считаются т.н. Венеры палеолита – женские скульптуры с выраженными половыми признаками. Во всех религиях и мифологических системах мира с древнейших времен присутствуют богини, воплощающие образ «Великой матери». В Древней Греции это Гея, Деметра, Персефона, в Малой Азии Кибела, в Древнем Египте Нут и Исида, в Риме Рея и Церера, в Японии Аматерасу и Каннон, в Индии Шакти и Парвати, в Китае Нюйва и Гуаньинь. Именно к помощи таинственных «великих матерей» прибегает Мефистофель в «Фаусте» для материализации и оживления идеального женского образа, дочери Зевса – прекрасной Елены. Воплощением архетипа Великой матери в христианстве является образ пречистой Девы Марии – заступницы всех верующих в Христа [2]. Образ матери – это прежде всего символ родины, родной земли, родного очага.

В целом указанный архетип – это стабильная психическая конструкция, некая устойчивая знаковая структура, базовая “схема” человеческой души, на основе которой формируется коллективное бессознательное. В качестве последнего традиционно рассматривается надындивидуальное априорное знание, свойственное социуму вообще, вбирающее представления о базовых архетипах и устойчивых образах как формах реализации отдельных архетипов в человеческом сознании.

Вместе с тем присущие коллективному бессознательному паттерны (формы без собственного содержания), относящиеся к тому или иному архетипу, заполняются в процессе жизнедеятельности большим числом различных символов. При этом указанные символы могут проявляться различными способами в каждом конкретном случае. Подтверждением этому служат многочисленные эмпирические наблюдения, при которых даже у малообразованных участников экспериментов возникали переживания универсальных мифологических символов. Общие для всех людей устойчивые архетипические образы реализуются в разнообразных культурных эманациях, как то: сказания, мифы, легенды, сказки, литературные произведения, верования, обычаи, предметы творчества, – а также в личной психической деятельности каждого человека. На личностном уровне действие архетипа манифестируется появлением эмоционально окрашенных образов, за которыми можно усмотреть тот или иной базовый архетип. Таким образом, архетипы могут оцениваться как сердцевина любой культуры, определяющая магистральные направления её развития [3].

Архетип Великой матери в тюремной (пенитенциарной) субкультуре

Актуальность исследования архетипа Великой матери в тюремной субкультуре обусловлена тем, что она (тюремная субкультура) являет собой агрессивную и высокоорганизованную контркультуру, неуязвимость которой основана во многом на устойчивости мифологем, сюжетов и образов, составляющих ее ядро. Здесь под ядром следует понимать некий «священный текст», концентрацию идеалов, определяющих индивидуальное поведение человека, вовлеченного в эту субкультуру [4]. Во многом именно по указанной причине многолетние усилия государства в деле борьбы с тюремной субкультурой не только оказались безуспешными, но в ряде случаев тюремная субкультура

сама начала активно модифицировать базовую культуру общества [2]. Кроме того, исследователями подмечено, что «знаково-символические системы экстремальных групп имеют структурные и функциональные аналогии в архаических и традиционных обществах» [5, с. 132]. Так, в карцерных сообществах проявляются базовые инстинкты и хтонические образы, основным из которых является образ матери. В целом не подлежит сомнению, что преступное поведение человека имеет архетипическую окраску [6]. В полной мере указанное относится к архетипу Великой матери, который, по мнению исследователей, максимально проявляется в условиях тюремной изоляции [6, 7].

Пребывая в условиях искусственной социальной депривации, генерируемой в местах лишения свободы, отбывающий наказание человек испытывает хронический дефицит информации. В условиях длительного и транзитного пенитенциарного стресса у заключенных происходит примитивизация отношений, снижение интеллектуальной деятельности, сужение кругозора. Это во многом обуславливает пробуждение в подсознании человека комплекса базовых архетипов, первичным из которых является архетип Великой матери [7]. Исследовавший преступные архетипы видный отечественный ученый-пенитенциарист Ю.М. Антонян выделяет наряду с этим архетипом и другие, облигатно присущие представителям преступного мира: «Враг», «Тень», «Чужой», «Охотник», «Злодей», «Убийца», «Бродяга» [6]. Ю.М. Антонян также отмечает, что одним из воплощений архетипа Великой матери является жестокая и злая носительница женского начала (Ехидна, Медуза Горгона, богиня Кали и т.п.) [6].

Образ матери – это прежде всего архетип, к которому обращаются в местах лишения свободы в поисках защиты в трудные минуты, когда тоска по родному дому и семье особенно выражена. Пребывание в тюрьме сопряжено с лишением человека привычного для него образа жизни, отчуждением от социального окружения. Пенитенциарное пространство стрессогенно по своей сути и характеризуется целым набором разных деприваций [8], совокупное действие которых ведет к т.н. пенитенциарному стрессу, который оказывает мощное негативное воздействие на психику [8]. В такой обстановке оказавшийся в местах лишения свободы человек обращается за помощью и поддержкой к образу самого близкого и родного человека – своей матери. Роль архетипа Великой матери тут очевидна. В первую очередь это удержание эмоционально-энергетической связи с родным миром для оказавшихся в местах лишения свободы человеком [2].

Образ матери – это священный для каждого заключенного символ [9]. Проявление любого неуважения к матери (удар по месту, где расположена татуировка с упоминанием матери, неподобающие высказывания в разговорах, пение неприличных частушек и т.п. [7]) ведет к немедленному (часто – неадекватно суровому) наказанию со стороны «тюремного самоуправления». Таким образом, образ матери является базовой ценностью тюремной субкультуры [9]. Архетип Великой матери в местах лишения свободы проявляется различными способами. Это татуировки с упоминанием матери: «В этой жизни только мать меня сумеет оправдать. Любви достойна только мать, она одна умеет ждать» [7, с. 57], тюремный шансон: «Я пишу тебе, мама, из глубин Соликама...», «Я к маменьке родной с последним приветом...» и т.п.

Связь феномена призонизации с архетипом Великой матери

Также нужно отметить, что в коллективах осужденных, подверженных действию тюремной субкультуры, образ матери трансформируется, символизируя духовную связь не с внешним, свободным миром, а, наоборот, с темным тюремным царством, ставшим родным для отбывающих длительные сроки заключенных [2]. В пенитенциарии известно такое явление, как призонизация – неосознанное стремление после отбытия срока наказания вновь оказаться в местах лишения свободы, признание тюрьмы в качестве родного дома сидельца [10]. Другими словами, по мере взаимодействия личности с тюремным социумом происходит трансформация отношения человека к пенитенциарному пространству: если вначале оно воспринимается как мертвое, чуждое место пребывания, то в дальнейшем, по мере проникновения идей воровского мира в сознание и душу арестанта, он начинает воспринимать его как родной дом, персонифицируемый в образе матери [2]. Поэтому тюремная татуировка «Не забуду мать родную» говорит на самом деле о тюрьме, о том, что образ матери ассоциируется в психике арестанта с обобщенным образом тюрьмы, которая выступает в качестве проявления архетипа Великой матери.

Архетип «Смерть» как трансформация архетипа Великой матери

В чем-то повторяя положения восточной философии, К.Г. Юнг считал, что для мира архетипов характерна энантиодромия, при которой элемент бессознательного трансформируется в свою противоположность при достижении им определенного предела.

В результате энантиодромии архетип «Великая мать» как символ добра, порядка и заботы может проявляться как Богиня Смерти, представляя разрушительное и агрессивное начало [11]. «Великая мать» ассоциируется с созиданием, теплом и светом (корреляты: положительная энергия Ян в восточной философии, в кибернетике – понятие информации), а «Смерть» – это холод, разрушение и забвение (энергия Инь в восточной философии, в кибернетике – энтропия. Примечательно при этом, что и энтропия, и информация измеряются в одних и тех же единицах – битах).

Таким образом, в соответствии с энантиодромией, «Великая мать» дает человеку жизнь, а «Смерть» ее забирает. Инстинкт страха смерти свойственен всему живому. Его наличие – один из базовых признаков любой психики. Этот инстинкт расценивается в психоанализе как глубинная потребность организма к достижению изначального (существующего до обретения жизни) состояния. Согласно учению З. Фрейда, противоречие между тягой к продолжению жизни, ощущаемой в виде удовольствий (Эрос) и стремлением к аутодеструкции (Танатос) является сущностью *das Es* (Оно). Обе указанные хтонические силы, присущие Оно, являются самыми примитивными и неосознаваемыми сферами личности человека, проявляющиеся на индивидуальном и на коллективном уровнях поведения.

Жизнь на свободе освещается силой Эроса, в тюрьме – силой Танатоса. Мир тюремной субкультуры – это область смерти, где правят идеи разрушения, уничтожения, противостояние традиционным моральным и этическим нормам. «Целью всякой жизни является смерть», – писал З.Фрейд [12, с. 37]. Это утверждение повторяется в тексте тюремной татуировки: «Я рожден, чтобы умереть» [13, с. 52]).

В учреждениях пенитенциарной системы сконцентрированы люди, подверженные

силе Танатоса, ведущие асоциальный образ жизни, склонные к противоправным поступкам, криминальному, девиантному поведению. Это люди с низкой санитарной культурой, приверженные к употреблению алкоголя и наркотиков. В их среде присутствует культ саморазрушения, реализующийся через разные виды деструктивного поведения.

Так, широко распространенное в тюремной среде намеренное членовредительство называется на тюремном сленге «мастыркой». Это может быть проглатывание выделений больного туберкулезом, прижигание головки полового члена с целью симуляции сифилиса, намеренная ампутация конечностей, заглатывание инородных предметов (гвозди, ложки и т.п.). Широко распространена среди заключенных тяга к самоубийству, процент случаев которого может достигать четверти всех причин смерти среди лиц, отбывающих наказание.

Жизнь в тюрьме сравнима с пребыванием и страданием грешных душ в аду. Помещение человека в тюрьму является аналогом смерти человека для его родных и близких, началом мучений в мрачном царстве тюремного Аида. Неслучайно проводивший четыре года каторги и подвергнутый инсценировке смертной казни Ф.М. Достоевский дал тюрьме название «мертвый дом».

Атрибуты смерти, символы Танатоса прочно вошли в набор кодов тюремной субкультуры. «Сами воры воспринимают себя и свое новое положение именно как символическую смерть... Для вора: а) смерть не страшна, а желанна: “Вору не страшна смерть”, “Меня исправит только смерть”; б) смерть всегда рядом, и она ждет: “Я смерть бессмертная всегда рядом!”, “Смерть всегда рядом – она избавление от земных мук”, “Смерть меня ждет всегда”; в) вор уже мертв: “Я уже труп”; г) смерть обитает внутри вора: “От меня пощады не жди”, “Я скоро приду за твоей жизнью суки”; д) смерть – главная цель жизни: “Я рожден, чтобы умереть” – с изображением черепа на кресте. Ожидание смерти содержится, к примеру, в татуировке с аббревиатурой “МИР” – “Меня исправит расстрел”» [14, с. 12].

В условиях отбывания наказания происходит медленное психологическое разрушение личности [15]. Как было сказано выше, у длительно находящихся в местах лишения свободы людей отмечается примитивизация интересов, стремление к удовлетворению простейших жизненных потребностей. Наблюдается духовная смерть субъекта в мире отсутствия мысли о бытии [16]. По этому поводу известно мнение отечественного философа М.К. Мамардашвили, который рассуждает о явлении «отсутствующего сознания». Так ученый определяет состояние, при котором сознание человека опустошено, разум мертв и, следовательно, мертв и сам носитель такого сознания. Здесь можно также привести высказывание св. Игнатия Брянчанинова: «Преисподние темницы представляют странное и страшное уничтожение жизни, при сохранении жизни» [17, с. 121]. Подобное явление описано и в «Божественной комедии» Данте, на примере генуэзца Бранка д'Орья, душа которого находится в девятом круге ада, а тело остается живым, пребывает в материальном мире, выполняя основные функции человека.

Реализация архетипа Великой матери в ритуале тюремной инициации

Архетип «Великая мать», переходящий в архетип «Смерть», реализован в таком тюремном обряде, как «прописка», являющимся аналогом первобытной инициации членов

племени. Инициация в данном случае являет собой онтологическую трансформацию экзистенциального состояния человека, в результате которой неопит обретает новое для него существование [18]. Подобно древним инициациям, тюремная «прописка» – это ритуал посвящения неопита в «настоящие» арестанты, суть которого – символическая смерть человека в старом мире «свободы» и его рождение в новом для него мире тюрьмы.

Первая часть этого обряда, как и другие виды инициаций, касается смерти человека для прежнего мира. Как утверждает М. Элиаде, применяемые при инициации пытки «это эквивалент ритуальной смерти. Удары, укусы насекомых, зуд, расстройство пищеварения, вызванное некоторыми ядовитыми растениями, – все эти многочисленные виды испытаний означают, что неопит не просто убит мифическим Животным, осуществляющим посвящение, но что он разорван на куски, разжеван у него в пасти и «переварен» в желудке» [18, с. 92]. В качестве применяемых при этом жестоких испытаний в различных первобытных племенах практиковались выбивание зубов, отрезание пальцев, обрезание крайней плоти, избивания, укусы насекомых и т.д. [7].

Британский этнолог Б.К. Малиновский считал, что для примитивного сознания смерть означает начало пути к воскресению [19]. При этом «испытание смертью и воскресение не только коренным образом изменяет онтологическое состояние неопита, но и открывает ему сакральность человеческого существования и Мира» [18, с. 59].

Тюремная «прописка» – это ритуал пенитенциарной субкультуры, который символизирует смерть человека в «свободном» мире и его последующее рождение в новом для него мире тюрьмы – «мертвом доме». Ритуал связан с архетипом Матери-Смерти: сначала это символическая смерть сидельца, затем его рождение в новой реальности. В.Е. Письменный констатирует: «В ритуале инициации тюрьма одновременно предстает в двух ипостасях, тесно связанных между собой. Она становится могилой для человека, пришедшего извне, одновременно предстает и материнским чревом, из которого рождается ее сын, получая при рождении новое имя, имеющее значение только в системе тюремно-воровской субкультуры» [2, с. 120].

Удивительный аналог прохождения тюремной прописки можно наблюдать при проведении ритуала юношеской инициации в племени Кунапили (Австралия). Здесь этапы «смерть-воскресение» связаны с прохождением неопита через большую хижину, имеющую вид морского чудовища: со страшным, покрытым зубами ртом (вход в хижину) и женским половым органом (выход из хижины). Проходя через эту хижину, юноша сначала символически убивается, проглатывается монстром – Великой матерью, а затем вновь рождается, но уже в качестве полноправного члена племени [18].

Коррелятом такой магической хижины в пенитенциарной субкультуре является камера следственного изолятора, где проводится действие тюремной «прописки». Ритуал тюремной инициации представляет собой экзамен на крепость духа, умение постоять за себя, способность переносить боль [20]. В тюремной субкультуре существует множество испытаний (тюремных игр или «приколов»), через которые должен пройти новичок в ходе «прописки». Все они направлены на создание угрозы жизни и здоровью, символизируют смерть неопита. Например, человеку предлагается прыгнуть с верхнего

яруса койки на расставленные шахматы (тюремный «прикол» под названием «Подвиг Гастелло»), предлагается с завязанными глазами встать на табурет и затем выбивается табурет из-под ног (тюремный «прикол» под названием «Посчитать звезды») и т.п. Кроме того, новичку задают загадки, от ответов на которые зависит его дальнейшее положение в неформальной тюремной иерархии [7]. Если человек успешно справился с прохождением этапов «прописки», он занимает достойное место в стратифицированной тюремной социальной системе. Если же неофит не справился с заданиями, ему определяется низший статус в иерархии тюремных каст и весь срок отбывания наказания такой человек будет подвергаться издевательствам и унижениям. На заключительном этапе тюремной инициации для вновь принятого в сообщество арестантов человека объявляется его новый тюремный статус («вор», «мужик», «шнырь» «шестерка» и т.д.) и новое имя (тюремная кличка). Здесь также нередко обращаются за помощью к мифической сущности по имени Тюрьма. При этом сокамерники кричат в окно: «Тюрьма, дай кликуху!». Ответом могут быть звуки радио, переговоры охранников, крик из другой камеры. Так происходит персонификация тюрьмы, ее одушевление [2].

Таким образом, при инициации тюрьма обретает облик страшного судьи – Великой матери, чудовища, способного сначала убить, а затем вновь родить в новом качестве очередного обитателя темного тюремного мира [18].

Выводы

Пребывание в условиях тюремной изоляции модифицирует психику человека, «очищая» ее от разного рода «ненужных» для пенитенциарного пространства наложений и способствуя пробуждению глубоко находящихся в подсознании хтонических сил, вписывающихся в определенные образы-схемы и реализующиеся по единым законам культурной гомоплазии, по которым различные проявления выстраиваются по единым схемам, одинаковым как для примитивных племен, так и для современных сообществ адептов тюремной субкультуры.

Как следует из представленного материала, исследование архетипа Великой матери в условиях пенитенциарного пространства дает некоторый ключ к пониманию феномена устойчивости существования тюремной субкультуры, в которую в той или иной мере вовлечены все лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы. Архетип Великой матери в условиях исправительных учреждений реализуется в различных проявлениях: тюремных табу, татуировках, обычаях, ритуалах (в частности, при прохождении тюремной инициации – «прописки»). Велика роль архетипа Великой матери в генерации такого психологического феномена, как призонизация, когда тюрьма начинает ощущаться в качестве родного дома, в котором хочется побывать еще раз или находиться постоянно.

Ещё одной отличительной чертой данного архетипа в условиях пенитенциарного пространства является его подверженность энантиодромии, в результате чего образ Матери трансформируется в образ Смерти, проявляющийся в повседневной жизни арестантов в виде аутодеструктивных действий, тяги к самоубийству, отказу от нормальных жизненных ценностей и базовых принципов традиционной культуры общества.

Список литературы

1. Юнг К. Г. Архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного. М.: Ренессанс, 1991.
2. Письменный Е.В. Смысловые уровни мифологемы матери в контексте тюремно-воровской субкультуры//Челябинский гуманитарий. 2010. № 3 (12). С. 117-121.
3. Письменный Е.В. Социокультурная сущность и динамика мифологии тюремно-воровской субкультуры. Автореферат дисс. канд. культурологии. Челябинск, 2012.
4. Беляев И. А., Беляева Н.А. Культура, субкультура, контркультура // Духовность и государственность/Ред. Беляев И.А. Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002.
5. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
6. Антонян Ю.М. Архетип и преступность. М.: Вече, 2009.
7. Пономарев С.Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре. Ижевск: Изд-во ИЖГТУ им. М.Т.Калашникова, 2021.
8. Пономарев С.Б. Роль феномена пенитенциарного дистресса в эволюции системы уголовного наказания// Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Выпуск 3. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2024. С.289-292.
9. Громов В.Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект// Теология. Философия. Право. 2017. №2 . С. 44-57.
10. Гишинский Я. И. Призонизация по-русски // Отечественные записки. 2003. №2. С. 434-441.
11. Элиаде М. Избранные сочинения. Образы и символы. М.: НИЦ «Ладомир», 2000.
12. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного/ Перевод с нем. А. М. Боковой. М.: «Фирма СТД», 2006. С. 234-256.
13. Балдаев Д. С. Татуировки заключенных. СПб.: Лимбус Пресс, 2001.
14. Плущер-Сарно А. Русские воровские тату: от текста к символу// НЛО. 2004. № 4. С.10-15.
15. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание. М.: НИИ ФСИН России, 2006.
16. Инюшина И.А. Философская танатология М.К. Мамардашвили: смерть как онтологическое основание сознания // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Сборник материалов XII международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2012. С. 80-84.

17. Брянцианов И. Слово о смерти. М.: Издательство Стрельбицкого, 2022.
18. Элиаде М. Тайные союзы: Обряды инициации и посвящения. Киев: София; М.: Гелиос, 2002.
19. Малиновский Б. Магия, наука, религия. М.: Рефл-бук, 1998.
20. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001.

Сведения об авторе

Пономарев Сергей Борисович – д-р мед. наук, профессор, г. Москва, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, главный научный сотрудник.

Email: docmedsb@mail.ru

Ponomarev S. B.

THE ARCHETYPE OF THE GREAT MOTHER IN THE PRISON SUBCULTURE

Abstract: *The Great Mother archetype proposed and studied by K.G. Jung embodies the creative, life-giving natural force, the life-giving feminine principle. The work describes the manifestations of the Great Mother archetype among persons serving a sentence of imprisonment and involved in the prison subculture. The connection of the Great Mother archetype with the phenomenon of prisonization is shown, the phenomenon of enantiodromia of the Great Mother archetype is described, consisting in its transformation into the «Death» archetype in the conditions of the penitentiary space. Examples of autodestructive behavior of prisoners associated with the Great Mother archetype are given, its implementation in the prison initiation ritual is described. The scope of application of the research results: in the practice of the penal system. In conclusion, a conclusion is made about the high significance of the Great Mother archetype for the prison subculture. The relevance of the work lies in the fact that the described archetype is realized in various cultural manifestations inherent in the community of prisoners: prison prohibitions, tattoos, customs, rituals. It is shown that changes in the psyche inherent in prisoners lead to the awakening of hidden chthonic forces in the subconscious, realized according to the uniform laws of cultural homoplasy, the same for both primitive tribes and modern communities of adherents of the prison subculture.*

Keywords: *prison subculture, Great Mother archetype, Death archetype, enantiodromia, prisonization, penitentiary system.*

References

1. Jung K. G. Arhetip i simvol. Ob arhetipah kolektivnogo bessoznatel'nogo [Archetype and symbol. On the archetypes of the collective unconscious]. Translated by A. M.

- Rutkevich. Moscow: Renaissance, 1991.
2. Pismenny E. V. Sociokul'turnaya sushchnost' i dinamika mifologii tyuremno-vorovskoj subkul'tury [Semantic levels of the mother's mythologem in the context of the prison-thieves' subculture]. Chelyabinsk humanitarian. 2010. No. 3 (12). P. 117-121.
 3. Pismenny E. V. Smyslovye urovni mifologemy materi v kontekste tyuremno-vorovskoj subkul'tury [Sociocultural essence and dynamics of the mythology of the prison-thieves' subculture]. Abstract of dissertation of cultural studies. Chelyabinsk, 2012.
 4. Belyaev I.A., Belyaeva N.A. Kul'tura, subkul'tura, kontrkul'tura [Culture, subculture, counterculture]. Spirituality and statehood. 2002. No 3. Pp. 5-18.
 5. Bannikov K. L. Antropologiya ekstremal'nyh grupp. Dominantnye otnosheniya voennosluzhashchih srochnoj sluzhby Rossijskoj Armii [Anthropology of extreme groups. Dominant relations of conscripts of the Russian Army]. M.: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2002.
 6. Antonyan Yu.M. Arhetip i prestupnost' [Archetype and crime]. M.: Veche, 2009.
 7. Ponomarev S.B. Analiz triady «arhetip-totem-tabu» v penitenciarnoj subkul'ture [Analysis of the triad «archetype-totem-taboo» in the penitentiary subculture]. Izhevsk.: Publishing house of Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, 2021.
 8. Ponomarev S.B. Rol' fenomena penitenciarного distressa v evolyucii sistemy ugolovnoho nakazaniya [The role of the phenomenon of penitentiary distress in the evolution of the criminal punishment system]. Scientific works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (scientific and practical quarterly publication). Issue 3. M.:Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. Pp.289-292.
 9. Gromov V.G. Rossijskaya kriminal'naya subkul'tura: filosofskij aspekt [Russian criminal subculture: philosophical aspect]. Theology. Philosophy. Law. 2017. No 2. Pp. 44-57.
 10. Gilinsky Ya.I. Prizonizaciya po-rossijski [Prisonization in Russian]. Otechestvennye zapiski. 2003. №2. Pp. 434-441.
 11. Eliade M. Izbrannye sochineniya. Obrazy i simvoly [Selected Works. Images and Symbols]. M.: NIC «Ladomir», 2000.
 12. Freud Z. Po tu storonu principa udovol'stviya [Beyond the Pleasure Principle]. Psychology of the Unconscious. Translation from German by A.M. Bokovikova. M, 2006. Pp. 234-256.
 13. Baldaev D.S. Tatuировки zaklyuchennyh [Tattoos of prisoners]. St. Petersburg: Limbus Press, 2001.
 14. Plutser-Sarno A. Russkie vorovskie tatu: ot teksta k simvolu [Russian thieves' tattoos: from text to symbol]. NLO. 2004. No. 4. P.10-15.
 15. Mokretsov A.I., Novikov V.V. Lichnost' osuzhdennogo: social'naya i

- psihologicheskaya rabota s razlichnymi kategoriyami lic, otbyvayushchih nakazanie [Personality of the convict: social and psychological work with different categories of persons serving a sentence]. M.: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2006.
16. Inyushina I.A. Filosofskaya tanatologiya M.K. Mamardashvili: smert' kak ontologicheskoe osnovanie soznaniya [Philosophical thanatology of M.K. Mamardashvili: Death as an Ontological Foundation of Consciousness]. Actual Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History: Coll. Art. on Materials of the XII Int. Scientific-Practical. Conf. Novosibirsk: SibAK, 2012. Pp. 80-84.
 17. Brianchaninov I. A Slovo o smerti [Word about Death]. M.: Strelbitsky Publishing House, 2022.
 18. Eliade M. Tajnye soyuzy: Obryady iniciacii i posvyashcheniya [Secret Unions: Initiation and Dedication Rites]. Kyiv: Sofia; M.: Helios, 2002.
 19. Malinovsky B. Magiya, nauka, religiya [Magic, Science, Religion]. M.: Refl-book, 1998.
 20. Pirozhkov V. F. Kriminal'naya psihologiya [Criminal Psychology]. Moscow: Os-89, 2001.

Ponomarev Sergey Borisovich – doctor of med. sciences, professor, Moscow, Research institute of the Federal penitentiary system, Chief researcher.

Email: docmedsb@mail.ru

УДК 7.01

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-42-50

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА КАК ФЕНОМЕН И ГЕШТАЛЬТ В НАУКЕ ОБ ИСКУССТВЕ ЗЕДЛЬМАЙРА

Зверев А. С.

Аннотация: В статье анализируются понятия новой науки об искусстве австрийского искусствоведа XX века Ханса Зедльмайра. Следуя традиции герменевтики Хайдеггера и Гадамера, Зедльмайр подходит к интерпретации или пониманию отдельного произведения искусства в контексте онтологии. Поэтому оно для него не вещь, а явление истины бытия. Художественное творение является человеку, т.е. делается доступным для созерцания, в акте воссоздания или интерпретации, в котором преодолевается разделение на субъект и объект. Сам акт явления разделяется на внешнее, чувственное (*Erscheinung*) и духовное, т.е. связанное с умозрением (*Gestalt*). Явление происходит из истока (*Ursprung*), под которым подразумевается бытие. Зедльмайр, следуя за Гегелем, понимает произведение искусства не как эстетический объект, а как средство познания абсолютного духа.

Ключевые слова: произведение искусства, бытие, явление, созерцание, геистальт, феномен, интерпретация, исток.

Одним из важнейших направлений исследований в философии всегда был анализ понятий, прояснение тех терминов, которыми пользуются мыслители. Ведущую роль эта сфера познания играет в философской герменевтике, цель которой, согласно Гадамеру, исследование человеческого понимания [3, с. 73]. Понимание трактуется им в онтологическом, а не лингвистическом ключе. В этом он следует за Хайдеггером, совершившим онтологический поворот в герменевтике еще в 1920-х гг. XX века. Поэтому для Гадамера понятие – это и есть истинное бытие [3, с. 27].

Другой поворот, свершенный Хайдеггером и Гадамером, касался сферы искусства. Искусство стало рассматриваться ими не как явление красоты, а как явление истины бытия: сущность искусства заключается в раскрытии истины в творении [10, с. 131]. Исходя из этого трактовалась и задача произведения искусства – являть истину бытия.

Подобные идеи находят параллель в теоретических идеях выдающегося австрийского искусствоведа XX века Ханса Зедльмайра, который при этом опирается и на традицию, восходящую к философии Гегеля. Ведь для великого германского философа цель искусства также заключалась в познании бытия и абсолютного духа.

Идеи Зедльмайра интересны в первую очередь тем, что в отличие от профессиональных философов, его теоретические взгляды идут не от чистого умозрения, а от общения с конкретными произведениями искусства. Уже от практики он переходит к теории, вырабатывая свой понятийный язык, задача которого – создать новую науку об

искусстве. В этой сфере Зедльмайр тоже совершает переворот [4, с. 83], трактуя произведение искусства не как эстетический объект, не как вещь, а как феномен.

Художественные произведения, пишет он, – это не вещи, а феномены (Phänomene) [5, с. 93]. Это высказывание радикально меняет обыденное отношение к искусству, привыкшее воспринимать произведения искусства как внешние объекты, которые предстоят субъекту. Однако материальный предмет, который мы принимаем за произведение искусства, по мысли Зедльмайра, еще только должен им стать в акте его созерцания и воссоздания.

Подобная концепция кажется очевидной, когда мы говорим о музыке. Однако для Зедльмайра любое произведение любого вида искусства устроено одинаково, ведь они все требуют времени для восприятия и актуализации [5, с. 238]. Необходимо уточнить, что в его понимании речь идет не об историческом времени, а скорее о длящемся мгновении, внутри которого слышна музыка. Произведения искусства нет в прошлом. Оно всегда только здесь в настоящем. Оно всегда внутри мгновения. Это звучащая музыка, а не склад нотных записей.

Таким образом, Зедльмайр полагает, что любое художественное творение, не только, например, пьеса, но даже архитектурное сооружение или скульптура требует действия. Все они должны быть исполнены и разыграны, как это и происходило в древности, когда искусство дополнялось мистерией.

В результате такого действия, т.е. актуализации произведения искусства, оно является, открывается человеку в акте воссоздания, вне которого нет искусства как такового. Вне человека, вне его сознания и восприятия, мертвая материя, даже художественно оформленная, так и остается мертвой. Не случайно Зедльмайр именует интерпретацию художественных произведений не просто воссозданием, а даже воскрешением, что само по себе уже подразумевает не только интеллектуальное толкование, или эстетическое переживание, а живое соучастие, во время которого произведение искусства переходит из небытия в бытие.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Зедльмайр трактует акт интерпретации или актуализации произведения искусства как явление, т.е. рассматривает его в онтологическом контексте. Поэтому сущность произведения искусства у него сводится не к идее или форме, а к бытию.

Понятие явление – одно из важнейших в истории философии. В европейской интеллектуальной традиции с ним связаны различные термины, так или иначе восходящие к древнегреческому слову φαίνόμενον, которое так и переводится – явление, под которым подразумевается также видимость, доступная для созерцания.

Это понятие не однородно. В немецкой философии, в рамках которой рассуждает Зедльмайр, ему соответствует несколько понятий. Наиболее универсальное из них – это Phänomen, представляющее из себя кальку с древнегреческого слова, означающего явление. Русское понятие феномен или английское phenomenon возникли аналогичным путем.

Наряду с термином феномен Зедльмайр использует и немецкое слово Erscheinung (явление), которое представляет из себя буквальный перевод греческого слова φαίνόμενον.

Несмотря на сходство, эти понятия имеют ряд отличий, о чем писал еще Кант. Основатель немецкой классической философии различает *Erscheinung* и *Phänomenon*, что было подробно проанализировано Н.В. Мотрошиловой [8, с. 12–15]. Первым термином обозначается, во-первых, факт явленности (*das Erscheinen*) и, во-вторых, само явление (*die Erscheinung*), как продукт этой явленности. Понятие феномен Кант использует также для обозначения предметной стороны явленности. Традиция различать внешние и внутренние аспекты явления вещи сохранится и в последующей философской мысли.

Зедльмайр рассматривает понятие *Erscheinung* как широко, так и более конкретно. С одной стороны, он пишет о явлении вообще, утверждая, что всё включая и самого человека, так или иначе должно явить себя (*zur Erscheinung zu bringen*), т.е. выйти во вне. В этом стремлении к внешнему, всё, являясь так или иначе, делается видимым для других (*für andere sichtbar zu machen*) [5, с. 223]. С другой стороны, словом *Erscheinung* он обозначает сам акт явления, возникновения произведения искусства из его истока (*die Erscheinung der Kunstwerke aus ihrem Ursprung*) [5, с. 43], под которым подразумевается бытие. Из чего можно сделать вывод, что является, делается зримым не произведение, а бытие. Произведение же – это посредник, дарующий возможность человеку созерцать бытие.

В теории искусства Зедльмайра важнейшую роль сыграли идеи Гегеля, главное произведение которого «Феноменология Духа», также говорит о явлении и бытии. Парадоксально, но у Гегеля понятие феномен используется только в названии книги. В самом тексте немецкий философ вместо него употребляет понятие *Gestalt* (гештальт), которое означает конкретное явление уже в умозрительной, духовной сфере. Этот термин также чрезвычайно важен и для Зедльмайра.

Понятие гештальт¹ родственно древнегреческому понятию эйдос (др.-греч. εἶδος – вид, облик, образ). А.Ф. Лосев трактует эйдос у Платона и Аристотеля как видимую сущность вещи или ее лик [6, с. 9]. Понятие эйдос не менее многозначно чем гештальт. Оно соединяет видимость, конкретность, уникальность. Римский стоик Сенека так трактует это понятие: «Идея – это образец, а эйдос – это облик, взятый с него и перенесенный в произведение. Идее художник подражает, эйдос создает. У статуи такое-то лицо: это и будет эйдос. Такое лицо и у образца, на который глядел ваятель, создавая статую: это – идея. Ты хочешь, чтобы я привел еще одно различие? Эйдос – в самом произведении, идея – вне его, и не только вне его, но и предшествует ему» [7, с. 99].

С понятием эйдос понятие гештальт у Зедльмайра сближается также благодаря его видимости, поскольку подразумевает видимый, воплощенный образ (*sichtbare Gestalt*), и индивидуальность. Однако в первую очередь гештальт относится не к чувственной, а умозрительной сфере. Мысль Зедльмайра развивается в русле диалектики Гегеля, согласно которой явление, как акт самоактуализации исходного духа, следует условно разделить на два этапа. Один можно назвать исходом, другой возвращением. Первый предполагает материальную объективацию, второй субъективное одухотворение. В первом случае ему соответствует термин *Erscheinung*, означающий просто явление, во втором

1 Понятие *Gestalt* – труднопереводимый на русский язык термин, поэтому часто его оставляют без перевода.

Gestalt. У Гегеля это понятие соотносится с понятием дух и подразумевает не исход, объективацию, а его возвращение к самому себе, т.е. одухотворение. Это умопостигаемый, одухотворенный образ, связанный с конкретным явлением, т.е. произведением искусства [9, с. 73–101].

Произведение искусства, как феномен, в трактовке Зедльмайра сохраняет эту двойную структуру. С одной стороны, оно является зрителю, становится зримым, обретает индивидуальный, единичный вид, доступный чувственному восприятию, подобный лицу. С другой стороны, оно в процессе одухотворения, т.е. понимания, становится целостным образом, гешталтом, ликом конкретного произведения, который доступен умозрению.

Произведение искусства как феномен – это не только видимое явление, но и результат умозрения. Поэтому, как пишет Зедльмайр, феномен (Phänomen) улучшается по мере того, как произведение становится более проработанным, т.е. расчлененным и более целостным, т.е. приобретает качества гештальта (gegliedeter, gestalteter). Другими словами, произведение как гештальт, т.е. целостный образ, становится более понятным, в силу его проработанности, т.е. осознанности. Поэтому вместо одного феномена в начале познания, перед исследователем предстает другой феномен (ein anderes Phänomen), более адекватный, более осознанный и целостный (besser gestaltetes), т.е. ставший гешталтом [5, с. 85].

Понятие гештальт имеет непосредственное отношение к понятию целое. Зедльмайр называет произведение искусства парадигмой истинной целостности (echte Ganzheit), гештальта [5, с. 140]. Это не удивительно. Ведь гештальт – носитель целого за пределами исходного целого. Он сохраняет в себе конкретность, видимость и индивидуальность, но обретает умозрительность. Поэтому, говоря о целостности произведения искусства (Die Ganzheit des Kunstwerks), Зедльмайр констатирует соединение «видимого образа (гештальта) и невидимого значения (von sichtbarer Gestalt und unsichtbarer Bedeutung)» [12, с. 190].

Гештальт – это не только всеобщее, но и единичное, явленное в уникальном. Это единичный и целостный образ, доступный созерцанию в конкретном произведении. Исходя из этого, очевидно, что в трактовке Зедльмайра, понятие гештальт соотносимо с понятиями образ, понимаемый как целостное, индивидуальное, явление. Поэтому австрийский искусствовед пишет также о том, что произведение искусства, как уникальное целое, обладает своим особым гешталтом, порожденным изначальным созерцанием [5, с. 158].

Процесс перехода образа из видимого явления в явление в духе, т.е. из чувственного в духовное созерцание у Зедльмайра выражен взаимосвязью понятия anschaulicher Charakter и Gestaltung. Термин anschaulicher Charakter обычно переводится на русский язык как наглядный характер. Однако при таком переводе теряется смысловая связь этого термина с понятием Anschauung (созерцание). В основе этих слов лежит корень, означающий зрелище, с которым связан глагол – anschauen (созерцать, смотреть, глядеть). У Зедльмайра явление индивидуальной зримости произведения связано с моментом его

созерцания. Этот акт носит онтологический, т. е. принципиальный характер.

Понятие зримый характер (*anschaulicher Charakter*) в терминологии Зедльмайра можно трактовать как понятие лицо [1, с. 62]. Оно подразумевает, что произведение искусства целиком присутствует в своем зримом индивидуальном облике. Другими словами, произведение искусства, поскольку оно видимо, можно понять, т.е. фактически увидеть.

Однако для полного явления произведения искусства одной видимости или зримости недостаточно. Оно еще должно обрести гештальт. «Всякое же произведение искусства, пишет Зедльмайр, – это создание (созерцание) целостного образа (гештальта) из зрелища (*Gestaltung eines Anschaulichen Charakters*). В процессе одухотворения, т.е. обретения образа, произведение искусства становится все более зримым (зрелищным) и характерным (*im Gestalten immer Anschaulicher und immer charaktervoller wird*) [5, с. 154]. Другими словами, зримое из простого зрелища становится духовным созерцанием (*Gestaltung eines Anschaulichen Charakters*), которое обладает уникальным качеством. Образно данную мысль можно выразить так: лицо преобразуется в лик.

Явление произведения искусства соединяется как с чувственным восприятием, так и с духовным умозрением. Этот процесс Зедльмайр, следуя философской традиции, описывает через понятие созерцание (*Anschauung*), под которым понимается особый опыт, а не просто отвлеченное знание. Акт подобного созерцания носит характер почти мистического озарения, во время которого человек уже более не является только наблюдателем внешнего объекта. В процесс созерцания произведения искусства преодолевается противоречие между субъектом и объектом. Созерцание – это единство явления и восприятия, что в текстах Зедльмайра прочитывается сразу.

Поскольку зримость, т. е. явленность художественного творения носит онтологический характер, то и процесс его созерцания обретает экзистенциальный характер. Созерцание произведения искусства не является просто размышлением о нем, оно «захватывает всю личность человека – его дух, душу и тело (*die Gesamtperson – Geist, Seele und Leib*)» [5, с. 136]. Такое созерцание существует только тогда, когда человек внутренне замолкает, погружаясь в тишину и покой (*Schweigen und still*), а когда его мысль и воля тоже погружены в полный покой. Умолкают и чувства, которые для многих и служат источником восприятия искусства. Это состояние покоя необходимо, чтобы произведение искусства начало действовать как субъект. Зедльмайр пишет, что в состоянии покоя «начинает действовать то, что исходит от самого произведения» [5, с. 161]. Другими словами, оно перестает быть проекцией наших чувств и мыслей.

Такое явление произведения искусства носит вневременной характер, поскольку оно связано не с временем, а с бытием. Это связь у Зедльмайра выражается через понятие *Ursprung* (исток), подразумевающим структурное единство произведения искусства с абсолютным началом или бытием. Актуализация гештальта, т.е. процесс обретения произведением смысла, его осознанность или одухотворенность (*Gestaltung*) возможен вследствие того, что явление (*Erscheinung*) произведения искусства происходит из его истока (*aus ihrem Ursprung*) [5, с. 43], под которым в контексте идей Зедльмайра подразумевается изначальный дух. Без истока был бы невозможен подобный целостный результат явления.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что понятия феномен и гештальт у Зедльмайра подразумевают не просто явление произведения искусства, но и соотносятся с истоком этого явления, точнее определяются этим истоком.

Понятие исток применительно к произведению искусства было детально продумано Хайдеггером в его знаковой работе 1935 г. с характерным названием «Исток произведения искусства» («Der Ursprung des Kunstwerkes»).

Хайдеггер так определяет понятие исток: «Исток здесь обозначает, откуда нечто пошло, и посредством чего нечто стало тем, что оно есть, и стало таким каково оно» [11, с. 51]. Исток художественного творения для Хайдеггера, т.е. его сущность, заключается не в личности художника, а в истине и в бытии. Другими словами, как и у Зедльмайра, у Хайдеггера произведение искусства – это не следствие замысла художника, поэтому его структура обусловлена логикой бытия.

Связь произведения искусства и бытия в теории искусства Зедльмайра обозначает еще одно близкое по смыслу понятие – Ursprünglichkeit, которое на русский язык часто переводят как подлинность или изначальность. Оно также может означать исконность или самобытность. Однако речь идет не просто об оригинальности произведения, а о его глубинной связи с бытием, т.е. речь идет об укорененности произведения искусства в абсолютном первоначале.

Такое отношение к искусству принципиально отлично от восприятия искусства как игры, как условности. Примечательно, что идеи Зедльмайра возникли в эпоху, когда была открыта и оценена сила искусства архаики, энергия первобытного творчества, вследствие чего многие художники увлеклись игрой в примитивизм, в первобытность. Однако между игрой в искренность и подлинной наивностью лежит пропасть, а настоящая исконность, от чего, по словам Зедльмайра, зависит сила воздействия художественного произведения (die Kraft des Kunstwerks), как раз постепенно уходила из искусства, поскольку шел процесс утраты человеком связи с исконным, который Хайдеггер называет забвением бытия.

Когда Зедльмайр говорит об изначальности (Ursprünglichkeit) произведения, он подразумевает тот факт, что произведение искусства имеет связь с истоком всего. При этом бытие является как целое и уникальное в видимом образе конкретного произведения искусства, доступном только в личном опыте.

Наука об искусстве в трактовке Зедльмайра как раз и должна быть нацелена на непосредственное созерцание истины бытия посредством художественного творения. Поэтому, утверждает он, поиск истока произведения и причин его возникновения (Entstehungsgrund) главная задача истории искусств, претендующей на то, чтобы быть наукой [5, с. 43]. Таким образом, ученый вместо того, чтобы просто описывать внешние вещи, связанные с искусством, должен прежде всего обосновать явление произведений искусства из их истока (die Erscheinung der Kunstwerke aus ihrem Ursprung), под которым подразумевается, как уже было замечено, бытие.

Подобная постановка вопроса коренным образом отличает подход Зедльмайра к искусству, от обычной истории искусств, которая в качестве истока рассматривает замы-

сел художника. Зедльмайр серьезно, а не метафорически, говорит о том, что творческий акт (*Der schöpferische Akt*), в котором берет начало исток произведения (*Ursprung des Kunstwerks*), называется вдохновением (*Inspiration*) [5, с. 167]. Поэтому в его науке об искусстве и возникновение произведения искусства, и оно само, и его структура подчиняются той архаической, первозданной силе, которая происходит из абсолютного первоисточника, из бытия.

Поскольку исток произведения «не принадлежит всецело художнику», Зедльмайр соглашается с высказыванием Баадера, о том, что «художник вполне уразумевает свою идею только по завершении произведения» [5, с. 168]. Возникновение художественного творения подобно чуду. Его исток явлен зрителю благодаря зримому лицу (*anschauliche Charakter*) произведения искусства, из которого развертывается произведение во всем его своеобразии (*Eigenart*) и со всеми его чертами (*Einzelzügen*) в процессе его вычленения и формирования, пока этот особый его характер не будет полностью воплощен» [5, с. 165], т.е. пока не явится его гештальт. Процесс возникновения произведения из одного начала приводит к усилению его целостности: «Произведение становится при этом все более целостным (*ganzheitlicher*), все более индивидуальным (*individuell*) и все более характерным (*charaktervoller*)».

Исток, изначальное, из которого возникает, является художественное творение, представляет из себя нерасчлененное единство субъективного и объективного. Это диалектическое единство определяет характер творчества, подразумевающего как создание, так и воссоздание произведения искусств [5, с. 31]. Зедльмайр трактует произведение искусства в логике философии Гегеля, соответственно произведение искусства для него – это не вещь, украшенная или наделенная смыслом, и не внешний объект, а средство познания абсолютного первоначала, т.е. духа. Поэтому, приближение к истоку произведения означает приближение «к тому духу, который является истоком и целью (*der Ursprung und Ziel*) и пребывает поверх всех времен (*über den Zeiten*)» [5, с. 132].

Список литературы

1. Биbihин В.В. Ганс Зедльмайр: искусство видеть. – Новый ренессанс. М., 1998.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философии герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
3. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
4. Ванеян С.С. Пустующий трон. Критическое искусствознание Ханса Зедльмайра. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
5. Зедльмайр Г. Искусство и истина. Теория и метод истории искусства. СПб.: Аxioma, 2000.
6. Лосев А.Ф. – История античной эстетики (в 8 томах). Т.4. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ, 2000.
7. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.
8. Мотрошилова Н.В. // И. Кант: между “явлением” и “феноменом” // Философия

- и история философии: актуальные проблемы. К 90-летию академика российской Академии наук Т.И. Ойзермана. М.: Канон+, 2004.
9. Мотрошилова Н.В. «Феномен», «явление», гештальт: терминологические и содержательные проблемы «Феноменологии духа» Гегеля в соотнесении с философией Канта // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М.: «Канон-1» РООИ «Реабилитация», 2010.
 10. Хайдеггер М. Исток художественного творения. Работы разных лет / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008.
 11. Хайдеггер М. Время и Бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993.
 12. Sedlmayr H. Kunst und Wahrheit: Zur Theorie und Methode der Kunstgeschichte. Hamburg, 1958.

Сведения об авторе

Зверев Александр Сергеевич – преподаватель Московского академического художественного училища (МАХУ).

Email: Al-zv@yandex.ru

Zverev A. S.

A WORK OF ART AS A PHENOMENON AND GESTALT IN THE SCIENCE OF ART BY SEDLMAYR

Abstract: *The article analyses the concepts of the new science of art by the twentieth-century Austrian art historian Hans Siedlmayr. Following the tradition of Heidegger's and Gadamer's hermeneutics, Siedlmayr approaches the interpretation or understanding of an individual work of art in the context of ontology. It is not a thing, in his understanding, but a phenomenon of the truth of being. It appears to man and is made available for contemplation, in an act of re-creation or interpretation in which the division between subject and object disappears. The act of appearing is divided into the external, the sensual (Erscheinung) and the spiritual, i.e., connected with speculation (Gestalt). The phenomenon comes from the origin (Ursprung), i.e., from being. Siedlmayr, following Hegel, understands the work of art not as an aesthetic object, but as a means of cognition of the absolute spirit.*

Keywords: *a work of art, being, phenomenon, contemplation, gestalt, phenomenon, interpretation, origin.*

References

1. Bibikhin V.V. Hans Zedlmayr: acquaintance. - New Renaissance. M., 1998.
2. Gadamer H.-G. Truth and method: the basic philosophies of hermeneutics / trans.

- German; general ed. the stage of the art. b. Bessonov. Moscow: Progress, 1988.
3. Gadamer H.-G. Relevance of the beautiful. M.: Iskusstvo, 1991.
 4. Vaneyan C. The empty throne. A critical study by Hans Zedlmayr. M., 2004.
 5. Sedlmayr H. The Art of Truth. Theory and methodology of research. St. Petersburg, 2000.
 6. Losev.F. The History of ancient architecture (in 8 volumes). Vol. 4. Capital and late classics. Moscow, 2000.
 7. Lucius Ennaeus Seneca. Government letters to Lucilius, M., Nauka Publishing House, 1977.
 8. Motroshilova V.V. // I. K.: between the phenomenon and the phenomenon // Philosophy and the history of philosophy: current samples. To the 90th anniversary of the Academy of the Russian Academy of Sciences. I. Izerman. - M.: Canon+, 2004.
 9. Motroshilova V.V. «Phenomenon», «phenomenon», gestalt: terminological and auxiliary materials «Phenomenology of the spirit» by Hegel in accordance with the philosophy of Kant 74. «Phenomenology of the spirit» by Hegel in the context of modern management. M.: Canon+, 2010.
 10. Heidegger M. The source of the artistic torah. Works of different years / translated by German A.V. Mikhailov. M.: Academic project, 2008.
 11. Heidegger. Time and place: Position and elevation / per. German - M.: Republic, 1993.
 12. Sedlmayr H. Art and Truth: towards the Theory and Method of Art History. Hamburg, 1958.

Zverev Alexander Sergeevich – teacher at Moscow Academic Art College.

Email: Al-zv@yandex.ru

УДК 791.43

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-51-61

ВОСПРИЯТИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО КИНЕМАТОГРАФА СОВЕТСКИМ КИНОЗРИТЕЛЕМ В 1960–1980-Е ГГ.

Зайцева Д. С.

Аннотация: Статья посвящена анализу особенностей восприятия итальянского кинематографа разными типами зрителя в советском кинодискурсе 1960–1980-х гг. Выделяется появление в годы «оттепели» возможности разграничения аудиторий массового и элитарного зарубежного кино, анализируются причины и последствия такого разделения внутри прежде единой группы советских кинозрителей. На примере итальянского кинематографа, пользовавшегося популярностью в изучаемый период, мы рассматриваем публику итальянских массовых фильмов – комедий, мелодрам, приключенческих картин. Особенностью авторского подхода к теме является попытка выявления активного зрителя зарубежных фильмов в СССР. Делается предположение о том, что такой тип зрителя связывает поход в кинотеатр не только с рекреацией, но и с интеллектуальной деятельностью, требующей рефлексии по поводу сюжетов и образов увиденного на экране. Сравнение позиций активного советского кинозрителя и выбора широкой аудитории проводится путем анализа статических данных о посещаемости итальянских картин в СССР в разные десятилетия, сравнения самых популярных зарубежных картин советского экрана и лидеров кинопроката, а также материалов социологических исследований о мнении читателей «Советского экрана» о лучших фильмах и актерах. Эмпирической базой нашего исследования послужили статистические данные, собранные киноведом А.В. Федоровым, материалы советской печати, посвященные итальянскому кинематографу.

Ключевые слова: советская культура, кинозритель, итальянский кинематограф, советская кинокритика.

В 1960–1980-е гг. на советские экраны ежегодно выходят работы итальянских режиссеров, одна часть которых становится доступной массовому зрителю благодаря прокату на всей территории СССР, а другая – только отдельным представителям интеллектуальных кругов крупных городов благодаря демонстрации в ходе недель итальянского кино и Московского международного кинофестиваля. Одновременное наблюдается кассовый успех картин зарубежных режиссеров с ярко выраженной рекреационной функцией (костюмные исторические итало-французские мелодрамы, итальянские и французские комедии, социально-политические драмы с детективной линией и элементами фильмов-боевиков) и нарастание интереса советских интеллектуалов к авторскому итальянскому кино (работам Феллини, Антониони, Пазолини), что свидетельствует о формировании двух типов зрительской аудитории.

Заметим, что разделение кинодискурса на массовый и элитарный в советской культуре произошло только в годы «оттепели», когда советский зритель получил возможность познакомиться как с рядом работ отечественных и зарубежных режиссеров, ориентированных на широкую аудиторию вне зависимости от ее образования и опыта восприятия аудиовизуальной информации, так и с фильмами, восприятие которых требует определенного уровня подготовки. В сталинское время оценки фильмов у публики и профессиональных критиков должны были совпадать, поскольку в прокате были только идеологически верные фильмы, которые и собирали кассу, и получали хвалебные отзывы [1, с. 297]. Фильмы, выходившие в советский прокат, должны были выполнять идеологическую функцию и воспринимались всеми зрителями одинаково. Только с ослаблением идеологического воздействия в области производства отечественной продукции и распространением практики покупки зарубежных картин произошло расширение зрительского опыта. Следовательно, стало возможно выделение официального мнения, отношения массового зрителя и взгляда интеллектуальной публики. Стоит отметить, что в число интеллектуалов входили как зрители из числа элит, которые могли посещать закрытые показы, так и представители оформившегося в эти годы среднего класса, получившие возможность посмотреть некоторые примеры авторского европейского кино на экранах кинотеатров. В результате в 1960-е гг. предпочтения советской аудитории разделились, и сформировалось два типа зрителей: аудитория массового кино и аудитория элитарного кино.

Подчеркнем, что советская критика, выражавшая по большей части официальную идеологическую позицию, пыталась повлиять на восприятие обеих типов кинопродукции. Комментарии к зарубежным картинам для массовой аудитории появлялись в обзорных статьях иллюстрированных изданий о кино (прежде всего, речь идет о публикациях в журнале «Советский экран», сборниках «Актеры зарубежного экрана» и бюллетене «Спутник кинозрителя»). Отдельно стоит упомянуть и информацию о зарубежных кинофильмах, которую советский читатель мог почерпнуть из кратких информационных статей в еженедельных газетах и журналах.

Контроль же восприятия элитарного кино происходил через работу с деятелями отечественного киноискусства, советскими учащимися режиссерских факультетов, которые в 1960-е гг. получают расширенный доступ к иностранной продукции. Так, исследовательница советского кинорепертуара времен «оттепели» отмечает, что в аудиториях ВГИКА, на факультете журналистики МГУ, в Доме кино, в некоторых домах отдыха для партийных работников транслировались современные зарубежные фильмы, оставшиеся вне поля доступа массового зрителя [цит.: 1, с. 300]. Расширение возможностей для просмотра иностранных картин у привилегированной аудитории предполагало усиленную идеологическую работу, целью которой было формирование правильной советской оптики восприятия кино. В частности, в «Советском экране» неоднократно упоминаются кино клубы, члены которых, несомненно, являются частью аудитории элитарного кино. В одной статье описывается опыт организации встреч студентов МГУ с советскими кинорежиссерами, операторами и искусствоведами, помогавшими студентам понимать

зарубежное кино (в частности, комментировать фильмы, присланные итальянскими документалистами) [2, с. 3]. Такие встречи можно отнести к культурно-идеологической работе с любителями авторских «сложных» фильмов.

Разделение аудитории совпало и с функциональным разведением деятельности государственных органов по отношению к зарубежному кино. Если Министерство культуры и Министерство внешней торговли занимались вопросами закупки фильмов для советского экрана [3, с. 635], то международная комиссия Союза кинематографистов, созданная в 1957 году, вела работу по установлению личных контактов с ведущими мастерами итальянского кино, организовывала недели европейского кино, проводила информационно-аналитическую работу по мониторингу состояния зарубежного кинематографа [3, с. 645].

В изучаемый нами период зритель массовых фильмов начинает определять кассовый успех картин. Посетитель кинотеатра впервые в истории советского проката становится заказчиком демонстрируемого на экране [цит. по: 4, с. 151–152], причем мнение аудитории влияет и на покупку, и на трансляцию иностранной продукции. Особенно актуальным учет позиции массового посетителя кинотеатров становится в 1970-е гг., когда наблюдается отток зрителей по причине распространения телевидения [5, с. 78]. Просмотр телевизионной продукции, среди которой преобладали фильмы отечественного производства, стал более доступным времяпрепровождением в сравнении с посещением кинотеатров. В то же время иностранные картины все так же привлекают зрителей, что побуждает Министерство культуры и Министерство внешней торговли подходить к выбору зарубежной продукции с позиций дальнейшего получения максимального дохода с проката.

Кроме того, во второй половине 1970-х гг. репертуар советских фильмов окончательно стал восприниматься как однообразный [4, с. 152]. В этот период большинство советских картин не переходило рубеж самоокупаемости, поскольку они не могли удовлетворить сформировавшееся у среднего советского зрителя потребительское сознание [5, с. 78–79]. Одновременно с этим зарубежное кино с выраженными жанровыми качествами демонстрировало мир «... экранной реальности, мыслившейся ... впереди реальности наличной, окружающей зрителя...» [5, с. 80]. Эта параллельная реальность, по мнению исследователей отношений советского зрителя с кинопродукцией 1960–1980-х гг., «предстала в привычной для всего мира форме проекции нереализованных желаний, стремлений, комплексов аудитории» [5, с. 80]. Таким образом, спрос на итальянское развлекательное кино свидетельствует о становлении общества потребления, в котором фильмы эмоционально-насыщенных жанров (комедийно-приключенческие картины, мелодрамы) являются самыми популярными у зрителей. В этом отношении советский человек становится похож на европейского и американского зрителя, которые также проявляют интерес к кино как способу развлечения. Доверие публики к таким фильмам объясняется отсутствием легко различимой идеологической составляющей и легкостью восприятия. В результате к 1984 г. основную прибыль от работы кинотеатров стали приносить зарубежные картины [4, с. 152], причем популярность некоторых из них в пред-

шествующие десятилетия способствовала выпуску их в повторный прокат в 1980-е гг.

Важно подчеркнуть, что феномен интереса широкой аудитории к развлекательным фильмам благодаря их эскапистской функции был отмечен в социологических исследованиях в сфере киноискусства, проводившихся в СССР регулярно в изучаемый нами период. Так, в мае 1968 г. члены Союза кинематографистов на сессии по проблеме «Кино и зритель» рассматривали проблему восприятия фильмов. В ходе обсуждения были выделены два основных типа зрителя – интровертный и экстравертный. Представители первой категории, по мнению советских исследователей, в фильмах ищут точки соприкосновения между увиденным и собственной жизнью, воспринимают фильм как то, что поможет им стать лучше, ассоциируют себя с положительными героями и перенимают ценности персонажей только после тщательной рефлексии всей художественно-эстетической ткани произведения. Это пример вдумчивого просмотра, который играет важную обучающую и воспитательную функции. Однако есть и зрители второго типа, в основном среди молодого поколения, которые примеряют все образы на себя, причем пытаются их подогнать под собственную личность, не учитывая качества копируемых персонажей, их моральную характеристику [цит. по: 1, с. 300–301]. Отметим, что данные зрители выделяются среди массовой аудитории, т.е. даже среди посетителей легких итальянских народных комедий или картин «розового неореализма» можно выделить как вдумчивую публику, анализирующую проблемы фильма, так и людей, ориентирующихся на развлечение. Вторая категория, не обладающая высоким уровнем анализа фильмов, может воспринимать зарубежные картины как источник для подражания западному образу жизни, поэтому идеологическая работа по отбору кинопродукции для массового проката и их комментирования в прессе была направлена на предотвращения мифологизации капиталистической повседневности через распространения недостижимых и стереотипизированных идеалов зарубежных звезд.

Проанализировав процессы становления двух типов кинодискурса в советской действительности, остановимся на особенностях восприятия итальянских картин у массового зрителя. Мы предлагаем выделить два типа зрителя массового кино. К первому отнесем любителей, которые не просто посещают кинотеатры с некоторой периодичностью в целях отдыха, но и являются активными потребителями информации о фильмах, организуют свой досуг вокруг рефлексии и обсуждения просмотренных работ. Такими зрителями, в частности, являются те читатели «Советского экрана», которые с 1958 г. участвовали в голосовании за лучший фильм года через заполнение анкеты и отправку ее в редакцию. Вторым же типом массовых зрителей мы назовем среднестатистического посетителя кинотеатра, который проявляет интерес к итальянским фильмам, но его опыт взаимодействия с фильмами ограничивается просмотром. Если кинолюбители определяют попадание фильма в лучший фильм года в издании для массовой аудитории, то выбор неактивных за пределами кинотеатров зрителей находит отображение в статистических материалах о кассовых фильмах советского проката.

Стоит охарактеризовать наиболее активного читателя «Советского экрана», готового потратить время на участие в опросе читателей. В этом может помочь публикация не

только общего числа участников голосования, количества голосов за конкретный фильм, но и гендерных и профессиональных характеристик голосующих, их места жительства. Такая информация стала доступной на страницах самого массового иллюстрированного журнала о кино с 1962 года. Кроме того, вопросы, на которые отвечали зрители, постепенно становились более разнообразными. В частности, читателей спрашивали о понравившихся актерах и актрисах, причем не только отечественных фильмов, но и зарубежных [6, с. 4], что было связано с ростом интереса читателей к определенным деятелям кинематографа, талант которых предлагалось обсудить совместно.

Несмотря на свою фрагментарность (в разные годы количество вопросов было разным, информация о лучшем зарубежном актере часто отсутствовала), результаты опроса «Советского экрана», представляют большой интерес для нашего исследования структуры массового кинозрителя, поскольку отображают мнение советских кинолюбителей.

Так, основную часть активных зрителей составляли представители молодежи до 30 лет (в отдельные годы их численность среди голосующих достигала почти 90%). Доля несовершеннолетней аудитории также была значительна – около 20% от общего числа голосующих. Пенсионеры же принимали участие в опросе менее активно [6, с. 11]. Интересен и уровень образования читательского актива, а также их профессия. Людей, получавших высшее образование или уже имевших его, было около 30-40% от общего числа голосующих, причем в графе «профессия» преобладали именно обучающиеся, студенты вузов, а также инженеры и служащие. Представители рабочих профессий почти не принимали участие в опросе [6, с. 11]. Важно подчеркнуть, что если в 1960-е гг. 90% голосующих были горожанами, причем свыше 50% проживало в крупных городах, то к 1970-м гг. численность представителей больших городов среди всех городских жителей уже превышает 70% [6, с. 11]. Снижение числа активных зрителей среди представителей маленьких городов, деревень и сел в 1970-е гг. объясняется, возможно, тем, что в 1970–1980-е гг. люди из небольших населенных, которые были ранее активными кинозрителями из-за небольшого разнообразия досуговых практик, ставятся телезрителями. Посещение кинотеатров как практика, связанная с обсуждением кино и его анализом, вытесняется из их повседневного опыта. Просмотр фильмов в кинотеатре начинает восприниматься сугубо как способ отдыха, а не как интеллектуальная деятельность, требующая продолжительной рефлексии. В результате, широкая аудитория все менее вовлекаются в журнальные опросы и диалог с прессой по поводу кинематографа.

Интересно, что читательский актив «Советского экрана» действительно часто посещал кинотеатр – 90% делали это от одного раза в месяц до нескольких раз в неделю [6, с. 11]. Следовательно, можно предположить, что голосующие смотрели большую часть выходящих на советские экраны фильмов, причем некоторые, вероятно, посещали показ одной картины несколько раз.

Таким образом, благодаря приведенным результатам опросов мы можем нарисовать портрет среднестатистического активного советского кинолюбителя. Это совершеннолетний житель крупного города, не достигший возраста 30 лет, получивший высшее образование и имеющий работу, приносящую ему относительно высокий доход. Чтение

издания для такого зрителя не просто предшествовало выбор фильма, но и дополняло процесс рефлексии над увиденным на экране, подтверждением чему служат споры между читателями и критиками на страницах журнала и распространение практики публикации читательских писем в 1970-е гг. Для большей части читателей «Советский экран», которые не соответствовали составленному нами портрету, издание же было именно иллюстрированным обзором новинок советского проката, помогавшим совершить выбор фильма для посещения кинотеатра. Вероятно, журнал читался ими более поверхностно, чем описанными выше кинолюбителями, для которых знакомство с материалами «Советского экрана» было частью постоянного времяпрепровождения.

Рассмотрим теперь, какие именно итальянские фильмы из широкого проката зритель с описанными чертами определял как лучшую зарубежную кинопродукцию. Это позволит провести различие между мнением активного и пассивного массового зрителя.

В 1962 г., когда впервые был назван лучший иностранный фильм, им стала картина итальянского режиссера Л. Висконти «Рокко и его братья», повествующая о социальных проблемах страны на примере трагедии в отдельно взятой семье. Фильм в прокате имел меньший кассовый успех, чем итальянский пеплум «Странствия Одиссея» М. Камерини и представитель «розового неореализма» «Дни любви» Дж. Де Сантиса [6, с. 265]. Можно предположить, что 34 млн советских зрителей в зрелищном фильме привлекала масштабность сцен, приключенческий сюжет и исполнение главной роли американским актером Кирком Дугласом главной роли. Последний факт позволял воспринимать кино не как типичный представитель жанра пеплум, популярный в Италии в довоенные годы, а как голливудское кино, познакомиться с которым хотел советский зритель. Интересно, что в 1967 г. еще большей популярностью у него будет пользоваться уже американский пеплум с тем же актером в главной роли – «Спартак». Таким образом, интерес к масштабным приключенческим полотнам по мотивам исторических и мифологических сюжетов является довольно показательным, поскольку именно такие полотна характеризуют вкус массового зрителя в обществе потребления. Подобные картины советской кинокритикой описывались так: «Художественный потенциал его близок к нулю. Идеальный тоже. Но это зрелище. Это забава. Это способ времяпрепровождения, безусловно, не лишенный приятности.» [цит. по: 7, с. 68], т.е. воспринимались как необходимая уступка зрителю, который из-за дефицита голливудской продукции рассматривает итальянское развлекательное кино, менее масштабное и дорогое, как привлекательное зрелище.

Другой популярный фильм 1962 года, «Дни любви», история об итальянских бедняках, которые не могут обвенчаться из-за нехватки денег, привлекал демонстрацией находчивости, юмора и жизнелюбия простого народа, положительным финалом, в котором герои после всех препятствий все же смогли заключить брак, а члены двух ссорившихся семей вместе смеются, радуясь счастью молодых влюбленных. Изображение тяжестей быта послевоенной Италии, господства патриархальных традиций и пороков католических священников соседствует с представлением итальянцев как веселого народа, которые танцуют на улицах и воспринимают даже нищую жизнь как праздник. Восприятие фильма облегчал опыт просмотра работ неореалистов в предыдущие десяти-

тилетия. В то же время переход от демонстрации социальных проблем к изображению ежедневных трудностей, близких советскому зрителю и потому понятных, заставлял советских зрителей еще больше сочувствовать героям итальянского кино.

Однако актив «Советского экрана» выбрал в качестве лучшего фильма иную иностранную картину. Работа Л. Висконти привлекала вдумчивого зрителя трагическим сюжетом, операторской работой, описанием деталей итальянской повседневной жизни рабочего класса, представители которого только переехали из итальянского юга в крупный индустриальный центр – Милан. Этот фильм на советских экранах вышел в сокращенном варианте после удаления наиболее жестоких эпизодов. Отметим, что в статье, посвященном Алену Делону, в сборнике «Актеры зарубежного экрана», отмечается и другая причина интереса к данному фильму, в том числе и у читателей, которые интересовались не только режиссерской работой, но и игрой актеров. Критик считает, что благодаря красивой внешности и харизматичности Делона режиссеры стремятся дать ему главную роль, а зрители смотрят и обсуждают его работы. Так, в статье отмечается, что именно «темные, ясные, чистые глаза, напоминающие скорбные очи иконописных святых, страдальческий облик Христа, приносящего себя в жертву», привлекают внимание и заставляют полюбить фильмы с его участием [8, с. 79–81]. Это наблюдение было правдивым, поскольку внешность Делона и его образ в «Рокко и его братья» совпали с новым советским идеалом мужественности 1960-х гг. – образом чувствительного и романтического простого парня из народа.

Другим примером несовпадения мнения широких масс и читателей «Советского экрана» – отсутствие среди лучших фильмов таких популярных работ как «Не промахнись, Ассунта!» (1970) [6, с. 276], «Народный роман» (1976) [6, с. 288], «Синьор-робинзон» (1979) [6, с. 299]. Интересно и то, что собравшая у экранов всего 6 млн зрителей картина «Профессия-репортер» попала в список лучших фильмов 1976 года [6, с. 288], что отображает интерес отдельных зрителей к малодоступному в данное десятилетие авторскому кино, вкус к которому был сформирован еще в начале 1960-х гг. благодаря знакомству с работами Феллини. После начала идеологической критики Феллини и Пазолини фильмы Антониони, выходившие в широкий прокат, становятся способом приобщения к миру европейских интеллектуальных фильмов для тех зрителей элитарного кино, которые не имели доступа к закрытым показам и обсуждениям по линии Союза кинематографистов.

Однако стоит отметить, что в некоторые годы успешные в прокате фильмы становились и лучшими по мнению читателей, что подтверждает правильность нашего распределения актива «Советского экрана» к зрителям массового кино. Так, в 1965 году самым кассовым зарубежным фильмом стал «Брак по-итальянски», который в прокате посмотрело более 41 млн зрителей. Фильм повторно был показан в 1988 году [7, с. 237] явно из-за возможности гарантированного получения дохода. Картина, в которой уже известные в СССР актеры Марчелло Мастоияни и Софи Лорен исполняют главные роли, стала одной из самых популярных картин 1960-х гг. Зрителю она запомнилась благодаря ярким образам исполнительницы главной роли, мелодраматичной линии и на-

лично моментов, ставших символом комедии по-итальянски, популярной у аудитории. На Четвертом Московском международном кинофестивале в 1965 году приз за лучшее исполнение женской роли получила именно Софи Лорен как актриса «Брака по-итальянски» [9, с. 2].

Именно эта картина постоянно цитируется и вспоминается корреспондентами «Советского экрана», посещавшими кинофестиваль, несмотря на то, что в ходе него были показаны и более серьезные картины, в частности фильм о войне «Они шли за солдатами», требующий более глубокого осмысления [9, с. 2]. Однако редакция журнала в середине 1960-х гг. ориентируется в создании материалов о фестивале на массового читателя, которому интересен факт приезда итальянской звезды в Советский Союз.

Успех «Брака по-итальянски» и исполнительницы главной роли является примером того, как нечто, произведенное в европейской стране и интерпретированное довольно неоднозначно советской идеологией, начинает восприниматься людьми как глубоко личное, влияющее на принадлежность к одному поколению. Повтор этого фильма в прокате в 1988 году закрепил его статус символа пространства воображаемого Запада для людей, живших в 1960–1980-е гг.

Другой случай совпадения интересов двух типов массового кинозрителя – провозглашение лучшим фильма «Укрощение строптивого» в 1983 году [6, с. 298]. Успех комедии свидетельствовал о появлении новых популярных итальянских звезд в советском обществе, которые стали известны зрителю еще в 1970-е гг. благодаря картинам «Блеф» с Адриано Челентано и «Народный роман» с Орнеллой Мути. Оба фильма пользовались в годы выхода в широкий прокат большой популярностью. Интересно, что интерес к данным актерам среди публики подтверждается и оценками читателей «Советского экрана», которые признают Адриано Челентано лучшим среди зарубежных звезд дважды: в 1979 [6, с. 319] и в 1983 [6, с. 320]. Можно догадаться, что это результат успеха названных выше картин с его участием.

Совпадение мнений широкой аудитории и активных читателей наблюдается не только по отношению к комедиям, но и к более серьезному кино, в частности экранизациям. Примером этого является фильм «Ромео и Джульетта» Фр. Дзеффирелли, ставший самым популярным зарубежным фильмом отечественного проката в 1972 году. Как вспоминает киновед А.В. Федоров, этот фильм совместного производства Италии и Англии с преобладанием британских актеров, произвел на него сильнейшее впечатление в детстве. Причиной этого киновед называет тот факт, что главные роли исполняли ровесники легендарных персонажей, а не взрослые артисты, которых он видел на сцене советского театра. Он приводит и мнения других зрителей, которые и сегодня пересматривают фильм благодаря костюмам, декорациям, создающим атмосферу итальянского городка, и завораживающей музыке [7, с. 63–64]. Таким образом, картина позволяла удовлетворить интересы и публики, ожидавшей увидеть достоверную экранизацию произведения Шекспира, и зрителей, которые получали возможность погружения в ходе просмотра в иную историческую реальность.

Подведем итоги. В 1960–1980-е гг. происходит разделение советского кинозрителя

по типу кино, которое он предпочитает смотреть. Мы предприняли попытку провести анализ восприятия фильмов массовым зрителем. Распределение ста самых популярных французских и итальянских фильмов в советском кинопрокате по жанрам подтверждает устойчивый интерес к зрелищным жанрам, что свидетельствует о сформировавшемся потребительском сознании советских зрителей. Так, наибольшей популярности у советской аудитории пользовались комедии, приключения, преимущественно костюмные постановки о прошлом, мелодрамы, вестерны. Популярность драм и детективов и триллеров была значительно меньше [10, с. 6].

Среди массового зрителя мы выделили особый тип активного кинолюбителя, который предпочитает обмениваться мнением по поводу просмотра, постоянно читает статьи, посвященные кинематографу, т.е. выстраивает коммуникацию вокруг собственного зрительского опыта. Сравнив мнение такого типа зрителей с результатами проката итальянских фильмов, отображающими взгляды широкой аудитории, мы отметили, что активный зритель выбирает не только авторские драмы, но и картины развлекательных жанров. Благодаря интересу к реальности, выстраиваемой зарубежным кинематографом, кинолюбитель ощущает связь с увиденным на экране, что может повлечь изменение его повседневных практик и стратегий. Данный аспект проблематики взаимодействия советского зрителя с сюжетами и образами итальянских фильмов требует отдельного рассмотрения в рамках изучения повседневности 1960–1980-х гг.

Список литературы

1. Косинова М.И. Кинорепертуар и зрительские предпочтения в эпоху «оттепели» в России // Знание. Понимание. Умение. 2015. №4. С. 293–306.
2. Коллективный корреспондент «Советского экрана», Киноклуб МГУ. Слово о клубах любителей кино // Советский экран. 1960. №24. С. 2–3.
3. Косинова М. И. Международные связи советской кинематографии в годы «Оттепели» // Современные исследования социальных проблем. 2015. №6 (50). С. 631–648.
4. Косинова М.И. История взаимодействия отечественного кинематографа со зрительской аудиторией // Знание. Понимание. Умение. 2014. №4. С. 147–155.
5. Хрюкин Д.А. «Жанр» как ключевая проблема советского кинематографа 1968 – 1985 гг. государство, кинематографисты, зритель // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. №2. Часть 1. С. 74–83.
6. Федоров А.В. Лучшие и худшие фильмы советского кинопроката: мнения читателей журнала «Советский экран» (1958–1991). М.: ОД «Информация для всех», 2022. 330 с.
7. Федоров А.В. 200 зарубежных лидеров советского кинопроката: избранная коллекция. М.: ОД «Информация для всех», 2023. 372 с.
8. Муратов Л. Ален Делон // Актеры зарубежного экрана. Вып. 4. Л.: Искусство, 1968. С. 79–81.

9. Кузнецов М. О войне и о мире (Заметки критика с Московского кинофестиваля) // Советский экран. 1965. №16. С. 2–3.
10. Федоров А.В. Самые популярные фильмы Франции и Италии в советском кинопрокате. М.: ОД «Информация для всех», 2022. 52 с.

Сведения об авторе

Зайцева Дарья Сергеевна – студент магистратуры Института философии, программа «Культура цифрового общества», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Email: st087519@student.spbu.ru

Zaitseva D. S.

THE PERCEPTION OF ITALIAN CINEMA BY THE SOVIET MOVIE AUDIENCE DURING 1960–1980ss.

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the perception of Italian cinema by different types of viewers in the Soviet cinema discourse of the 1960s-1980s. The emergence of the possibility of differentiating the audiences of mass and elite foreign cinema in the years of the «thaw» is highlighted, the causes and consequences of this division within the formerly unified group of Soviet movie audience are analyzed. Using the example of Italian cinema, which was popular during the studied period, we consider the audience of Italian mass movies – comedies, melodramas, adventure movies. A feature of the author's approach to the topic is an attempt to identify an active viewer of foreign movies in the USSR. It is suggested that this type of viewer associates going to the cinema not only with recreation, but also with intellectual activity that requires reflection on the plots and images seen on the screen. The comparison of the positions of the active Soviet moviegoers and the choice of a wide audience is carried out by analyzing static data on the attendance of Italian paintings in the USSR in different decades, comparing the most popular foreign paintings of the Soviet screen and the leaders of the movie distribution, as well as materials from sociological research on the opinion of readers of the «Soviet Screen» about the best movies and actors. The empirical basis of our research was statistical data collected by movie critic A. V. Fedorov, materials of the Soviet mass media devoted to Italian cinema.*

Keywords: *Soviet culture, movie audience, Italian cinema, Soviet movie criticism.*

References

1. Kosinova M.I. Kinorepertuar i zritel'skie predpochtenija v jepohu «ottepeli» v Rossii [Cinema Repertoire and Audience Preferences during the Thaw in Russia] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. №4. P. 293–296.

2. Kollektivnyj korrespondent «Sovetskogo jekrana», Kinoklub MGU. Slovo o klubah ljubitelej kino [A Word about Movie Lovers Clubs] // Sovetskij jekran. 1960. №24. P. 2–3.
3. Kosinova M.I. Mezhdunarodnye svjazi sovetskoj kinematografii v gody «Ottepeli» [International Relations of the Soviet Cinema in the Years of the Thaw] // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2015. №6 (50). P. 631–648.
4. Kosinova M.I. Istorija vzaimodejstvija otechestvennogo kinematografa so zritel'skoj auditoriej [The History of Relations between Russian Cinema and Its Audience] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. №4. P. 147–155.
5. Hryukin D.A. «Zhanr» kak ključevaja problema sovetskogo kinematografa 1968 – 1985 gg. gosudarstvo, kinematografisty, zritel' [«Genre» as the Key Problem of the Soviet Cinema of the 1968–1985s. State, Filmmakers, Audience] // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2017. Volume. 9. №2. Part 1. P. 74–83.
6. Fedorov A.V. Luchshie i hudshie fil'my sovetskogo kinoprokata: mnenija chitatelej zhurnala «Sovetskij jekran» (1958-1991) [The Best and Worst Films of the Soviet Film Distribution: Opinion of Readers of The Magazine «Soviet Screen» (1958–1991)]. M.: OD «Informacija dlja vseh», 2022. 330 p.
7. Fedorov A.V. 200 zarubezhnyh liderov sovetskogo kinoprokata: izbrannaja kollekcija [200 Foreign Leaders of the Soviet Film Distribution: a Selected Collection] M.: OD «Informacija dlja vseh», 2023, 372 p.
8. Muratov L. Alen Delon [Alain Delon] // Aktery zarubezhnogo jekrana. №4. L.: Iskusstvo, 1968. P. 79–81.
9. Kuznecov M. O vojne i o mire (Zametki kritika s Moskovskogo kinofestivalja) [About War and Peace (Critc's Notes from the Moscow Film Festival)] // Sovetskij jekran. 1965. №16. P. 2–3.
10. Fedorov A.V. Samye populjarnye fil'my Francii i Italii v sovetskom kinoprokate [The Most Popular Films of France and Italy in the Soviet Cinema Distribution] M.: OD «Informacija dlja vseh», 2022. 52 p.

Zaitseva Darya Sergeevna – Master's degree student, Culturology, Programme “The Culture of the Digital Society”, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

Email: st087519@student.spbu.ru

УДК:7.036+7.01

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-62-70

РИСУНОК АНРИ МАТИССА: ТЕХНИКА, ФИЛОСОФИЯ И ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Поскребко А. С.

Аннотация: Статья посвящена раскрытию основных черт графики Анри Матисса. Ее новизна и актуальность связаны с особенностями подхода: анализ творчества разворачивается не только на основе рисунков, но и в свете рассуждений мастера. В литературном наследии Матисс приоткрывает тайну процесса создания произведений, предоставляя зрителю проследить за ходом мыслей. Его высказывания также позволяют увидеть, насколько ярко в искусстве художника, в частности в его графике, отражаются особенности культурно-исторической среды XX века. Методы, использованные в работе: философский, анализ, художественный анализ, метод сравнения. Исследование произведений мастера и рассмотрение его рассуждений показывают, что в основе графического метода Матисса лежит предельное обобщение, вытекающее из освобождения от второстепенного. Его творчеству свойственен лаконизм как результат синтетизма на уровне символа. Художник оттачивает свой графический метод. Совершенствование рисунка, поиск новых выразительных возможностей и обогащение приемов приводит не только к специфической эстетике работ Матисса, но и подготавливает почву для развития декупажа и становления новой религиозной живописи XX века в Капелле Четок в Вансе.

Ключевые слова: рисунок, линия, гармония, графический метод, творчество Анри Матисса.

Исследуя творчество Матисса и стремясь определить сущность его художественного метода, следует обратить пристальное внимание на его графику. Мастеру присущ уникальный стиль. Графический метод Матисса ярко проявляется не только в его произведениях, но и отражен в его литературном наследии. Рассуждения художника, облеченные в письменную форму, позволяет глубже понять его искусство и раскрыть некоторые его аспекты с новой стороны. Целью статьи будет исследование и выделение специфики графического метода художника на основе высказываний мастера, а также выявление связи особенностей рисунка с культурным контекстом эпохи.

Графический метод мастера складывается не сразу. Его ранние работы были в большей степени сосредоточены на поисках в области колорита. Матисс совместно с Андре Дереном создает новое направление – фовизм, стремясь найти оригинальное преломление для световых и цветовых отношений. Торжество тона – одна из главных тем на первых этапах его творческого пути. В дальнейшем художник будет больше внимания обращать на линии и формы. В 1930-х годах мастер вырабатывает собственный графический

ческий стиль. Его основы он опишет в статье «Заметки живописца о своих рисунках», опубликованной в 1939 году.

Рассмотрим ключевые принципы его рисунка. Одной из её основных отличительных черт является сведение многообразия линейных очертаний в характеристике предметов, фигур и пространства к четкому и возбуждающему воображение абрису. Подобная трактовка формы и сдержанность выразительных средств вытекает из убеждений мастера. Матисс считает, что в процессе создания картины особую роль играет видение, способность уловить в многообразии мира некие первоосновные начала, выраженные лаконичным контуром. Мастер пишет: «Для художника творчество начинается с видения. Видеть – это уже творческий акт, требующий напряжения. Все, что мы видим в повседневной жизни, в большей или меньшей степени искажают в наших глазах усвоенные привычные представления... Усилия для того, чтобы освободиться от этих образов-стандартов, требует известного мужества» [1, с. 9]. Художник утверждает необходимость освобождения от штампов и предубеждений, сковывающих полет вдохновения.

Матисс, описывая свой графический метод, отмечает, что он состоит из двух этапов. Для того, чтобы высвободить натуру из плена второстепенных связей, художник сначала делает подготовительный рисунок углем. «Дело в том, что этим рисункам предшествовали этюды, выполненные не столь жесткой техникой, как линия пером, а, например, углем или растушевкой, которые дают возможность выявить характер модели, ее выражение, а также особенности окружающего ее света, среду – все то, что может быть передано только рисунком» [2, с. 52]. За кажущейся легкостью рисунков Матисса скрывается упорный труд и тщательный анализ. Художник признается, что работает «... долго над этюдами модели для того, чтобы высвободить естественность, грацию» [2, с. 53]. Уходя от штриха, Матисс тем не менее, передает объемы. Художник подчеркивает: «Рисуя, я не избегаю игры валеров и модуляций, хотя у меня нет ни перекрещивающейся штриховки, ни теней, ни полутеней. Я модулирую своей более или менее сочной линией, но главным образом плоскостями, которые она разграничивает на моем белом листе бумаги» [2, с. 54]. Матисс разбивает поверхность листа на отдельные зоны, переводя объемы в пространство плоскости. Приведённые цитаты позволяют отчетливее увидеть свежесть и оригинальность, присущие его графике. Матисс действительно по-новому воспринимает сам процесс рисования.

Ярко иллюстрирует первый этап работы мастера над рисунком его «Турчанка» (1942, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Она выполнена углем и представляет собой некий поиск выразительных форм и линий. В облике героини гармонично сочетаются экспрессивные контуры и мягкая растушеванная дымка, выделяющая объемы. Образ девушки окутан атмосферой загадочности: она задумчива и погружена в собственные мысли. Следует отметить, что в изображении героини художник не стремится к строгой – то есть буквальной и прозаической – достоверности. Пропорции фигуры несколько искажены, однако она не теряет ни выразительности, ни внутренней красоты. Подобный прием связан с творческим методом художника. В своей статье в ответ на упрек в том, что он изменяет черты людей, Матисс пишет: «... я создаю

не женщину, а картину» [2, с. 54]. Художник подчеркивает, что рисунок и живопись для него не исчерпываются детальным копированием видимого. Гораздо важнее для него – передать эмоциональное состояние. Он признается: «Мои пластические знаки, вероятно, выражают состояние их души (я не люблю это слово), которым я подсознательно интересуюсь (а то чем бы мне интересоваться?)» [2, с. 54]. Матисс стремится довести форму до предела выразительности, добиваясь гармонии между всеми частями композиции. Однако в этом стремлении нет простого желания к эстетизации. Для художника главное – передать живое чувство, эмоциональный отклик, лежащий в основе образа.

Важно подчеркнуть, что с помощью рисунка мастер способен показать многое. Посредством линий художник раскрывает настоящую сущность предмета, создавая определенную атмосферу. Графический метод мастера позволяет ему внимательно изучить предмет, а затем изобразить объект, подчеркнув существенные и фундаментальные черты, отражающие внутреннюю природу объекта. Матисс поясняет, что для него «рисунок имеет большое значение. Он отражает меру освоения художником вещи. Если какой-нибудь предмет понят до конца, художник сумеет очертить его контуром, который его полностью определит» [2, с. 434]. Так, в работе «Тюльпаны с листьями калл» (1943, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина) мастер выделяет лишь тонкий абрис, позволяющий распознать и оценить изысканность и нежность весенних цветов. Цветы размещены немного асимметрично, что придаёт композиции с одной стороны – уравновешенность, а с другой – ощущение движения, словно лепестки распускаются на глазах у зрителя. Живую динамику контуров в творчестве Матисса отмечал М.В. Алпатов. Рассуждая в целом о значимости линии в творчестве художника, он подчеркивал: «Наконец, линии придают картинам Матисса подвижность, они струятся, текут, сливаются, как ручейки и реки. В них угадывается непрерывное дыхание, пульсация жизни, кровообращение плоти» [3, с. 16]. Подобное ощущение движения исследователь связывает с влиянием восточной культуры: «Матисс помнил призыв старых китайских художников при изображении дерева давать почувствовать, как растут его ветви. Этому пониманию формы, как выражения внутренних сил природы, Матисс оставался всегда верен» [3, с. 16]. Сам художник в «Заметках живописца о своих рисунках» также говорит о знакомстве с искусством Востока и его воздействии [2].

Особое внимание к композиции является еще одной характерной чертой рисунков Матисса. Художник отмечает, что композиция в целом занимает важное место в его творчестве. Он пишет: «Выразительность для меня заключается не в страсти, которая вдруг озарит лицо или проявится в бурном движении. Она во всем строе моей картины; место, занимаемое предметами, промежутки между ними, их соотношения – вот что имеет значение» [2, с. 38]. В рисунке «Натюрморт с арабским кувшином» (1944, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина) многочисленные предметы гармонично сочетаются друг с другом. Художник заполняет все пространство листа, но при этом не возникает ощущения хаоса. Напротив, композиция производит впечатление упорядоченности. Во многом это связано с вертикальными линиями, пронизывающими фон и задающими определённый ритм. Объекты расставлены с пространственными па-

узами, между которыми также прослеживается ритмический рисунок.

Художник продолжает развивать графический метод и в работе над оформлением книг. Исследователи отмечают связь между его теоретическими рассуждениями об искусстве и работами в данной области. «Его книги представляют собой не только самостоятельные произведения, но и служат в качестве дополнения к его эссе о творчестве» [4, с. 5]. В этих работах особенно ясно проявляются основные принципы графического метода Матисса – лаконизм образов и стремление к гармонии. Секретарь художника Лидия Делекторская отмечала: «Его кредо художника книги емко выражают слова: «Рисунок должен быть пластическим эквивалентом стиха». Основную задачу Матисс видел в том, чтобы привести в соответствие дух и образную ткань рисунка и стиха» [5, с. 180]. Мастер оформлял роман «Улисс» Джеймса Джойса, создавал иллюстрации к произведениям Бодлера, Ронсара, Малларме и Монтерлана.

Завоевания Матисса в области рисунка будут значимы и для декупажа – техники, основанной на взаимодействии вырезанного силуэта предмета и фона. Здесь продолжит развиваться умение мастера находить необычайно выразительные и наполненные глубоким содержанием формы. В декупаже Матисс будет мыслить цельными образами, его фигуры становятся символами. Также в творчестве художника появится новая многомерная динамика, он попытается преодолеть плоскостность листа, выйти к новому ощущению объема, близкого к скульптуре, вследствие развития чувства формы и совершенствования основ композиционного построения.

Настоящей вершиной творчества Матисса можно считать его монументальную графику, созданную для Капеллы Четок в Вансе. Лаконичные образы, выписанные черным контуром на белой поверхности, буквально приковывают к себе внимание зрителя. При оформлении капеллы художник сохраняет свой узнаваемый стиль. Его графический метод становится инструментом раскрытия духовного замысла. По мнению самого Матисса, именно керамические панно передают «духовный смысл и значение» [2, с. 77] его произведения. Несмотря на стилевое единство, каждая из композиций обладает собственным эмоциональным тоном. М.В. Зубова отмечает восходящую динамику, заложенную в развитии образов от одного панно к другому: «..композиция «Св. Доминик» построена на плавном линейном ритме, в композиции «Мадонна с младенцем» линейный ритм приобретает большую жесткость в центральном изображении, частота и напряженность усиливаются в завитках, наконец, в третьей композиции происходит распад линейного ритма и, по существу, звучат отдельные участки плоскости» [1, с. 46]. Сам Матисс также подчёркивает различие в оттенках передаваемого рисунками смысла. Образы Девы Марии с Младенцем и Святого Доминика, по его словам, выделяются «умиротворённым спокойствием» [2, с. 77]. На их фоне панно «Крестный путь» еще сильнее акцентирует драматическое напряжение.

В целом художник находит баланс между оригинальной манерой исполнения и идейным содержанием. Искусствовед Н.В. Апчинская, анализируя один из рисунков к панно с образом Святого Доменика, подчеркивает «некое изначальное единство внутреннего и внешнего, которое древние греки именовали словом “эйдос”, означавшим

одновременно “идею” и “изображение» [6, с. 125].

Примечательно, что художник изображает святых без черт лица. Возможно, Матисс стремится тем самым возвысить их образ, подчеркнуть различие между божественным и земным существованием. С другой стороны, подобная неопределённость позволяет приблизить священный лик к внутреннему миру верующего: каждый может воспринять его по-своему, мысленно наделяя чертами, значимыми лично для него. Эту мысль подтверждает исследователь П. Эсколье, приводя слова одной из женщин: «Гораздо лучше, когда у святой девы нет лица; тогда каждый может увидеть ее такой, как хочет» [7, с.198]. Несмотря на отсутствие индивидуализированных черт, образы, созданные Матиссом, сохраняют необыкновенную возвышенность и духовную силу. Здесь безусловно проявляется гениальность Матисса, способного почувствовать, какие детали необходимо выдвинуть на первый план для возникновения суггестивного эффекта.

Рисунки в Капелле Четок представляют собой квинтэссенцию творческих поисков художника в области графики. Они просты по форме, но одновременно необычайно глубоки и символичны. Здесь проявляется характерный для его искусства парадокс: внешняя лаконичность сочетается с внутренней наполненностью и многозначностью. Сам Матисс пишет: «Я всегда старался стать еще проще. Но самая большая простота сочетается с самой большой полнотой. Самое простое средство освобождает взгляд и дает более ясное видение. И в конце концов такое простое средство убеждает» [2, с. 213]. Мы видим, что художник сознательно добивается лаконичной манеры, стремится к лаконичной манере, позволяющей точнее и глубже передать суть изображаемого. Сложные религиозные темы он объясняет посредством простого визуального языка. Образы святых в его интерпретации становятся символами, вобравшими в себя множество смыслов.

Эсколье считает, что росписи Капеллы четок близки к «искусству катакомб, которое стремилось обращаться только к душе, не описывать, а внушать» [7, с. 200]. Рисунки Матисса подготавливают зрителя к внутреннему диалогу, к духовному сосредоточению. Не случайно сам художник замечает, что в Капелле хотел создать «духовное пространство, которое не ограничено изображенными предметами» [2, с. 462]. Благодаря особенностям своего графического метода Матисс достигает впечатления слитности изображения и архитектурного пространства.

Стоит отметить, что при всей многозначности и выразительности работ, Матисс не уходит в сторону излишней декоративности или чрезмерной стилизации. Он подчеркивает важность связи с природой и меру условности в искусстве: «Люди нарочито стилизующие натуру или намеренно уклоняющиеся от природы, уходят от истины. Когда художник рассуждает, он должен отдавать себе отчет, что его картина условна, но, когда он пишет, он должен верить, что копирует натуру. И даже когда он отходит от нее, он должен быть убежден, что делает это ради того, чтобы лучше ее передать» [2, с. 46].

Здесь уместно обратиться к размышлениям известного религиозного философа Жака Маритена, который, рассуждая об искусстве XX века, высказывает идеи, созвучные взглядам Матисса. о мнению мыслителя, развитие современной живописи сопряжено с определёнными трудностями, с которыми сталкивается художник. Он отмечает

«необходимость пересоздать видимую структуру вещей, чтобы заставить их выражать творческую субъективность, влечет за собою порой неизбежные препятствия, порою случайные неудачи и приводит к немалым жертвам» [8, с. 200]. Жак Маритен подчеркивает, что перед художниками современности стоит сложная задача: «Эти художники не могли не столкнуться с возрастающей трудностью, неотъемлемой от прогрессивного развития современной живописи, а именно: в то время как творческое начало духа стремится ко все более и более полному освобождению, позволяющему художническому Я проявить себя в произведении искусства, Природа воздвигает все большие препятствия или, вернее, требует от поэтической интуиции бесконечно возрастающей силы, дающей возможность схватывать вещи и выражать их в произведении, не нанося ущерба и не препятствуя одновременному выражению субъективности и свободы творческого духа» [8, с. 202]. Философ подчеркивает, что художники, стремясь к свободе и уходу от «естественной видимости» [8, с. 202], не должны терять связь с Природой. Современные мастера неизменно сталкиваются с проблемой разрыва между видимым и изображаемым, однако каждый решает её по-своему. Возможные пути преодоления этой сложности заключаются в уходе от действительности и переходе в мир воображаемого. Он неизменно ориентируется на натуру и избегает произвольной фантазии, не полагаясь лишь на бессознательное вдохновение. Художник отмечает: «...я всегда видел точно так, как писал, даже то, что считают произвольным и искусным орнаментом. Я не выдумал ни одной формы... Писать, даже ничего не выдумывая, страшно трудная вещь, похожая на сложную партию в шахматы» [2, с. 213]. Искусствовед А.Г. Костеневич описывает графический метод мастера следующим образом: «Обращаясь к бумаге, карандашу, углю, художник всегда ощущал неповторимую природу избранного материала и всегда исходил из необходимости «сотрудничества» с ним» [9, с. 514].

Многие исследователи, говоря о рисунке Матисса, подчёркивают его связь с творчеством первобытных людей. Это проявляется не только в технике, но и в содержательном плане. Искусство архаических эпох несло символическую функцию: рисунки выступали как целостные концептуальные образы, обладавшие сакральным значением. В произведениях Матисса можно обнаружить схожие черты. Сам художник замечает эту связь: «Современное искусство – это искусство воображения. В его основе лежит душевный порыв. Поэтому по самому своему существу оно близко к искусству архаики и примитивов, а не к искусству Ренессанса» [2, с. 448]. Данная цитата представляет особый интерес, поскольку Матисс здесь не только отмечает стилистическое и духовное родство с архаическим искусством, но и формулирует одну из ключевых черт искусства XX века: она ориентирована не столько на визуальное воспроизведение реальности, сколько на пробуждение мыслительной активности зрителя. Современные художники часто сознательно недоговаривают, внедряют скрытые смыслы и используют символику, побуждая интерпретировать произведение самостоятельно. Матисс ощущает безграничность поля ассоциативных связей, не отрицая возможность того, что наблюдатели смогут понять гораздо больше, чем сам мастер. «Художник сам не видит всего того, что вложил в картину. Другие люди (и, увы, не всегда современники) находят в ней одно

сокровище за другим, чем картина богаче неожиданностями, богаче сокровищами, тем, значит, более велик ее автор» [2, с. 409].

Подобному конструированию и угадыванию замысла помогает, как правило, необычайная эмоциональная выразительность работ. Необходимо отметить, что экспрессивность была характерной чертой творчества многих художников XX века. Здесь уместно обратиться к идеям еще одного известного философа, представителя «философии жизни» Анри Бергсона. Матисс был знаком с его трудами. Мыслителя и художника объединяет взгляд на необходимость присутствия в творчестве живой и искренней эмоции. Бергсон пишет: «Гениальное произведение чаще всего исходит из единственной в своем роде эмоции, которую считали невыразимой, и которая захотела выразиться» [10, с. 48].

Таким образом, в графике Матисса ярко проявляются основные черты искусства XX века – экспрессивность, стилизация и символическая насыщенность. Его рисунки наглядно отражают изменения в изобразительном искусстве эпохи. Многочисленные высказывания художника позволяют увидеть, что внешние стилистические изменения диктуются убеждениями мастера, в основе которых лежит идея разрыва между видимым и изображаемым. Матисс стремится выразить главное и первоосновное, передавая эмоциональное содержание через линию. Он неоднократно подчеркивает, что что линия в его творчестве «живёт и поёт», становясь носителем настроения и внутреннего ритма. Именно по этой причине художник избегает избыточной детализации. Подобный подход лишает произведение выразительности, силы и энергии. Объекты словно застывают, «замирают» на листе. Матисс же напротив своими рисунками выражает ощущение движения, свободы, воздушности. Следует подчеркнуть, что своими достижениями в области графики Матисс вносит значительный вклад в трансформацию художественной культуры XX века. Его творчество обогащает возможности изобразительного искусства, раздвигает его рамки в области содержания и богатства интерпретаций, и закладывая основу для дальнейшего развития одного из значимых направлений послевоенного искусства – декупажа.

Список литературы

1. Зубова М.В. Графика Матисса М.: Искусство, 1977.
2. Матисс А. Заметки живописца СПб.: Азбука, 2001.
3. Алпатов М.В. Матисс М.: Искусство, 1969.
4. Brown K. Matisse's Poets: Critical Performance in the Artist's Book. Bloomsbury Publishing, 2017.
5. Делекторская Л. Анри Матисс. Взгляд из Москвы. М.: Художник и книга, 2002.
6. Апчинская Н.В. Матисс. Капелла в Вансе // Собрание шедевров, 2011. №3 (30).
7. Эсколье Р. Матисс. СПб: Искусство, 1979.
8. Маритен Ж. Творческая интуиция в искусстве и поэзии, М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
9. Костеневич А.Г. Искусство Франции 1860-1950. Живопись, рисунок, скульптура.

- Том 1. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008.
10. Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр., послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: «Канон», 1994.

Сведения об авторе

Поскребко Анна Степановна – аспирантка кафедры теории и истории мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Email: annapos9838399@gmail.com

Poskrebko A. S.

DRAWING BY HENRI MATISSE: TECHNIQUE, PHILOSOPHY AND INFLUENCE ON CONTEMPORARY ART

Abstract: *The article is devoted to revealing the main features of Henri Matisse's graphics. Its novelty and relevance are associated with the peculiarities of the approach: the analysis of creativity unfolds not only on the basis of drawings, but also in the light of the master's reasoning. In his literary heritage, Matisse reveals the secret of the process of creating works, giving the viewer the opportunity to follow the train of thought. His statements also make it possible to see the artist's works of art, in particular in his graphics, reflecting the features of the cultural and historical environment of the 20th century. Methodologies used in the work: philosophical, analysis, artistic analysis, comparison method. Study of the master's works and his reasoning, shows that Matisse's graphic method is based on the ultimate generalization, resulting from liberation from the secondary, laconicism as a result of synthesis at the symbol level. The artist hones his graphic method. Improving drawing, searching for new expressive possibilities and enriching techniques leads not only to the specific aesthetics of Matisse's work, but also prepares the ground for the development of decoupage and the formation of new religious painting of the 20th century in the Chapel of the Rosary in Vence.*

Keywords: *drawing, line, harmony, graphic method, creativity of Henri Matisse.*

References

1. Zubova M.V. Grafika Matissa [Matisse graphics]. M.: Iskusstvo, 1977.
2. Matiss A. Zametki zhivopisca [Notes from the painter]. SPB: Azbuka, 2001.
3. Alpatov M.V. Matiss [Matisse]. M.: Iskusstvo, 1969.
4. Brown K. Matisse's Poets: Critical Performance in the Artist's Book. Bloomsbury Publishing, 2017.
5. Delektorskaja L. Anri Matiss. Vzgljad iz Moskvy. [Henri Matisse. A view from Moscow]. M.: Hudozhnik i kniga, 2002.
6. Apchinskaja N.V. Matiss. Kapella v Vanse [Chapel in Vence] // Sobranie shedevrov,

2011. №3 (30).
7. Jeskol'e R. Matiss [Matisse]. SPB: Iskusstvo, 1979.
 8. Mariten Zh. Tvorcheskaja intuicija v iskusstve i poezii [Creative Intuition in Art and Poetry]. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2004.
 9. Kostenevich A.G. Iskusstvo Francii 1860-1950. Zhivopis', risunok, skul'ptura. Tom 1. [Art of France 1860-1950. Painting, drawing, sculpture. Volume 1]. SPB: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2008.
 10. Bergson A. Dva istochnika morali i religii [The two sources of morality and religion] / Per. s fp., posleslovie i primechanija A. B. Gofmana. M.: «Kanon», 1994.

Poskrebko Anna Stepanovna – post-graduate student of the Department of Theory and history of world culture, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Email: annapos9838399@gmail.com

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-71-86

НОВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ «ИЗОЛЯЦИОНИЗМ» Д. ТРАМПА: ЧЕГО ЖДАТЬ РОССИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ И ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ?¹

Ирхин А. А., Москаленко О. А., Демешко Н. Э., Немцев В. В.

Аннотация: В статье определены принципы трансформации внешнеполитического курса США после 2016 г. как на глобальном уровне, так и на региональном, на основе анализа исторического опыта американской внешней политики и основных доктринальных документов; определены основные причины трансформации внешнеполитического курса администрации Дональда Трампа в первую президентскую каденцию и сделан прогноз на вторую. Сочетание в методологии системного и геополитического подходов позволило обеспечить творческое применение принципов диалектики, заложенных в американской внешнеполитической традиции, – изоляционизм и интервенционизм, с одной стороны, и политический реализм и идеализм, с другой. Авторы пришли к выводу, что внешняя политика США будет основываться на большей самостоятельности от своих союзников, акценте на силовом воздействии на конкурентов: Китай, Россию, Иран и Северную Корею – и будет направлена на формирование благоприятного для США «баланса сил» в различных регионах с недопущением контроля одной державой какого-либо из мировых регионов. Черноморско-Средиземноморский регион отдельно не выделяется США, однако является частью трех центральных для американской внешней политики – Европы, Ближнего Востока и Африки. Такая постановка дает определенные рамки для реализации российского внешнеполитического курса, которые заключаются в разделении сфер влияния в Черноморском регионе с Турцией и недопущении «третьего лишнего» с одновременным формированием для себя выгодного баланса в Средиземноморском регионе, особенно в восточной его части, через расширение круга союзников. При этом внешняя политика России в этом регионе должна исключать сценарий, при котором США и/или их союзники реализуют историческую аналогию Крымской войны и Парижского мирного договора 1856 года.

Ключевые слова: США, Россия, изоляционизм, интервенционизм, глобализм, баланс сил.

1 Ряд тезисов статьи был опубликован на английском языке в 2022 г. в статье Irkhin A., Moskalenko O. The Global Crisis and the USA Search for Its New Identity: Trump's Attempt of Transition from Globalism to Isolationism // Journal of Globalization Studies. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – P. 20-31. – DOI 10.30884/jogs/2022.02.02.

В условиях формирования нового мирового порядка современный мир стремительно распадается на макрорегионы, все большее число которых пребывает в состоянии военно-политической и внутривластной нестабильности. Исторических векторов строительства нового мира два: субъекты международных отношений пересматривают итоги двух мировых войн – холодной и Второй мировой. Но центры силы – США, Китай, Россия, Великобритания, Германия, Индия – пока не нашли разумного консенсуса относительно структуры и принципов новой системы международных отношений. И если на первый вектор ориентируются полупериферийные страны БРИКС, то пересмотр итогов II мировой войны связан с объективными причинами. Во-первых, за более чем 80 лет существования установленный в Ялте мировой порядок перестал отвечать вызовам времени; во-вторых, в рамках интервенционизма США демонстрируют имперское перенапряжение и усталость, вызванные внешними условиями: отсутствием необходимости сдерживания СССР вот уже как треть века. Эти две мировые тенденции экстраполируются на регионы, проявляясь в гибридной конкуренции между различными центрами силы. Очевидно, усугубляющим фактором является глобальный экономический кризис, выступая в роли своеобразного драйвера многих внутри- и внешнеполитических решений.

Находясь на экономической периферии Запада, Российская Федерация после 2007 года пытается пересмотреть итоги окончания холодной войны. Однако логика Москвы – это всего лишь ответ на продолжающееся сокращение российского влияния в мире и на постсоветском пространстве. Причём вторая тенденция провоцирует первую. В 2008 и 2014 гг. Россия приостановила экспансию Запада в Черноморском регионе, а использовавшиеся ранее механизмы давления (финансово-экономические санкции, угрозы интервенций, цветные революции) сочетаются с явным военно-политическим давлением в рамках выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), что меняет стратегические подходы к взаимному ядерному сдерживанию. Специальная военная операция России на Украине стала пиком гибридного столкновения коллективного Запада и Незапада, где РФ встала в авангарде незападного сопротивления по формированию новой модели мироустройства, разрушая попытки сохранить в мире однополярность западной цивилизации. Региональные оттенки этих тенденций амбивалентны: внутренние противоречия разрушают США и возглавляемую ими коалицию, Россия по-прежнему подвергается нападкам, при этом она проводит политику встречного наступления и частично восстанавливает советские позиции за рубежом. Утрата большинства возможностей после 1991 года была связана с утратой суверенитета России над своими окраинами, пространственное развитие которых происходило на протяжении последних 400 лет в рамках российского имперского организма.

Сам характер президентских выборов в США 2016 года, последующий период политического противостояния и выборы 2020 и 2024 гг. продемонстрировали глубочайший раскол элит США. В основе элитного противостояния лежит конфликт видения будущего и определения места США в нем. Этот же конфликт сводится к противоречию между финансовыми – глобалистскими элитами – и американским истеблишментом, выступа-

ющим за возвращение в США промышленного и высокотехнологичного производства с одной стороны, и против использования власти Вашингтона в интересах мировых финансовых элит – с другой. В экономической сфере это конфликт между выбором спасения мировой финансовой системы, которая является системой американского федерального резерва, за счет американской реальной экономики или спасения экономики за счет финансовой системы США.

В политическом аспекте такая экономическая политика связана с эрозией мирового политического порядка и экономической структуры, сложившейся после 1991 года, или, что еще масштабнее, после окончания Второй мировой войны, и с прекращением, пусть и временным, проекта глобализации, а также с определенным отходом на прочно укоренившиеся в американской культуре, но почти забытые рельсы американского изоляционизма и логики односторонних действий со свободой рук от союзов периода холодной войны.

Целью статьи – выявление и исследование основ и принципов внешней политики США, реализуемых администрацией Трампа в первую каденцию его президентства с учётом возможной перспективы их разворачивания в период его второго президентского срока. Для достижения цели авторы определяют основные причины трансформации внешнеполитического курса США; анализируют историю и культурные традиции американской внешней политики; и на основе последних основных доктринальных документов США, принятых в первый президентский срок Д. Трампа показывают роль пространственного фактора в мышлении администрации Трампа; в результате авторы на уровне научной экспертизы выявляют новые подходы США во внешней политике и их последствия для Российской Федерации с учётом ближайшей перспективы.

Методология исследования базируется на системном, историческом и геополитическом подходах. Первый из них обуславливает творческое использование диалектики внешнеполитической традиции США, где, с одной стороны, присутствуют изоляционизм и интервенционизм, с другой – политический реализм и идеализм. Используются методы анализа и синтеза, историко-генетический, историко-системный и метод обобщения.

Логика исследования включала в себя два этапа. На первом – теоретическом – авторы выделили параметры американского изоляционизма и его соотношение с традициями американского интервенционизма. На втором – более прикладном этапе – были проанализированы доктринальные документы администрации президента Д. Трампа: Стратегия национальной безопасности 2017, Стратегия национальной обороны 2018 и Стратегия национальной биологической защиты 2018. Синтез и сопоставление первого и второго этапов исследования позволяют определить сущность внешней политики американского президента в прошлом, настоящем и будущем, а также её сущность и характер в рамках «нового американского изоляционизма», который, как покажет исследование, сильно отличается от изоляционистской политики в традиционном понимании.

Как отмечает советский исследователь Е.И. Попова, «на протяжении многих десятилетий изоляционизм оказывал весьма заметное влияние на формирование внешней политики США, её методов и тактики. Каждый поворот во внешнеполитическом курсе

страны, начиная с конца XVIII в. и вплоть до 1950-х годов неизменно сопровождался появлением изоляционистских группировок и острой борьбой между изоляционистами и интервенционистами. <...> В американской <...> историографии изоляционизм чаще всего трактуется как подлинное содержание внешней политики США до 1941 г. (с некоторыми отступлениями при Вильсоне, отчасти при Рузвельте). Эта политика определялась якобы отказом от союзов с европейскими державами и особенно с Англией» [1, с. 78–79].

Появление доктрины изоляционизма американская историография относит к выступлениям Джона Адамса в 1775 и 1776 гг. Так называемое завещание Вашингтона 1796 года предписывало воздерживаться от каких-либо политических союзов с европейскими странами, кроме временных, продиктованных чрезвычайной необходимостью, так как подобные союзы втянут США в европейские конфликты, свяжут свободу их действий. Это положение изоляционисты объявили классической, основополагающей формулировкой своей доктрины. Острая борьба между изоляционистами и интервенционистами разгорелась в период появления доктрины Монро – второй «священной заповеди» американского изоляционизма.

Сам термин «изоляционизм» впервые появляется в середине XIX в. Особенно громко изоляционисты заявили о себе в связи с испано-американской войной 1898 г. Эта борьба обостряется в годы создания Версальско-Вашингтонской системы и в канун Второй мировой войны. Американские историки неоднократно заявляли, что лозунги изоляционизма стали безнадежным анахронизмом, что бомбы, упавшие на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., навсегда похоронили их. Однако в конце 1940-х и начале 50-х годов некоторые политики США, сторонники создания «позиции силы», попытались снова апеллировать к доктрине изоляционизма, требуя отказа от плана Маршалла, НАТО и других форм сотрудничества с Европой, замены их политикой одностороннего диктата США [2].

Ведущий российский американист Федор Войтоловский описывает феномен американской внешней политики в системе координат изоляционизма и интервенционизма следующим образом: «В Соединенных Штатах на протяжении истории менялось соотношение двух составляющих внешнеполитической идеологии. С одной стороны, рос и эволюционировал американский глобализм, с другой – сохранялся, видоизменялся и трансформировался изоляционизм. Последний выражался в стремлении расставить приоритеты в области внешней политики таким образом, чтобы оптимизировать решение задач собственного развития и сохранения влияния в Западном полушарии, исторически приоритетном для США. Американский изоляционизм был связан со специфическим пониманием безопасности и очень сильно отличается от тех его вариантов, которые сложились в других странах. Оно предполагает не только защищенность собственной территории, собственных граждан, но и создание такого международного окружения, такого мира, который будет безопасным для Штатов. Это устремление подталкивает к активному вмешательству в дела других регионов мира. Иными словами, изоляционизм побуждает США к ведению наступательной внешней политики» [3, с. 163].

Чарльз Капчан считает, что США обязаны возникновением идей американского изоляционизма поиску новой американской исключительности, которая давала бы ответы на вызовы времени; и это уже будет третья американская исключительность: первая – изоляционизм, вторая – глобализм, а третья должна быть связана с новым внешне-политическим курсом. По его мнению, США не могут вернуться к первой исключительности, то есть к изоляционизму, поскольку вызовы времени ушли далеко вперед, а исключительность глобализма привела страну к глубокому кризису. Капчан выделяет пять компонентов американской исключительности: исключительная география, автономия во внутреннем и внешнем развитии, вера американцев в свое мессианство, экономическая мобильность и социальное равенство, исключительный англосаксонский народ Америки. Поиск новой американской исключительности «версии 3.0» потребует переосмысления всех пяти столпов ее идентичности [4]. Но следует учитывать, что в течение длительного периода США отстаивали глобализацию: «Став единоличной гегемонией после окончания холодной войны, США в конечном итоге взяли на себя право направлять, защищать другие государства, а также расширять свою повестку глобализации за пределы своих границ. В результате несколько стран, как больших, так и малых, оказались зависимы от военной поддержки США, отсюда и возможность контроля США над их военным аппаратом, что автоматически означает подрыв политической власти таких государств» [5, с. 30].

Таким образом, можно выделить параметры американского изоляционизма, как в классическую его эпоху, так и после выхода внешней политики США из географических рамок доктрины Монро:

1) Приоритет национальных интересов и их реалистическая интерпретация над идеалистическим мессианством по распространению американских ценностей за пределами Америки.

2) Ограниченная логика в вопросах заключения союзов за пределами Западного полушария и поддержание монопольного права применения силы в этой части света. Взгляд с другой стороны дает следующую производную: США будут препятствовать распространению чужой логики «баланса сил» на американском континенте, в то же самое время, даже в изоляционистский период (1776–1941) они руководствовались этой логикой в своих интересах за пределами своего «заднего двора».

3. Еще один параметр американского изоляционизма емко сформулировал Ф. Войтоловский: «...американский глобализм содержит в себе элементы, привнесённые изоляционизмом. В свою очередь, американский изоляционизм отличается от других форм изоляционизма, поскольку он не нацелен на то, чтобы закрыться от мира. Он нацелен на то, чтобы все то, что происходит вовне, не создавало даже потенциальных угроз для самих США и служило интересам их развития» [3, с. 164].

В своей книге «Буря перед затишьем: американский раскол, кризис 2020-х и триумф впереди» (2020) Джордж Фридман показывает, как глубокие структурные изменения, которые в настоящее время происходят в США, приводят к серьезной напряженности. Федеральная власть периодически претерпевает своего рода сдвиги, в ходе

которых меняется способ ее функционирования и привычное взаимодействие с обществом. Эти сдвиги вызваны постоянно углубляющимся провалом системы. Экономика также претерпевает фундаментальные изменения, обусловленные отчасти избытком денежной массы и ограниченными инвестиционными возможностями. В свою очередь, это порождает заметное снижение производительности из-за снижения инновационного потенциала. На фоне этих двух полюсов напряженности, а также давления, возникшего из-за попыток США найти свое место в меняющейся мировой системе, связующая сила американского общества ослабла и будет продолжать ослабевать на протяжении 2020-х годов. Поэтому, независимо от того, кто станет президентом, в ближайшее десятилетие страну охватят страх и ненависть [6, с. 1–9].

Дилеммы американской внешней политики по линии «изоляционизм и интервенционизм» описывает патриарх американской политической мысли Г. Киссинджер: «Первый <подход к внешней политике> заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потом служит путеводным маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе» [7, с. 10]. Эта диалектика американской внешней политики накладывается еще на одну двойственную пару, наполняющую ее смыслами – политический реализм и политический идеализм.

Политический реализм и мессианский идеализм по распространению американских ценностей явно проявились в деятельности двух рядом стоящих в истории США американских президентов Теодора Рузвельта (1901–1909) и Вудро Вильсона (1913–1921). Рузвельт полагал, что Америка должна руководствоваться логикой «баланса сил» и, следовательно, «сфер влияния» в реализации своих национальных интересов в независимости от внутреннего политического и экономического уклада военно-политического партнера, в то же время, В. Вильсон был сторонником распространения американских ценностей на весь мир, что сделало бы этот мир более безопасным и более совершенным.

Таким образом, четыре переменные: изоляционизм, интервенционизм, реализм и идеализм – лежат в основе системы координат американской внешней политики, которая была сформирована уникальным историческим опытом, географией США и культурным кодом американской элиты. Причем, идеалистические и реалистические подходы в равной степени служили обоснованием американской внешней политики как при реализации изоляционистской, так и интервенционистской внешней политики.

Идеи американского изоляционизма лежали в основе внешней политики США в период с 1776 по 1941 год, что составляет 165 лет исторического пути Америки, тогда как период американского интервенционизма с 1941 по 2016 год составил 75 лет, а вместе с 4 годами правления Джо Байдена – 79 лет. Следовательно, большую часть своей политической истории США находились на изоляционистских рельсах развития.

Штаты болезненно переходили от внешнеполитической парадигмы изоляционизма к интервенционизму. Первая попытка состоялась в конце Первой мировой войны при Вудро Вильсоне. Однако Британия и Франция не подпустили США к подведению ито-

гов конфликта, американское общество оказалось не готово, а элиты расколоты. В итоге Вашингтон вернулся в привычные рамки изоляционизма. Вторая попытка, уже успешная, перехода к интервенционизму состоялась в 1941 году со вступлением США во II мировую войну. В обоих случаях США был нанесен психо-исторический урон – гибелью американских граждан на «Лузитании» и в Перл-Харборе. То есть изоляционистская парадигма показывала уже неспособность обеспечить национальную безопасность США и граждан США, в том числе, за пределами США.

В течение XIX в. американские войска периодически участвовали в операциях за пределами Западного полушария, включая Триполи (1801–1805, 1815), Алжир (1815), Грецию (1827), Суматру (1832, 1838–1839), Либерию (1843), Китай (1843, 1854, 1856), Анголу (1860), Японию (1863–1864, 1868) и Корею (1871). Но во всех этих случаях для защиты американских торговых судов и граждан США использовались только небольшие рейдерские группы. Для этих так называемых эскадр, часто состоящих из нескольких кораблей, плавающих в одиночку, Соединенные Штаты даже построили базы в бассейнах Средиземного моря и Тихого океана и в Ост-Индии. Но ни рейдерские группы, ни заморские базы не были средством установления постоянного американского присутствия. США демонстрировали заинтересованность в защите своих торговых связей и не заботились о поддержании баланса сил в отдаленных регионах мира [8]. Однако в Западном полушарии позиция Штатов оказалась более жесткой. Они призвали европейские государства ограничить своё влияние в этой части мира.

Обращаясь к исторической традиции разделения сфер влияния в западной цивилизации, можно выделить два подхода в ее реализации – два вида баланса сил: французский *raison de tat* – национальный интерес и английский *balance of power*. Французский предполагает непосредственное участие субъекта в одном из разыгрываемых балансов, тогда как английский баланс сил предполагает дистанционное разыгрывание субъектом различных комбинаций без непосредственного участия, и только, когда ситуация становится критической, субъект всей своей мощью вступает в игру на стороне, которая позволяет ему реализовать свои национальные интересы в полной мере. После того, как конкурент повержен, при «британском балансе» стоит задача выстраивания новых балансов с участием победителей и побежденных, с тем, чтобы не позволить чрезмерного усиления одной стороны за счет другой [7, с. 45–88; 9, с. 84–85].

Исторический опыт показывает, что *balance of power*, несмотря на более выгодную методологию, лежащую в основе его реализации, имеет все же значительные издержки. Победившая континентальная сторона при поддержке субъекта, разыгрывающего баланс, как правило, усиливается настолько, что мировому гегемону приходится создавать систему сдерживания уже вокруг бывшего союзника, затрачивая при этом значительное количество ресурсов и жизненных сил (английской) нации.

Синхронизация западных традиций реализации различных видов баланса сил дает основание и для следующего вывода: логика «французского баланса» работает для американской внешней политики, когда она переходит на уровень активного интервенционизма, в то же время, «британский баланс» характерен для тех периодов истории

США, когда преобладали изоляционистские тенденции и Вашингтон руководствовался чаще односторонними действиями с ограниченным вовлечением в военно-политические союзы. На уровне практической политики именно это происходит с начала 2025 г., после возвращения Д. Трампа в Белый дом. Американцам нужно перезагрузить свой военно-промышленный комплекс, что они в большой мере уже сделали, чтобы быть готовыми к своей основной схватке за мировое лидерство – в Восточной и Юго-Восточной Азии. Далее в этом случае произойдет полное замещение помощи США Украине европейскими силами, экономическими и военно-техническими поставками. «Первая скрипка» при этом достанется Британии, которая будет заниматься европейскими делами, то есть своей традиционной сферой влияния в рамках методологии «британского баланса» в Европе.

А на Тихом океане, как и в период II мировой войны, первую скрипку будут играть США. Только сейчас они будут сдерживать не Японию, а Китай. То есть реализуется сценарий перехода в политике США от «французского» к «британскому балансу». По глубокому убеждению авторов, ключевым фактором, объясняющим попытку поворота Америки от изоляционизма к интервенционизму и наоборот, является экономическая мощь США. При первой попытке выхода из рамок изоляционизма при В. Вильсоне в 1918 г. США располагали чуть более 20% мирового ВВП. В 1945 г. этот показатель более чем удвоился и достиг 52% [10]. В настоящее время, по разным оценкам, американский ВВП составляет от 18 до 23% мировой экономики [11; 12]. То есть, в экономическом плане появились детерминирующие предпосылки перехода США от политики интервенционизма к «новому изоляционизму».

Исторический опыт «перенапряжения» великих держав подробно исследовал в работе «Взлеты и падения великих держав» Пол Кеннеди, который полагает, что основной ошибкой элит, теряющих силу гегемонов, является попытка сохранения чрезмерных имперских обязательств, когда недостаточные внутренние ресурсы и относительный рост других центров силы не позволяют реализовать этот курс [13].

Известны ли истории примеры добровольного отказа от гегемонии? Британия, ближайший современный союзник США, в 1945 г. сделала этот отказ от гегемонии управляемым. Однако действия Британии начались ранее во время подписания Атлантической хартии. И именно эта хартия может являться исторической точкой выхода США из логики изоляционизма. После победы на президентских выборах Д. Трамп организывает 27 января 2017 г. первую встречу с Т. Мэй, которая приходит к власти 11 июля 2016 г., после начала процесса выхода Великобритании из ЕС. «Брексит», Крым, приход Д. Трампа могут рассматриваться как разумный компромисс национальных элит великих держав в пользу процессов регионализации и как следствие объективного проявления кризиса глобализации.

Американский исторический опыт показывает определенную схожесть периодов развития Америки в начале XX и XXI вв. Внешняя политика Д. Трампа с его ярко выраженным реализмом и внешнеполитической риторикой находит исторические аналогии с периодом и характером президентства Т. Рузвельта. Хотя 26-й американский президент

не вышел за рамки доктрины Монро, он существенно расширил её интерпретационные границы и был сторонником реализма и баланса сил во внешней политике, а США реализовали принципы «большой дубинки» и статус «мирового жандарма». Рузвельт получил Нобелевскую премию мира за послевоенное урегулирование российско-японских отношений (1906), при этом, опираясь на Великобританию, остановил геополитическое продвижение русских к Тихому океану руками японцев, однако, он отчетливо понимал угрозу для США со стороны Японской империи и предпринял действия по военно-политическому сдерживанию Токио. Таковы уже были издержки методологии «британского баланса» для США в Азиатско-тихоокеанском регионе в начале XX в., которые стали прологом к одному из фронтов будущей Второй мировой войны.

Как подчеркивает Фридман (2020), при проведении исторических аналогий с современным кризисом США и его влиянием на мировую систему, можно выделить два основных цикла, которые помогают понять текущую ситуацию в США. Институциональный цикл повторяется каждые 80 лет (есть три таких примера: Война за независимость/основание, Гражданская война и Вторая мировая война), и сейчас видны признаки следующего перехода от одного цикла к другому, который начался в 2025 г. Другой основной цикл – это пятидесятилетний социально-экономический цикл, который меняет динамику американской экономики и общества, и его последний сдвиг приходится на 1980-е годы, когда экономическая и социальная нестабильность, начавшаяся в 1960-х годах, привела к фундаментальному кризису системы. Эта социальная и политическая нестабильность закончится к концу 2020-х годов.

Впервые в истории США оба цикла завершатся в середине 2020-х годов, что означает, что 2020-е годы станут одним из самых сложных периодов в истории США. Институциональные и социально-экономические циклы будут по-прежнему в большей степени определять судьбу США. Американцы «просто пассажиры на американских горках» [6, с. 7].

На практическом уровне внешняя политика Трампа нашла свое выражение в доктринальных документах его первого президентского срока, предопределивших внешнюю политику США: Стратегия национальной безопасности (СНБ) 2017 [14], Стратегия национальной обороны (СНО) 2018 [15] и Стратегия национальной биологической защиты (НСБЗ) 2018 [16]. Сравнивая их, можно сделать некоторые выводы и обозначить рамки, характер и основные направления внешней политики США при Д. Трампе.

Во-первых, внешняя политика США при Трампе основывается на большей независимости от союзников, упор делается на применение силы против конкурентов: Китая, России, Ирана и Северной Кореи; США создавали благоприятный для себя «баланс сил» в различных регионах мира, не позволяя одной державе контролировать какой-либо из регионов мира. В то же время США искали пространство для сотрудничества с Китаем и Россией, однако, с позиции силы и на условиях Вашингтона.

Во-вторых, США настаивали на большем финансовом вкладе со стороны своих союзников для обеспечения собственной и общей безопасности. Таким образом, американцы фактически способствуют большей военной и политической независимости

и изменению архитектуры мира. То, что делали Китай и Россия десятилетиями ранее, пытаясь построить многополярный мир «снизу», декларируется американцами в указанных документах, но уже «сверху».

В-третьих, и СНБ, и СНО демонстрируют, что США намереваются «сдерживать российский авантюризм» [15, с. 9] на периферии границ России, которые одновременно образуют дугу нестабильности, прилегающую к НАТО, однако, это должно происходить за счет партнеров. Тема расширения НАТО не затрагивается, а Украина и Грузия в Документах даже не упоминаются. В СНБ и СНО заинтересованность Вашингтона в России уступает заинтересованности в Китае, что показывает иерархию конкурентов. КНР должна была оказаться в окружении союзников США, а основная работа по сдерживанию Китая возлагается на Индию, из которой США должны сделать мировую державу в Индо-Тихоокеанском регионе. Сдерживание конкурентов – Китая и России – происходит в логике и методологии «британского баланса» сил.

В-четвертых, Вашингтон выделил в первую каденцию Трампа три критических региона, контроль над которыми позволил бы ему сохранить доминирующее положение: Индо-Тихоокеанский регион, Европу, Ближний Восток – и дополнил их еще тремя: Южная и Центральная Азия с центром в АфПаке, Западное полушарие и Африка. Во всех этих регионах прослеживается логика сдерживания экспансии Китая, хотя разработчики доктринальных документов отмечают, что Россия также нашла оперативное пространство для продвижения своих интересов в этих регионах. Вашингтон должен был стремиться в первый президентский срок Дональда Трампа изменить внешнеполитические планы элит Китая и России.

В-пятых, регион Черного моря и Восточного Средиземноморья, к активной политике в которых Россия вернулась в 2014 году, хотя и не выделялся в указанных документах США отдельно, однако, оказался на перекрестке центральных для американской внешней политики регионов мира: Европы, Ближнего Востока и Африки. США планировали сохранить присутствие в этих регионах, сформировав выгодный для себя баланс сил, и не допустить попадания ни одного из них под контроль одной державы. Такая формулировка давала определенные рамки для реализации российского внешнеполитического курса, заключающегося в разделе сфер влияния в Черноморском регионе с Турцией и в недопущении «третьего лишнего» при создании выгодного для себя баланса в Средиземноморском регионе за счет расширения круга союзников [17]. Выявление первичной китайской угрозы во всех этих регионах также создавало благоприятные условия для России, поскольку механизмы «сдерживания через устрашение» должны были быть направлены в первую очередь против Пекина. Однако события в Сирии в декабре 2024 года, где за короткое время пал режим Башара Асада и рухнула формула союза региональных держав – России, Турции и Ирана – против экспансии глобальных с вытеснением интересов Москвы и Тегерана из Восточного Средиземноморья, заставил пойти последних на беспрецедентное историческое сближение, что отразилось в подписанном Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран от 17 января 2025 г. [18], статья 5, пункт 4 которого по

сути и между строк возвращают ИРИ к активной внешней политике на Южном Кавказе, где её не было 200 лет. Такое сближение является ответом России и Ирана на политику США, Израиля и Турции в ключевых регионах для всех вышеперечисленных игроков.

В-шестых, логика и контекст СНБ 2017 г., Национальной стратегии биологической защиты 2018 г. и СНО 2018 г. свидетельствуют о переходе США при Трампе к стратегической обороне с сохранением силового, технологического и экономического лидерства. При этом внешняя политика основывается в первую очередь на схеме «британского баланса сил». Унилатерализм, «британский баланс», «мир через силу», «свобода рук» во внешней политике и военных действиях, стратегическая предсказуемость и оперативная непредсказуемость – все это черты, больше связанные с изоляционизмом. Однако такие характеристики, как контроль над ключевыми регионами и предотвращение попадания этих регионов в руки одной державы, сохранение доступа ко всем важным регионам мира, сохранение старых и приобретение новых союзников – прямо противоречат первой и второй заповедям изоляционистов: невмешательство в европейские дела и следование доктрине Монро. В результате внешняя политика США при Трампе в первую каденцию – это синтез американского интервенционизма и изоляционизма, а складывавшаяся система международных отношений имеет черты Вестфальской системы (с такими категориями, как «национальные государства», «национальный суверенитет», «национальные интересы»), Венской системы международных отношений («многополярное державное противостояние», «конкуренция» и т.п., «сотрудничество на основе паритета сил»), а также механизмы Ялтинской системы (наличие ядерного оружия, система сдерживания американских конкурентов и ООН). По всей видимости, заложенные основы внешней политики будут продолжены и развёрнуты в течение второго срока президентства Д. Трампа.

Заключение

Таким образом, США оказались в сложной ситуации поиска новой внешнеполитической идентичности в условиях истощения экономических ресурсов, внутренних кризисов и перехода мирового лидерства к незападной цивилизации. Международные отношения перестраиваются по трем основным направлениям.

Во-первых, пересматриваются итоги окончания холодной войны. Россия и Китай, а также другие региональные центры силы из числа государств мировой полупериферии уже более четверти века подрывают американское глобальное господство.

Во-вторых, пересматриваются итоги окончания II мировой войны: побежденные державы в последней мировой войне, в первую очередь Германия и Япония, стремятся повысить свой военно-политический и экономический суверенитет, что находит отражение в изменении японской конституции, снятии ограничений на развитие армии. Германия будет вынуждена перейти к ремилитаризации своего государства исходя из позиции США по украинскому кризису, самого наличия украинского военно-политического кризиса.

В-третьих, существуют государства, к примеру, такие как Турция, которые пересматривают итоги еще Первой мировой войны, возвращая себе статус полноценных регио-

нальных держав, стремящихся получить статус мировой, и этот транзит проходит у них достаточно успешно, несмотря на недостаток экономических ресурсов.

В-четвертых, меняется экономический гегемон. Китай вышел на первое место по производству материальных ресурсов, в то время как США остаются мировым финансовым центром [19].

В-пятых, пандемия коронавируса внесла свои коррективы в динамику развития международных отношений, став катализатором антиглобальных процессов. Хотя биологическая угроза имела все шансы объединить мир в общей борьбе перед общей угрозой и тем самым оправдать тенденции глобализации, она, напротив, ускорила регионализацию мира и взаимные обвинения в создании вируса и вакцинных войн. В условиях биоугрозы можно констатировать появление еще одного критерия великой державы: способность разрабатывать и производить медикаменты от новых инфекций; она размывает границы, но заставляет каждую державу действовать исключительно в своих интересах в своей исключительной сфере влияния – это еще один компонент подтверждения или потери геополитического лидерства.

В-пятых, ослабление экономической мощи и внутренние кризисы в США, появление альтернативных проектов глобализации в виде китайского «Пояса и Пути» в краткосрочной и среднесрочной перспективе будут способствовать распаду мира на ряд макрорегионов.

И наконец, в-шестых, Черноморский регион и Восточное Средиземноморье являются зоной первостепенных национальных интересов России. Сложные партнерские и явные конкурентные отношения России и Турции заставляют их уже на протяжении более 250 лет искать взаимные балансы сосуществования в этом регионе, которые всегда были подвержены внешнему косвенному воздействию или прямому влиянию. Тенденция глобального уровня – распад мира на макрорегионы и уход США в политику «нового изоляционизма» со всеми описанными особенностями обострит накопившееся противоречия региональных держав вплоть до военно-политического столкновения. Здесь нужно учитывать, что в настоящее время Черноморский регион в различных его геополитических конфигурациях стал зоной сосуществования и столкновения таких геополитических проектов, как «Новороссия», «Большой Черноморский регион» (Wider/ Broader Black Sea Region), «Пояс и Путь» (一帶一路), «Триморье» (Великобритания) и «Турецкий мир» (Türk dünyası).

Список литературы

1. Попова Е.И. Американский изоляционизм и создание Версальско-Вашингтонской системы // Вопросы истории. – 1964. – №5. – С.78–94
2. Graebner N. The new isolationism; a study in politics and foreign policy since 1950 / N. Graebner. – New York: Ronald Press, 1957. – 289 p.
3. Войтоловский Ф. «Определение стратегических целей – это сфера идеологии...» // Международные процессы. – 2017. – Т.15 – № 1 (48). – С. 157-168.

DOI 10.17994/IT.2017.15.1.48.12

4. Капчан Ч. Столкновение исключительностей // Foreign Affairs. – 2018. — №2
URL: <https://globalaffairs.ru/number/Stolknovenie-isklyuchitelnosti-19746>
5. Taiwo B. Nowhere to Hide: Nation States' Security and Stability in the Age of Globalization // Journal of Globalization Studies. – № 8 (2). – P.27–41.
6. Friedman G. The Storm Before the Calm: America's Discord, the Coming Crisis of the 2020s, and the Triumph Beyond. – Doubleday, New York, 2020.
7. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
8. Cupchan Ch. The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. – New York: Random House USA Inc., 2003. – 416 p.
9. Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе /Под ред. А.А. Ирхина. – М.: Аспект-Пресс, 2024. – 264 с.
10. Юрченко С.В. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы. Дис. док. пол. наук. – К., 2001. – 430 с.
11. Historical Tables, Budget of the United States Government 1985-2018. URL : <https://fraser.stlouisfed.org/title/383#issues>
12. Trading Economics. United States GDP. URL : <https://tradingeconomics.com/united-states/gdp>
13. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Random House USA Inc., 1987. – 704 p.
14. National Security Strategy of the United States of America. December 2017
15. National Biodefense Strategy. 2018.
16. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL : <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
17. Irkhin A., Moskalenko O. 2020. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quarterly. – № 15(56). – P. 110-121
18. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран// Президент России. 17.01.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258>
19. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. –2021. –Т. 21. – № 2. –С. 210–231.

Сведения об авторах

Ирхин Александр Анатольевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук и международных отношений ФГАУО ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г.Симферополь, Российская Федерация
Email: Alex.irhin@mail.ru

Москаленко Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Институт

общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Российская Федерация

Email: kerulen@bk.ru

Демешко Наталья Эдуардовна – кандидат политических наук, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Российская Федерация

Email: natalidem93@mail.ru

Немцев Владимир Владимирович – председатель Законодательного Собрания города Севастополя, г. Севастополь, Российская Федерация

Email: nemcev71@gmail.com

Irkhin A. A., Moskalenko O. A., Demeshko N. E., Nemtsev V. V.

NEW TRUMP'S "ISOLATIONISM": WHAT SHOULD RUSSIA EXPECT IN THE BLACK SEA REGION AND EASTERN MEDITERRANEAN?

Abstract: *The article defines the principles of transformation of the US foreign policy after 2016 both at the global and regional levels, based on the analysis of the historical experience of American foreign policy and the main doctrinal documents; identifies the main reasons for the transformation of the foreign policy of the Donald Trump administration in the first presidential term and makes a forecast for the second. The combination of the systemic and geopolitical approaches in the methodology allowed for the creative application of the principles of dialectics inherent in the American foreign policy tradition: isolationism and interventionism, on the one hand, and political realism and idealism, on the other. The authors have come to the conclusion that US foreign policy will be based on greater independence from its allies, an emphasis on the use of force against competitors: China, Russia, Iran and North Korea – and will be aimed at forming a «balance of power» in various regions favorable to the United States, preventing control of any of the world's regions by one power. The Black Sea and Mediterranean region is not singled out separately by the USA, however, it is part of three central areas for American foreign policy: Europe, the Middle East and Africa. This provides a certain framework for the implementation of the Russian foreign policy course, which supposes dividing spheres of influence in the Black Sea region with Turkey and preventing presence of other actors in the region while simultaneously creating a favorable balance for itself in the Mediterranean region, especially in its eastern part, by expanding the circle of allies. At the same time, Russia's foreign policy in this region should exclude a scenario in which the USA and/or its allies implement a historical analogy of the Crimean War and the Paris Peace Treaty of 1856.*

Keywords: *USA, Russia, isolationism, interventionism, globalism, balance of power.*

References

1. Popova E.I. Amerikanskij izolyacionizm i sozdanie Versal'sko-Vashingtonskoj sistemy [American Isolationism and the Versaliies-Washington System]. Voprosy istorii. – 1964. – no.5. – pp.78–94.
2. Graebner N. The new isolationism; a study in politics and foreign policy since 1950. New York: Ronald Press, 1957. – 289 p.
3. Vojtlovskij F. «Opredelenie strategicheskikh tselej – ehto sfera ideologii...» [Strategic Goal Defining Is Referred to the Sphere of Ideology]. Mezhdunarodnye protsessy. – 2017. – Vol 15. – № 1. – pp. 157–168.
4. Cupchan Ch. Stolknoveniie iskluchitelnostei [The Clash of Exceptionalities] // Foreign Affairs. – 2018. – №2 URL: <https://globalaffairs.ru/number/Stolknovenie-isklyuchitelnostei-19746>
5. Taiwo B. Nowhere to Hide: Nation States' Security and Stability in the Age of Globalization //Journal of Globalization Studies. – 2017. – № 8 (2). – P.27–41.
6. Friedman G. The Storm Before the Calm: America's Discord, the Coming Crisis of the 2020s, and the Triumph Beyond. – Doubleday, New York, 2020
7. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon&Shuster, 1994. – 912 p.
8. Cupchan Ch. The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. New York: Random House USA Inc., 2003. – 416 p.
9. Klyuchi ot Evrazii. Rossiya i Turkiya v Chernomorskom regione [Keys to Eurasia. Russia and Turkey in the Black Sea Region] / Ed. by A.A. Irkhin, Moscow, Aspect-Press, 2024.
10. Yurchenko S.V. Geostrategiya SSHA v processe stanovleniya global'noj derzhavy. Diss. dokt. polit. nauk [The USA Geostrategy in the process of the Global Power Formation. Dr.Diss (Politics)] Kiev, 2001. – 430 p.
11. Historical Tables, Budget of the United States Government 1985-2018. URL : <https://fraser.stlouisfed.org/title/383#issues>
12. Trading Economics. United States GDP. URL : <https://tradingeconomics.com/united-states/gdp>
13. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Random House USA Inc., 1987. – 704 p.
14. National Security Strategy of the United Stated of America. December 2017
15. National Biodefence Strategy. 2018.
16. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL : <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
17. Irkhin A., Moskalenko O. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quarterly. – 2020. – № 15(56). – P. 110-121
18. Dogovor o vseob»emlyushchem strategicheskom partnyorstve mezhdru Rossijskoj Federaciej i Islamskoj Respublikoj Iran// Prezident Rossii. 17.01.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258>

19. Degterev, D.A., Ramich, M.S., & Tsvyk, A.V. (2021). U.S. — China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 210—231. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>

Irkhin Aleksandr Anatolievich – doctor of Political Science, Professor at V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation.

Email: Alex.irhin@mail.ru

Moskalenko Olga Aleksandrovna – candidate of Philology, Assistant Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation.

Email: kerulen@bk.ru

Demeshko Natalya Eduardovna – candidate of Political Science, Assistant Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation.

Email: natalidem93@mail.ru

Nemtsev Vladimir Vladimirovich – chairman of the Legislative Assembly of the city of Sevastopol, Sevastopol, Russian Federation.

Email: nemcev71@gmail.com

УДК 327.56

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-87-103

ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Копылов А. В., Беляков Б. Л.

Аннотация: Кардинальные изменения в современной системе мироустройства сопровождаются увеличением перечня и характера угроз военной безопасности Российской Федерации. В этих условиях повышается роль не только вооруженных сил как средства стратегического сдерживания, но и невоенных средств обеспечения обороны и безопасности страны, среди которых особое место занимает дипломатия. В статье предложены теоретические подходы к определению понятия «военная дипломатия», рассмотрены ее задачи и место в международных отношениях. Авторами проведен ретроспективный анализ основных внешнеполитических стратегий обеспечения военной безопасности: изоляционизм, опора на собственные силы, нейтралитет, неприсоединение и коалиционная стратегия. Рассмотрены вопросы международно-договорной деятельности и военно-политического сотрудничества государств. Сделан вывод о том, что абсолютизация военного компонента системы безопасности не обеспечивает в полной мере потребности обороны страны. Глобальные геополитические изменения требуют комплексного, системного использования военных и невоенных средств противодействия военным угрозам и вызовам настоящего времени, активизации дипломатической деятельности, развития военно-политического сотрудничества государств, повышения авторитета региональных и всемирных организаций обеспечения безопасности.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, военная дипломатия, дипломатическая деятельность, военное сотрудничество, военная безопасность.

Военная безопасность государства достигается сбалансированным сочетанием военных и невоенных средств, среди которых особое место занимает дипломатия. Современные войны носят коалиционный характер, поэтому создание военных союзов, коалиций, развитие и укрепление международного военного сотрудничества занимают важное место в военной политике государств.

Динамизм и глобализация международных отношений, появление новых военных угроз и вызовов в связи с трансформацией миропорядка требуют активизации дипломатической деятельности органов государственной власти и военного управления России, расширения военного сотрудничества с союзниками и партнерами, развития деятельности российских представительств в международных организациях.

В связи с этим актуальным является разработка концептуальных основ военной дипломатии, научное обоснование основных направлений, инструментов и приоритетов дипломатической деятельности России по обеспечению обороны и безопасности госу-

дарства в новых геополитических условиях.

Цель исследования – провести системный анализ дипломатии как инструмента обеспечения военной безопасности государства.

Задачами исследования являются:

- уточнить теоретические подходы к определению понятия «дипломатия» и «военная дипломатия», их связь с внешней политикой и военной безопасностью государства;
- провести ретроспективный анализ основных внешнеполитических стратегий обеспечения военной безопасности, средств и методов дипломатии, их использования при выстраивании международных отношений;
- представить предложения по эффективному противодействию угрозам военной безопасности дипломатическими средствами в условиях трансформации миропорядка.

Степень разработанности проблемы. Исследованию роли дипломатии в войнах и вооруженных конфликтах посвящено большое количество исторических работ как в нашей стране, так и за рубежом [1–5]. В то же время работ, в которых дипломатия рассматривается в контексте обеспечения военной безопасности, не много [6–9].

Новизна исследования заключается в том, чтобы провести системный анализ дипломатии как инструмента обеспечения военной и национальной безопасности, ее концептуальных основ, поскольку вопросы военной дипломатии носят междисциплинарный характер и тесно связаны с различными областями науки – теорией национальной и военной безопасности, международными отношениями, международным правом, политологией, социологией, экономикой, информационной безопасностью.

Теоретическую и методологическую базу исследования составляют диалектический метод (рассмотрение явлений и процессов в их взаимосвязи развитии, выявление противоречий), общенаучные методы (анализ, синтез, абстрагирование, сравнение), метод единства исторического и логического, контент-анализ нормативных правовых документов.

Практическая значимость исследования заключается в создании научно обоснованных рекомендаций по использованию военной дипломатии для защиты интересов личности, общества и государства от военных угроз.

Исходным пунктом исследования любого социального явления является определение понятий. Знаменитому французскому философу Ф. Вольтеру принадлежат такие слова: «Если вы хотите со мной говорить, определите свои понятия». Данное правило методологической дисциплины требует уточнить, что такое военная безопасность и как она соотносится с дипломатией, внешней и военной политикой.

Военная безопасность – это такое состояние межгосударственных и внутригосударственных отношений, а также обороноспособности страны, при котором сводится к минимуму вероятность возникновения военных конфликтов и обеспечивается ее надежная защищенность от вооруженного нападения.

Внешняя политика – это общий курс государства в международных делах, в основе которого лежат его национальные интересы. Важнейшим средством осуществления внешней политики является дипломатия. Цели внешней политики достигаются не только посредством дипломатии, но и усилиями экономических, торговых, культурных и

иных организаций. При определенных обстоятельствах прямым орудием осуществления внешней политики становятся вооруженные силы.

Под дипломатией принято понимать совокупность невоенных мероприятий в международных отношениях, официальную деятельность государств по осуществлению целей и задач внешней политики государства.

Дипломатия является специализированным инструментом государственного управления, внешней политики, национальной безопасности, используемый в сфере международных отношений. Она означает прежде всего комплекс превентивных мер по упреждению военных угроз безопасности государства через поддержание дружественных и партнерских отношений с соседними и другими странами мира. Известному американскому политику и дипломату Генри Киссинджеру принадлежит знаменитая фраза: «Дипломатия есть искусство обузывать силу» [2].

Дипломатия охватывает широкий спектр невоенных мер: политико-дипломатических, экономических, международно-правовых, информационных, гуманитарных и духовно-нравственных. По данным ученых, насчитывается около 200 видов невоенных средств обеспечения безопасности [10].

Военную дипломатию следует рассматривать как составную часть дипломатической деятельности государства. Ее связывают с деятельностью структур министерств обороны, военных атташе, международными военными образовательными программами, гуманитарными операциями и миссиями по поддержанию мира, проведением совместных учений, официальными визитами военных кораблей, направленными на развитие и укрепление дружественных отношений с иностранными государствами.

В зарубежных научных изданиях используется термин «оборонная дипломатия», который появился относительно недавно, в конце 1990-х годов в доктринальных документах Великобритании и Франции, достаточно часто встречается в журналистике, но не получил широкого распространения в отечественной науке и документах стратегического планирования. До сих пор нет общепризнанного определения этого термина в международной практике.

Задачи дипломатии как инструмента обеспечения военной безопасности направлены на: сохранение глобальной и региональной стабильности мире; поддержание отношений со всеми странами на основе международного права и суверенного равенства государств; укрепление мер доверия в военной области; недопущение милитаризации международной политики; предотвращение возникновения или урегулирование военных конфликтов; участие в миротворческой деятельности рамках ООН и других международных организаций; развитие процесса сокращения вооруженных сил государств и военных союзов до уровня разумной достаточности; мирное урегулирование территориальных проблем с соседними государствами путем подписания соответствующих соглашений и установление режима безопасности границ.

Говоря о задачах и функциях военной дипломатии, следует отметить, что они зависят от состояния развития военного конфликта: до конфликта, во время конфликта или после конфликта [6]. В мирное время основные усилия дипломатии направлены

на предотвращение военного конфликта, во время конфликта – на его урегулирование с использованием военных и невоенных средств, после конфликта – на установление законности в «постконфликтных» государствах.

Обеспечение военной безопасности государства может достигаться с использованием различных дипломатических методов и средств, среди которых наиболее важными являются официальные визиты и переговоры на высшем и высоком уровне, подготовка и заключение двусторонних и многосторонних международных договоров по вопросам войны и мира, участие в работе международных организаций и органов.

Ретроспективный анализ развития международных отношений показывает, что для обеспечения военной безопасности государства могут руководствоваться различными внешнеполитическими стратегиями. Это может быть политика изоляционизма, политика опоры на собственные силы, политика нейтралитета или неприсоединения и коалиционная политика [12].

Изоляционизм основан на внешнеполитическом принципе невмешательства во внутренние дела других государств и военные конфликты, стремлении избежать обязательств в отношениях с другими странами.

Политике изоляционизма способствуют географическая удаленность и природно-географические условия государств. Большие моря, высокие горы и обширные пустыни требуют от агрессора огромных затрат на ведение военных действий в таких условиях. Например, Бутан, защищенный горами, оставался изолированным государством в течение почти 1000 лет, вплоть до конца 1950-х годов, когда интерес к Бутану стала проявлять Индия в связи с ухудшением ее отношений с Китаем. Япония проводила политику изоляционизма, начиная с XVII века, когда состоялись ее первые контакты с датчанами и португальцами, до 1854 г., когда США вынудили Японию открыть себя для торговой и миссионерской деятельности.

Соединенные Штаты руководствовались стратегией изоляционизма в отношении с Европой на протяжении всего XIX века, одновременно проводя политику экспансионизма в отношении государств Карибского бассейна и Центральной Америки. Совсем недавно такие государства, как Бирма и Албания были отрезаны от внешнего мира, высылали из своей страны иностранцев, не допускали иностранных инвестиций, отрицательно относились к любым формам иностранного влияния, включая туризм, не принимали иностранной помощи. Усилия таких стран были направлены главным образом на обеспечение внутренней безопасности [13].

В современных условиях, когда средства сообщения и вооруженной борьбы позволяют в течение нескольких часов достигать любой точки Земного шара, в мире динамично развиваются глобализационные процессы, политика изоляционизма уже не может быть гарантией военной безопасности государства.

Разновидностью изоляционизма является политика опоры на собственные силы, в основе которой лежит отказ от помощи других государств. Однако направления внешней политики отличаются по средствам уменьшения угроз. При изоляционизме это достигается путем представления себя в качестве непривлекательных объектов для других

государств и жесткого исключения иностранного присутствия. Опора на собственные силы предполагает создание мощных вооруженных сил для сдерживания агрессора. С начала 60-х до конца 70-х годов XX века такую политику проводил Китай. Он разорвал свои союзнические связи с Советским Союзом, не стремился определить свои отношения с западными странами и громко заявил о своей решимости защищать собственными силами как «революцию», так и страну.

Государства, находящиеся в уязвимом положении в силу своего географического местоположения или других причин, могут обеспечивать свою военную безопасность путем приведения политики нейтралитета или неприсоединения, т.е. признания другими странами их нежелания быть вовлеченными в конфликты соседей. В обмен на это они принимают на себя обязательства не вступать в военные союзы с другими странами или не предоставлять свою территорию для акций, наносящих ущерб интересам соседних и иных государств [14].

Термин «нейтралитет» в современной трактовке имеет несколько значений. Во-первых, нейтралитет означает легальный статус государства во время войны. В соответствии с V Гагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны от 1907 г., во время войны невоюющие страны обладают определенными правами и обязательствами [15]. Нейтральное государство имеет право не разрешать использовать свою территорию в качестве базы для ведения военных действий одной из воюющих сторон, не оказывать военную помощь воюющим странам, однако при определенных условиях они могут разрешать провоз через свою территорию невоенных грузов и пассажиров. Во-вторых, нейтральные государства имеют определенный статус и в мирное время. Их отличительными признаками является неучастие в конфликтах других стран, неприсоединение к военным союзам и запрещение использования своей территории другими странами в военных целях.

Политика нейтралитета может приниматься как в одностороннем порядке, так и через двусторонние и многосторонние соглашения. Так, европейские страны «нейтрализовали» Швейцарию в 1815 г., Бельгию – в 1831 г. и Люксембург – в 1867 г. В 1955 г. Австрия обрела суверенитет через ее «нейтрализацию» великими державами. В 1962 г. по решению западных стран и Советского Союза нейтральным был объявлен Лаос. В Европе нейтральными странами являются Швейцария, Ирландия, Австрия и Молдавия. В 2022 году Швеция и Финляндия подали заявки на вступление в НАТО, что явилось их отказом от многолетней политики военного нейтралитета. На территории СНГ нейтральный статус объявила Туркмения, которая практически не участвует в совместной деятельности других государств Содружества в военной области.

После II мировой войны, когда стали создаваться военные союзы, молодые независимые государства заявляли об отказе от присоединения к военным блокам. На этой основе в 1961 г. было создано Движение неприсоединения, которое в настоящее время охватывает 120 государств. Многие из членов Движения заключают друг с другом военные соглашения или вступают в многосторонние организации, которые занимаются решением не только экономических, но и военных вопросов (например, Совет сотру-

ничества государств Персидского залива – Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты). Поэтому такие страны не являются нейтральными в буквальном смысле. Их нейтралитет, по существу, ограничивался обязательством не вступать в НАТО или ОВД, образовавшихся в годы «холодной войны». В отличие от нейтральных государств Европы, неприсоединившиеся страны не брали на себя обязательства оставаться не вовлеченными в конфликты великих держав. Так, Индия имела договор о безопасности с Советским Союзом, Куба получала военную поддержку СССР.

В настоящее время распространенной стратегией по уменьшению и парированию угроз является коалиционная стратегия, которая основана на совместном использовании вооруженных сил нескольких государств для обеспечения военной безопасности. Одним из факторов создания военных союзов является наличие у государств общего врага, о чем писал в свое время крупнейший древнегреческий историк Фукидид [12, с. 89]. Это положение подтверждают современные исследования по военной истории. Так, в I мировой войне в Центральной коалиции и коалиции Антанты участвовало 38 государств, в конце II мировой войны против блока государств-агрессоров – Германии, Италии, Японии и их сателлитов – объединилось 56 государств, в войне в Персидском заливе на стороне многонациональных сил принимали участие вооруженные силы 42 стран.

Существует множество разновидностей военных коалиций, альянсов, союзов и т.п. Они могут быть классифицированы, по крайней мере, по четырем основаниям:

- 1) по природе казус федерис (от лат. *casus foederis* – обстоятельств, при которых взаимные обязательства принимают силу);
- 2) по видам обязательств сторон;
- 3) по степени интеграции вооруженных сил участников союза;
- 4) по территориально-географическому признаку [12, с. 90–91].

При подготовке договора о создании военного союза, определяя казус федерис, участники переговоров проявляют особую осторожность. Некоторые договоры, особенно заключенные после II мировой войны, содержат четкое определение обстоятельств, при которых военный союз вступает в действие. Например, в 5-й статье договора по НАТО говорится, что военные меры могут быть приняты в ответ на вооруженное нападение на одно из государств, подписавших этот договор. Даже террористический акт 11 сентября 2001 г. истолковывался в США как вооруженное нападение, позволяющее требовать от других стран НАТО соответствующих военных мер содействия США в борьбе с террористами.

В отличие от вышеуказанных договоров, в некоторых других документах ответные меры в случае вооруженного нападения, могут быть определены не совсем четко. Так, Договор по АНЗЮС, подписанный Австралией, Новой Зеландией и США, гласит, что каждая из сторон «будет действовать для устранения общей угрозы в соответствии со своими конституционными процедурами» [16].

Договоры о военных союзах могут отличаться по обязательствам сторон в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Так, в соответствии со статьей 4 Договора о

коллективной безопасности государств-участников СНГ от 1992 г., «если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников... В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников, все остальные государства предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимся в их распоряжении средствами в порядке осуществления прав на коллективную оборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН» [17].

Договорные обязательства могут быть взаимными и односторонними. Договоры о взаимной обороне теоретически предполагают равные обязательства сторон (НАТО, ОВД, ОДКБ). Другие договоры налагают на участников неравные обязательства. Так, по японо-американскому договору после «консультаций» Соединенные Штаты обязаны защищать Японию от внешней агрессии, но в случае войны или вторжения в США Япония не обязана этого делать.

Военные союзы могут различаться по степени интеграции вооруженных сил. В истории международных отношений военные союзы предполагали лишь координацию военного планирования, в то время как вооруженные силы в организационном и административном отношении оставались самостоятельными. Военные союзы, заключенные в Европе в XVIII веке, обычно требовали от их участников поставлять определенное количество солдат или выделять денежные средства для решения общих оборонных задач, но не предусматривали координации военных операций или объединения армий. Координация действий начиналась в соответствии со специальными решениями после начала войны.

После II мировой войны военная интеграция НАТО и ОВД была усилена до такой степени, что в случае войны союзные войска могли воевать как объединенные вооруженные силы. Интеграция может быть достигнута путем введения должности верховного главнокомандующего всеми союзными вооруженными силами (например, ОВС НАТО в Европе).

Военные союзы различаются между собой по зонам ответственности. Например, действие советских договоров о взаимной помощи распространялись только на территории тех стран, которые подвергались агрессии и были вовлечены в военные действия. В то время как действие договора по НАТО распространялось не только на территорию его участников, но и на заморские колонии Франции и Великобритании, на чем в свое время упорно настаивали французское и английское правительства [18].

Стратегическая концепция НАТО, принятая в 1999 г., официально провозгласила возможность использования ОВС этого блока за пределами территории стран-участниц Североатлантического договора. Данное решение способствовало не снижению военных угроз в мире, а наоборот обострению международной и региональной безопасности.

Важнейшим направлением военной дипломатии является международно-договорная деятельность, ведение переговорного процесса, в результате которого стороны могут прийти к принятию решений, выраженных в форме договора, соглашения, конвенции и т.д.

Этой деятельностью занимаются не только министерства иностранных дел, но и ми-

нистерства обороны. Министерством обороны приходится рассматривать вопросы на предмет целесообразности присоединения к международным договорам, затрагивающим деятельность вооруженных сил, или участвовать в выработке механизма по обеспечению их соблюдения. Принятие такого рода решений требует тщательной проработки международно-правовых документов, учета всего комплекса содержащихся в них проблем: военно-политических, организационно-технических, юридических (например, прогнозирование правовых последствий для вооруженных сил факта присоединения государства к тому или иному международному договору).

Заключаемые Россией договоры в области обеспечения безопасности и обороны принято относить к праву вооруженных конфликтов или к военным аспектам международного права.

В соответствии со статьей 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы [19]. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора.

Деятельность по обеспечению военной безопасности государства регулируется нормами, содержащимися в следующих разделах международного права:

- 1) право, регулирующее общие вопросы международной и региональной безопасности;
- 2) международное гуманитарное право, применяемое в период вооруженных конфликтов;
- 3) право, регулирующее вопросы разоружения и ограничение вооружений;
- 4) право, применяемое в миротворческой деятельности;
- 5) международное право, регулирующее военно-морскую, военно-воздушную и военно-космическую деятельность.

Первый раздел охватывает документы ООН, ОБСЕ, СНГ, ОДКБ, Шанхайской организации сотрудничества и других региональных организаций. Второй раздел – международное гуманитарное право – действует в период вооруженных конфликтов. Основными его источниками являются Гаагские конвенции 1907 г., четыре Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и дополнительные протоколы к ним. Третий раздел – связан с разоружением, прежде всего ядерным, ограничением вооружений. Ответственность за разработку планов системы регулирования вооружений несет Совет Безопасности ООН (ст. 26 Устава ООН [20]), который в своей деятельности учитывает рекомендации Генеральной Ассамблеи и Военно-штабного комитета ООН. Четвертый раздел военных аспектов международного права связан с договорами по поддержанию мира. В соответствии с резолюциями ООН, а также региональных организаций с 1945 года по настоящее время в мире было проведено более 70 миротворческих операций. Пятый раздел регулирует военно-воздушную, военно-морскую и военно-космическую деятельность государств. Международно-правовые нормы, касающиеся этих видов деятельности изложены в таких документах, как Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 г.) [21], Конвенция

по морскому праву (1982 г.) [22], Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и воздушном пространстве над ним между СССР и США (1972 г.) [23] и др.

Принятие вышеперечисленных международных договоров явилось результатом огромных усилий государств мира в области оборонной дипломатии и способствовало поддержанию глобальной и региональной безопасности.

Особого внимания заслуживает международно-договорная деятельность в области ограничения и сокращения ядерных вооружений. В течение нескольких десятилетий стратегическая стабильность в мире и безопасность России обеспечивалась, в первую очередь, благодаря соглашениям между Россией и США по СНВ и ПРО.

Важным направлением дипломатии является регулирование обычных вооружений, сокращение материальных средств ведения войны. Так, на Европейском континенте их количество длительное время регулировалось договором по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ) 1990 г. и Венским документом по мерам доверия в военной области, который был усовершенствован в 1992, 1994 и 1999 годов. Заключение этих договоров стало результатом понимания НАТО и ОВД к концу «холодной войны», что попытки укрепить свою безопасность только за счет создания равной ответной угрозы вероятному противнику ведут в тупик. Это был путь непрекращающейся гонки вооружений. Осознание этого стало побудительным мотивом для начала переговоров по обычным вооружениям. Российская дипломатия начала интенсивный поиск новых принципов взаимоотношений с другими странами, основанных не на балансе сил, а балансе интересов. Именно в это время стали говорить не о военных, а политико-дипломатических средствах обеспечения безопасности.

ДОВСЕ и Венский документ по мерам доверия позволили значительно снизить военный потенциал бывших противников, создали достаточно высокую степень прозрачности военной деятельности на Европейском континенте. Однако после роспуска ОВД и расширения НАТО на восток, геополитическая ситуация в Европе значительно изменилась, и вышеперечисленные документы перестали отвечать новым геостратегическим реалиям.

В ноябре 2007 г. Россия была вынуждена приостановить участие в Договоре об обычных вооружённых силах в Европе, а в мае 2023 г. денонсировать ДОВСЕ в связи с несоответствием его национальным интересам РФ в новых геополитических условиях.

Отдельное направление дипломатической деятельности по укреплению военной безопасности составляет военное сотрудничество с зарубежными странами, которое представляет собой совместную деятельность государств по обеспечению их обороны и безопасности, поддержанию военного потенциала, соответствующего складывающейся военно-политической обстановке.

В процессе исторического развития международных военно-политических отношений сложились три основных вида военного сотрудничества: военно-политическое, военно-стратегическое и военно-техническое. Военно-политическое сотрудничество направлено на выработку общей военной государств, согласование их военных доктрин, выработку совместных мер по обеспечению международной и национальной без-

опасности. Военно-стратегическое сотрудничество предполагает согласование военных планов и направлений строительства и применения вооружённых сил. Военно-техническое сотрудничество связано с производством, экспортом и импортом продукции и технологий военного назначения.

В соответствии с Военной доктриной РФ в современных условиях Россия осуществляет военно-политическое и военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами международными организациями на основе внешнеполитической, экономической целесообразности [24].

После окончания холодной войны в целях сохранения мира и стратегической стабильности в Европе Россия предпринимала меры по развитию отношений с НАТО на основе Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора, подписанного в мае 1997 года. Однако эти меры российской дипломатии не принесли успеха, так как Североатлантический блок не соблюдал положения документа об укреплении роли ОБСЕ в обеспечении европейской безопасности, неприменении силы без санкции ООН, соблюдении территориальной целостности государств. Натовская бомбардировка Югославии, расширение блока на восток, размещение новых группировок войск вблизи границ нашего государства, попытки втянуть в свой блок Украину привели к возникновению украинского военного конфликта, который сегодня интересы не только России, но и практически всех стран мира.

Как показал опыт проведения специальной военной операции, меры по предотвращению и разрешению военных конфликтов должны быть комплексными, носить превентивный и всеобъемлющий характер, охватывать сферы и дипломатии, и обороны. В современных условиях, когда США пытаются подменить международное право «международным порядком, основанным на правилах», решении международных вопросов через сделки внутри ограниченного круга участников [25], роль и значение дипломатии возрастает.

Важным компонентом в комплексе мер, обеспечивающих военную безопасность государства, является военно-техническое сотрудничество, под которым понимается «деятельность в области международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с разработкой и производством продукции военного назначения» [26].

Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами – это сложная система государственной деятельности, основными элементами которой является управляющая и управляемая подсистемы.

Управляющая подсистема включает в себя исполнительные, законодательные, а также специализированные (Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству) органы власти, которые осуществляют управление и координацию военно-техническим сотрудничеством. Управляемая подсистема состоит из субъектов внешнеторговой деятельности, реализующих операции по продаже военных материалов и вооружений за рубеж. Среди них особое место принадлежит компании «Рособоронэкспорт», которая

является единственным в России государственным посредником по экспорту и импорту продукции, технологий и услуг военного и двойного назначения [27].

В последние годы наметилась тенденция к сокращению экспорта российского вооружения, что обусловлено внутренними потребностями России в оружии для проведения специальной военной операцией и экономическим санкциями Запада против нашей страны. Несмотря на это, Россия продолжает оставаться одним из ведущих экспортеров вооружений. По оценкам специалистов, ежегодный объем экспорта российских вооружений должен составлять в среднем 13,75 млрд дол.

Приоритетными направлениями военного и военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами должны быть закрепление надежных, долгосрочных и взаимовыгодных двусторонних отношений в рамках Союзного государства России и Белоруссии, ОДКБ и СНГ.

Интересы военной безопасности требуют продолжения курса на развитие всеобъемлющего стратегического партнерства с Китаем, наращивание взаимовыгодного военного с Индией, развитие стратегического сотрудничества с Ираном, активизацию взаимодействия с КНДР в рамках подписанного недавно договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве.

В целях укрепления геополитического влияния в мире и развития оборонно-промышленного комплекса необходимо развивать связи России с дружественными государствами из Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки.

Заключение

Военная безопасность государства обеспечивается не только поддержанием высокой боевой готовности вооруженных сил, но и проведением активной внешней политики, дипломатическими мероприятиями, направленными на поддержание дружественных, партнерских отношений с соседними и другими государствами, укрепление стратегической стабильности в мире, разоружение и укрепление мер доверия в военной области.

Изменение характера угроз военной безопасности государств в условиях трансформации миропорядка, требует объединения усилий всех государств мирового сообщества, комплексного использования всех средств противодействия вызовам XXI в. – политических, дипломатических, экономических, финансовых, правовых, военных, информационных и др.

В современных условиях обеспечить военную безопасность в одиночку практически невозможно, поэтому необходимо активизировать деятельность по развитию военно-политического сотрудничества России с другими государствами, повысить авторитет региональных и всемирных организаций обеспечения безопасности.

Как показывает исследование, для поддержания мира и обеспечения военной безопасности дипломатия России располагает большим потенциалом, однако имеющиеся возможности не всегда используются в полной мере. Современная геополитическая обстановка требует активизации дипломатической деятельности по увеличению числа союзников и стратегических партнеров нашей страны, улучшения межведомственного взаимодействия в международной сфере при ведущей роли министерства иностранных

дел, развития деятельности российских представительств в международных организациях, более активного привлечения военных в процесс выработки и принятия внешнеполитических решений при обсуждении вопросов обороны и безопасности, совершенствования нормативно-правовой базы международного военного сотрудничества, использования современных информационных технологий в области стратегических коммуникаций.

Список литературы

1. Винокуров В.И. История военной дипломатии. В четырех т. М.: ООО НИЦ «Инженер», 2011.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В.В. Львова / Послесл. Г.А. Арбатова. М.: Ладомир, 1997. - 848с.
3. Военная дипломатия в Юго-Восточной Европе. М.: Центр средиземноморских исследований НИУ ВШЭ, 2024. -180 с.
4. Рябиков, А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века: монография. 2-е изд., испр. и доп. / А.Н. Рябиков. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2009. – 159 с.
5. Drab L., Żakowska M. Defence diplomacy in the war in Ukraine – cooperation and challenges // Small Wars Journal June 12, 2024.
6. Лутовинов В.И. Развитие и использование невоенных мер для укрепления военной безопасности Российской Федерации //Военная мысль. 2009. № 5. С. 2-12.
7. Тужиков Е.З., Павлов А.Ю. О разработке проекта Концепции оборонной дипломатии Российской Федерации// Стратегическая стабильность. №3(76). 2016. С. 69-75.
8. Muniruzzaman A.N.M. Defence Diplomacy: A Powerful Tool of Statecraft/ CLAWS Journal. Winter 2020. P. 63-80.
9. Sullivan M. Military Diplomacy as a Hybrid Instrument of National Power // URL: <https://moderndiplomacy.eu/2019/03/14> (дата обращения: 24.10.2024).
10. Серебрянников В. Дипломатический, бескровный арсенал. 2 апреля 2007 // URL: <https://psj.ru/nb-arhiv/doktrina/26196> (дата обращения: 08.11.2024).
11. Drab L. Defence diplomacy – an important tool for the implementation of foreign policy and security of the state // Security and Defence Quarterly 2018; 20(3). P. 57-71.
12. Holsti K.J. International Politics. A Framework for Analysis. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey. 1992.
13. Копылов А.В. Дипломатическая деятельность по обеспечению военной безопасности государства. - М.: ВАГШ, 1999.
14. Булавина М.А., Новосельский С.О. Перспективы военной безопасности России

- в существующей геополитической конъюнктуре // В сборнике: Межгосударственное противоборство в условиях глобализации и его влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. Москва, 2023. С.105-112.
15. V Гагская конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 года // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search.htm (дата обращения 18.10.2024).
 16. Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America (San Francisco, 1 September 1951). Australian Treaty Series 1952 No 2. // URL: <https://www.ozpeace.org/> (дата обращения: 30.10.2024).
 17. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // URL: <https://ir.rudn.ru/ru/> (дата обращения 28.10.2024).
 18. Североатлантический договор. Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г. // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 18.10.2024).
 19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями на 4 октября 2022 года) // <https://docs.cntd.ru/document/9004937?ysclid=lw96w7s9fi816012093§ion=text> (дата обращения: 18.10.2024).
 20. Устав ООН // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 11.10.2024).
 21. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1762782/ (дата обращения 11.10.2024).
 22. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (дата обращения 11.10.2024).
 23. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенных Штатов Америки о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним (Москва, 25 мая 1972 г.) // URL: <https://base.garant.ru/2541165/> (дата обращения 11.10.2024).
 24. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 29 декабря 2014 г.) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70730556/> (дата обращения: 21.10.2024).
 25. Бордачев Т.В. Дипломатия после процедуры // Россия в глобальной политике. 2022. Т.20. № 2 (114). С. 114-131.
 26. Федеральный закон от 19.07.1998. N 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» (ред. от 26.05.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 22. 31 мая 2021 г. // <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 7.02.2025).
 27. Кудашкин В.В. Особенности правового регулирования в области военно-техни-

ческого сотрудничества: правовые режимы, соотношение правовых регуляторов // Труды Института государства и права РАН / 2020. Т. 15. № 2. С. 158–174. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-2-kudashkin (дата обращения: 7.02.2025).

Сведения об авторах

Копылов Александр Валентинович – доктор политических наук, профессор, г. Москва, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского», ведущий научный сотрудник.

Email: shashike@mail.ru

Беляков Борис Львович – доктор политических наук, профессор, г. Москва, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского», ведущий научный сотрудник.

Email: arbit70@mail.ru

Kopylov A. V., Belyakov B. L.

DEFENSE DIPLOMACY AS A TOOL FOR ENSURING THE MILITARY SECURITY OF THE STATE

Abstract: *Fundamental changes in the modern world order are accompanied by an increase in the list and nature of threats to the military security of the Russian Federation. In these conditions, the role of not only the armed forces as a means of strategic deterrence is increasing, but also non-military means of ensuring the defense and security of the country, among which diplomacy occupies a special place. The article offers theoretical approaches to the definition of the concept of «military diplomacy», considers its tasks and place in international relations. The authors conducted a retrospective analysis of the main foreign policy strategies for ensuring military security: isolationism, self-reliance, neutrality, non-alignment, and a coalition strategy. The issues of international contractual activity and military-political cooperation of states are considered. It is concluded that the absolutization of the military component of the security system does not fully meet the needs of the country's defense. Global geopolitical changes require the comprehensive and systematic use of military and non-military means to counter military threats and challenges of the present, enhance diplomatic activity, develop military-political cooperation between States, and enhance the authority of regional and global security organizations.*

Keywords: *foreign policy, diplomacy, military diplomacy, diplomatic activity, military cooperation, military security.*

References

1. Vinokurov V.I. History of military diplomacy. In four volumes. Moscow: SIC Engineer LLC, 2011.
2. Kissinger G. Diplomacy. Translated from English by V.V. Lvova / Afterword by G.A. Arbatov. Moscow: Ladomir, 1997. – 848 p.
3. Military diplomacy in Southeastern Europe. Moscow: Center for Mediterranean Studies of the Higher School of Economics, 2024. -180 p.
4. Ryabikov, A.N. The military and diplomatic aspect of Russia's activities in the Caucasus in the context of international relations in the first third of the 19th century: a monograph. 2nd ed., ispr. and add. / A.N. Ryabikov. Slavyansk-on-Kuban: SSPI Publishing Center, 2009. 159 p.
5. Drab L., Żakowska M. Defence diplomacy in the war in Ukraine – cooperation and challenges // Small Wars Journal June 12, 2024.
6. Lutovinov V.I. Razvitie i ispolzovanie nevoennih mer dlya ukrepleniya voennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federacii [Development and use of non-military measures to strengthen the military security of the Russian Federation] //Military thought. 2009. No. 5. Pp. 2-12.
7. Tuzhikov E.Z., Pavlov A.Yu. On the development of the draft Concept of Defense diplomacy of the Russian Federation// Strategic stability. No. 3(76). 2016. Pp. 69-75.
8. Muniruzzaman A.N.M. Defence Diplomacy: A Powerful Tool of Statecraft/ CLAWS Journal. Winter 2020. Pp. 63-80.
9. Sullivan M. Military Diplomacy as a Hybrid Instrument of National Power // URL: <https://modern diplomacy.eu/2019/03/14> (date of request: 24.10.2024).
10. Serebryannikov V. The diplomatic, bloodless arsenal. April 2, 2007 // URL: <https://psj.ru/nb-arhiv/doktrina/26196> (date of request: 11/08/2024).
11. Drab L. Defence diplomacy – an important tool for the implementation of foreign policy and security of the state // Security and Defence Quarterly 2018; 20(3). Pp. 57-71.
12. Holsti K.J. International Politics. A Framework for Analysis. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey. 1992.
13. Kopylov A.V. Diplomaticheskaya deyatel'nost po obespecheniyu voennoi bezopasnosti gosudarstva [Diplomatic activity to ensure the military security of the state]. - M.: VAGSH, 1999.
14. Bulavina M.A., Novoselsky S.O. Prospects for Russia's Military Security in the Current Geopolitical Conjuncture // In the collection: Interstate Confrontation in the Context of Globalization and Its Impact on the Management of National Defense of the Russian Federation. Moscow, 2023. Pp.105-112
15. V Gaagskaya konvenciya o pravah i obyazannostyah nejtral'nyh derzhav i lic v sluchae suhoputnoj vojny 1907 goda [V Hague Convention on the Rights and Obligations of Neutral Powers and Persons in the Event of a Land War of 1907] // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search.htm (accessed 28 October 2024).

16. Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America (San Francisco, 1 September 1951). Australian Treaty Series 1952 No 2. // URL: <https://www.ozpeace.org/> (date of request: 30.10.2024).
17. Dogovor o kollektivnoj bezopasnosti ot 15 maya 1992 goda [Collective Security Treaty of May 15, 1992] // URL: <https://ir.rudn.ru/ru/> (accessed 28 October 2024).
18. Severoatlanticheskij dogovor. Vashington, Federal'nyj okrug Kolumbiya, 4 aprelya 1949 g. [The North Atlantic Treaty. Washington, D.C., April 4, 1949] // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (accessed 18 October 2024).
19. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) (s izmeneniyami na 4 oktyabrya 2022 goda) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended on October 4, 2022)] // <https://docs.cntd.ru/document/9004937?ysclid=lw96w7s9fi816012093§ion=text> (accessed 28 October 2024).
20. Ustav OON [The UN Charter] // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed 30 October 2024).
21. Dogovor o zapreshchenii ispytaniy yadernogo oruzhiya v atmosfere, v kosmicheskom prostranstve i pod vodoj [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons Tests in the Atmosphere, in Outer Space and under Water] // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1762782/ (accessed 28 October 2024).
22. Konvenciya Organizacii Ob»edinennyh Nacij po morskomu pravu (zaklyuchena v g. Montego-Bee 10.12.1982) (s izm. ot 23.07.1994) [The United Nations Convention on the Law of the Sea (concluded in Montego Bay on 10.12.1982) (as amended dated 07/23/1994)] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (accessed 11 October 2024).
23. Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Soedinennyh Shtatov Ameriki o predotvrashchenii incidentov v otkrytom more i v vozdushnom prostranstve nad nim (Moskva, 25 maya 1972 g.) [Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the United States of America on the Prevention of Incidents on the High Seas and in the Airspace Above It (Moscow, May 25, 1972)] // URL: <https://base.garant.ru/2541165/> (accessed 30 October 2024).
24. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 29 dekabrya 2014 g.) [Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 29, 2014)] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70730556/> (accessed 30 October 2024).
25. Bordachev T.V. Diplomatiya posle proceduri [Diplomacy after the procedure] // Russia in global politics. 2022. Vol.20. No. 2 (114). pp. 114-131.
26. Federal Law No. 114-FZ of 07/19/1998 «On Military-Technical Cooperation of the Russian Federation with Foreign States» (as amended on 05/26/2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 22. May 31, 2021 // <http://www.kremlin>.

ru/ (accessed: 7.02.2025).

27. Kudashkin V.V. Features of legal regulation in the field of military-technical cooperation: legal regimes, the ratio of legal regulators // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences / 2020. Vol. 15. No. 2. pp. 158-174. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-2-kudashkin (accessed: 7.02.2025).

Kopylov Alexander Valentinovich – doctor of Political Sciences, Professor, Moscow, University of World Civilizations, Leading Researcher.

Email: shashike@mail.ru

Belyakov Boris Ivovich – doctor of Political Sciences, Professor, Moscow, University of World Civilizations, Leading Researcher.

Email: arbit70@mail.ru

УДК 327

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-10-120

ДИПЛОМАТИЯ АЛБЕРТУ ФРАНКУ НОГЕЙРЫ: НА СТРАЖЕ ИМПЕРСКОГО НАСЛЕДИЯ

Шепелев М. А.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности внешнеполитических воззрений и дипломатического стиля министра иностранных дел Португалии в 1961–1969 гг. Алберту Франку Ногейры (1918–1993). Ногейра полностью разделял и отстаивал на международной арене идеал многорасовой и плюриконтинентальной Португалии как суверенного государства, придерживающегося самостоятельного пути развития на основе «лузотропикализма». Он считал, что потеря заморских территорий (по крайней мере главных – Анголы и Мозамбика) станет фатальной для судьбы Португалии, так как поставит под угрозу её независимость, уменьшит национальную мощь Португалии по отношению к Испании и Европе, а также не позволит сохранить её экономическое и культурное влияние в мире. Исходя из этого, в статье раскрывается аргументация Франку Ногейры в защиту внешнеполитической позиции салазаровской Португалии в период острой фазы дипломатического кризиса в её отношениях с администрацией президента США Дж. Кеннеди.

Ключевые слова: внешняя политика Португалии, дипломатия, заморские территории, деколонизация, лузотропикализм, концепция «трёх Африк», Алберту Франку Ногейра, Антониу де Оливейра Салазар, Джон Кеннеди.

В середине XX в. мир переживал процесс распада колониальной системы, что воспринималось как прогрессивное движение. Однако существовали и страны, которые видели в нём скорее инструмент передела мира в интересах сверхдержав за собственный счёт. Прежде всего к таким странам относилась Португалия, на протяжении полутора десятилетий смело и решительно противостоявшая попыткам двух сверхдержав и многочисленных афро-азиатских государств заставить её встать на путь деколонизации. Поначалу мало кто, особенно за рубежом, верил, что она сможет выстоять перед столь сильным политическим давлением, однако до конца правления (сентябрь 1968 г.) и жизни (июль 1970 г.) основателя португальского «Нового государства» Антониу де Оливейры Салазара страна не сдавала позиции. Лишь произошедший в апреле 1974 г. военный переворот привёл к смене режима и политического курса Португалии, превратившейся с тех пор в маленькую страну на окраине Европы.

Важнейшую роль в отстаивании национальных интересов и защите Португальского мира играла португальская дипломатия, которую в 1961–1969 гг. возглавлял Алберту Франку Ногейра, по праву считающийся крупнейшим представителем португальского политического реализма. Не случайно его роль при Салазаре сравнивают с ролью Генри

Киссинджера при президентах Никсоне и Форде, хотя это и не совсем верно. С учетом того, что его личность и деятельность остаются совершенно неизвестными в нашей стране, ведущей сейчас решительную борьбу с «коллективным Западом», поставившем цель чуть ли не уничтожить Россию и Русский мир, представляется необходимым охарактеризовать особенности внешнеполитических воззрений и дипломатического стиля Алберту Франку Ногейры, что и является целью данной статьи.

Это был профессиональный дипломат, реалистически мыслящий и при этом страстно отстаивавший свои убеждения. Его незаурядные способности быстро получили признание, хотя его не аристократическое происхождение, круг общения и близкие к левым взгляды на внутреннее развитие страны, казалось бы, не должны были способствовать карьерному росту во Дворце Несессидадеш – министерстве иностранных дел Португалии. Тем не менее, рост этот был очень быстрым по тогдашним меркам. В 1941 г., следующем после окончания юридического факультета Классического университета Лиссабона, Франку Ногейра принял участие в конкурсе на должность атташе министерства. Уже в октябре 1945 г. 27-летний Ногейра был направлен в Японию в качестве поверенного в делах и одновременно представителя Португалии при верховном командовании союзников во главе с генералом Д. Макартуром. В 1954 г., после нескольких лет службы в центральном аппарате, он стал генеральным консулом в Лондоне, а в начале 1958 г. вернулся в Лиссабон в качестве заместителя генерального директора министерства по политическим вопросам и внутренней администрации.

В 1956 г., когда Ногейра был генеральным консулом в Лондоне, он выступал в Оксфорде с объяснением нежелания Португалии отказаться от своих африканских территорий. Вдруг в конце лекции, когда уже заканчивались вопросы докладчику, один чернокожий студент, – а в аудитории было много арабов и африканцев, – оспорил его заявление об отсутствии расизма у португальцев, обвинив консула в лицемерии и предложив ему, если он действительно не расист, жениться на чернокожей женщине. На это Ногейра невозмутимо заметил, что на самом деле обстоятельства его жизни никогда не давали ему такого шанса, но в любом случае теперь для него это невозможно, поскольку он уже женат на китаянке. Это было чистой правдой: 3 октября 1947 г., будучи главой португальской дипломатической миссии в Токио, он с разрешения министерства иностранных дел (полученного не без труда и с личного одобрения Салазара) сочетался браком с Верой Машаду Ван, отец которой был гоминьдановским дипломатом, а мать – португальской гражданкой. В аудитории наступила тишина, и студент, явно раздосадованный, смог лишь произнести: «О, простите, сэр!». На это Франку Ногейра ответил: «Зачем Вы извиняетесь, я очень счастлив со своей женой!». Он покинул аудиторию под аплодисменты и возгласы одобрения [1].

Ногейра полностью разделял идеал многорасовой и плюриконтинентальной Португалии как суверенного государства, придерживающегося самостоятельного пути развития на основе «лузотропикализма» и считал, что потеря заморских провинций (по крайней мере главных – Анголы и Мозамбика) станет фатальной для судьбы Португалии. Португальский мультирасизм означал для него не «простое и мирное этническое сосуществова-

ние, которого было бы достаточно, а <...> взаимопроникновение рас и культур и создание нового человеческого типа», лузотропического, но универсального человека, потому что «он толерантен и, будучи христианином, принимает и уважает другие религиозные формы; он имеет западные корни, но <...> принимает и интегрирует незападные технологии и цивилизации; будучи образованным и сформированным в соответствии с определенным стилем жизни, он понимает и адаптируется к другим стилям <...> и игнорирует расовые предрассудки», при этом все дружат по-человечески, «вне социального класса и культурного уровня» [2, р. 247]. Для него плодотворными нациями были в основном «те, в которых различные расы смешивались и интегрировались», в то время как «населенные одной расой», хотя они могут казаться стабильными и счастливыми, «мало способствовали прогрессу человечества» [3, р. 19]. В этом аргументе прослеживается некоторый обратный расизм: именно чистые расы оказываются неполноценными. Как и многие представители его поколения, Ногейра был убежден, что плюралистические в расово-этническом отношении государства, т.е. империи, в культурно-цивилизационном плане превосходят этнически однородные государства, и именно за ними будущее. В этом смысле он считал Португалию первопроходцем в этом великом историческом процессе.

Уже в первой половине 50-х гг. он участвовал в работе Комиссии по техническому сотрудничеству в Африке (к югу от Сахары), прозванной в коридорах ООН «клубом колониалистов», а с другой – на конференциях по обороне Африки. Тогда же он впервые побывал в португальской Африке с миссией в Мозамбике. В 1958 г. Ногейра возглавлял португальскую делегацию на 40-й конференции Международной организации труда, а в 1959 г. представлял Португалию на второй сессии Экономической комиссии ООН для Африки. Он регулярно участвовал в сессиях ГА ООН во второй половине 50-х гг., как на пленарных заседаниях, так и в 4-м комитете (по деколонизации), приобретая известность как решительный защитник колониальной политики *Estado Novo*, которая была названа «заморской» после пересмотра конституции 1951 г. и преобразования колоний в заморские провинции.

Франку Ногейра заметно выделялся своим умением держать удары т.н. афро-азиатского блока. В 1957 г. была опубликована его монография под названием «Борьба за Восток», которой он заявил о себе как претендент на роль «идеолога» португальской внешней политики. Будучи твердо уверенным, что защищаемые им территории являются португальскими провинциями, юридически и политически равными метрополии, он всегда утверждал, что в свете Устава ООН лиссабонское правительство не обязано предоставлять международному сообществу информацию о них и тем более вести их к самоопределению и независимости, сколько бы оно ни называло их неавтономными и ни обвиняло Португалию в применении к ним самых ретроградных методов колониализма.

В декабре 1959 г. ему был присвоен дипломатический ранг полномочного министра 1-го класса, и он был назначен генеральным директором. Так он стал «человеком номер два» во Дворце необходимости. Работая в тесном контакте с тогдашним министром иностранных дел Марселу Матиашем, Франку Ногейра сопровождал его во время нескольких официальных визитов. Стремясь покинуть министерство и вернуться в посольство

в Париже, Матиаш увидел в лице Ногейры своего преемника и назвал его имя Салазару.

В первые дни после подавления попытки военного переворота, известной как «Абрилада» и отмеченной косвенной причастностью США, Салазар предложил Ногейре возглавить внешнеполитическое ведомство. Хотя реакция его была отрицательной, Салазар не выказал ни удивления, ни раздражения, ни нетерпения, лишь сказал: «Я знаю, знаю, что Вы не салазарист, что Ваше происхождение не совпадает с моим, что у Вас другие представления о правительстве. Я знаю, что Вы находитесь в другой политической среде». Здесь Ногейра прервал его, чтобы сказать, что всё это действительно так, но без ущерба для его личного уважения и восхищения фигурой главы правительства. Салазар продолжил: «Но я также знаю, что Вы патриот, и я не прошу у Вас политических обязательств или деклараций в каком-либо смысле. Мы находимся в момент кризиса, причем кризиса национального, поэтому язываю к Вашему патриотизму» [4, р. 14].

Затем он поставил перед Ногейрой три принципиальных вопроса: согласен ли он с африканской и внешней политикой правительства; считает ли он, что Португалия обладает достаточными ресурсами для их успешного проведения; и наконец, считает ли он, что стоит приложить усилия? Задав эти вопросы, Салазар подчеркнул: «Это всё, что я хочу знать». По сути, Салазар хотел узнать, есть ли у них общее видение того, какой должна быть большая национальная стратегия, т.е. жизненно важные национальные цели и необходимые средства для их защиты.

Поставив эти вопросы, Салазар замолчал, наблюдая за собеседником. Ногейра ответил, что «у него нет сомнений в том, что политика в отношении Ультрамара является правильной и в наибольшей степени отвечает национальным интересам». Что касается средств, то он был более скептичен или реалистичен, но всё же сказал, что «в долгосрочной перспективе» и при условии, что они будут использоваться с «упорством, хладнокровием и ясностью», то имеющихся средств «должно быть достаточно для победы». Он добавил, что «ни в коем случае нельзя сдаваться без боя». Такова была и точка зрения шефа Нового государства [4, р. 15].

Услышав ответ Ногейры, Салазар сказал: «Если это так, то я не понимаю, как можно отказаться от сотрудничества». Он не знал, сколько он сам и вся страна смогут выдержать накал разворачивавшегося противоборства с могущественными мировыми силами, но при всём этом призвал сидевшего в его кабинете ещё малоизвестного дипломата: «Давайте попробуем. Сколько мы продержимся? Не знаю. Три месяца? Полгода? У меня нет никаких сомнений и колебаний в отношении политики, но как далеко мы можем зайти? Посмотрим. Но это только между нами. Для общественного мнения, для страны у нас есть только уверенность и уверенность. Когда мы столкнемся с непреодолимым препятствием, тогда мы пересмотрим свои взгляды. Но надо исходить из того, что мы преодолеем все препятствия» [4, р. 15].

Затронув тему критики, которой его подвергала оппозиция, Салазар сказал: «И в чём же они меня обвиняют? Они утверждают, что международная обстановка неблагоприятна для нас. Да, это так. Но в чём тут вина правительства? Видите ли, они обвиняют меня в том, что я проиграл выборы в Бразилии и США. Но тогда, раз международная обстановка

в определённый момент неблагоприятна для нас, мы должны изменить свою политику? То есть интересы Португалии зависят от того, кто стоит у руля в Рио или Вашингтоне? Ни в коем случае. Смотрите: сидя в том кресле, где сейчас сидите Вы, генерал Ботелью Мониш говорил мне, что мы должны уступить или хотя бы сделать вид, что уступили, перед лицом американского или иного давления, и, по крайней мере, раскрасить фасад в те цвета, которые они хотят. Как будто другие позволят убедить себя притворством! Сказки! Мы не можем быть наивными и не можем думать, что другие наивны. А что касается МИДа, то я Вам ничего не скажу: Вы как никто другой знаете службу и работу» [4, р. 15–16]. И Ногейра согласился. Через две недели, 4 мая 1961 г., он был приведён к присяге в качестве министра иностранных дел Португальской республики.

Великое разделение «друг-враг» определялось тогда выбором между Африкой и Европой, иными словами – речь шла о противостоянии ультрамаристов против европейцев. Ультрамаризм Салазара и Ногейры был не столько чувством физической, самобытной и страстной причастности к заморским владениям (как у «африканцев» времён оккупационных кампаний или Первой республики), сколько убеждением, что потеря заморских территорий в перспективе поставит под угрозу независимость страны, уменьшит национальную мощь Португалии по отношению к Испании и Европе. Иными словами, они не сомневались, что без африканской критической массы дисбаланс на полуострове может привести к постепенной интеграции Португалии в иберийский блок. Более того, и глава правительства, и его министр были убеждены, что Португалия, лишившись политического и военного суверенитета, не сможет сохранить свое экономическое и культурное влияние в Ультрамаре. Именно это убеждение превратило либерального патриота Ногейру, как бескомпромиссного защитника национального единства и интеграции, в противника либеральной эволюции режима. Проще говоря, он не хотел торжества либеральной демократии ценой развала империи.

Начиная с 4 мая 1961 г. и почти до конца десятилетия дипломатический фронт находился под контролем Ногейры. С этого момента он стал главным внешним и внутренним лицом португальской политики, направленной на защиту заморских территорий. Это была политика Салазара, но новый министр, который изначально не принадлежал ни к консерваторам, ни к режиму, ни, тем более, к правящему Национальному союзу, разделял её, исходя из своих убеждений, и прежде всего из убеждения в том, что заморская проекция – это высшая гарантия независимости Португалии, без которой она не только потеряет национальную мощь, но и станет третьесортной страной, что поставит под угрозу сохранение ее суверенитета в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Для него было очевидно, что если Португалия хочет сохранить свою свободу в ближайшие десятилетия и столетия, то борьба за Африку является для неё делом, которое нельзя проиграть. Победа в борьбе за Ультрамар рассматривалась им как высшая цель нации.

С трибуны ООН, опровергая критиков Португалии, Ногейра, среди прочих аргументов, заявлял: «португальская нация, будучи разбросанной по нескольким континентам, не совершает преступления <...>. Мы видели, что география сама по себе не подразумевает никакой идеи колониализма <...> португальская нация является такой, какой она

была на протяжении 500 лет. <...> Нация едина, и туда, куда достигает нация, должно достигать и государство. Именно по этой причине наша конституция – унитарного государства – не допускает никакой дискриминации между различными территориями» [5, р. 219].

Он обращал внимание на то, что экономическое и социальное развитие Анголы и Мозамбика было гораздо выше, чем в африканских странах, которые недавно обрели независимость, но стали жертвами «самого непримиримого неокOLONиализма». При этом, призывая не путать социально-экономическое развитие с простым ростом, ибо подлинное развитие неотделимо от построения многорасовых обществ, он видел в расизме многих африканских государств фактор регресса, в том числе экономического, вызывавшегося вытеснением незаменимых белых кадров.

Согласно Ногейре, Африка необходима для жизнеспособности Европы как независимого центра влияния, так как без богатых ресурсами и демографически динамичных южных просторов европейские страны не имели бы надежды удержать свои позиции в борьбе с такими геополитическими гигантами, как США, Россия, а в перспективе – Китай и Индия. Нежелание Вашингтона считаться с этим он рассматривал как проявление незрелости американской внешней политики.

Также Ногейра подверг решительной критике тенденцию к унификации, характеризующую, по его словам, «ориентацию, которую Организация Объединенных Наций пытается придать <...> политической и социологической эволюции африканского континента». Он показывает, что на самом деле в Африке существуют «территории с чрезвычайно разнообразным статусом» – независимые страны, протектораты, отдельные колонии, федерированные территории, режимы опеки, департаменты, такие как Алжир, и суверенные места, подобные Сеуте, и т.д., что было обусловлено не случайностью, а «специфическими и особыми условиями каждой территории», поэтому их проблемы не могут и не должны «измеряться или решаться одним мерилom». Но при всём их многообразии Ногейра выделяет «три Африки» – арабскую с её традициями и «особой культурой», не имеющей ничего фундаментально общего с другими частями континента; черную, которая «всё больше и больше опасается арабов» и погружается в свои политические, социальные и экономические проблемы, которые «полностью» отделяют её от двух других частей; и южную, «многорасовую и поликультурную», которая включала в себя и португальскую Африку «с её уникальными особенностями» [3, р. 70–71]. Об этом он ведёт речь, в частности, на пресс-конференции 2 июня 1964 г.

Говоря о третьей Африке, он действительно имел в виду южную Африку: фактически, защищая португальский мультирасизм, он говорит только об Анголе и Мозамбике, никогда не упоминая Сан-Томе или Гвинею, и только южную Африку он имеет в виду, говоря о коммунистических переворотах, которые, «если бы они ударили по нам, ударили бы по Европе, Западу и Африке в самом прочном месте, обрушив одним махом несколько позиций» [3, р. 151]. Тем более что нет убедительных оснований критиковать в целом намерение применить «единое мерило» ко всей Африке, а затем защищать его в частном порядке по отношению к заморским территориям Португалии, которые столь

же разнообразны. Если бы эта теоретическая конструкция была доведена до логического завершения и применена, собственно, к многорасовой и поликультурной Португалии в форме идеи дифференцированного Ультрамара, она могла бы помочь найти практическое решение проблемы Гвинеи как её «ахиллесовой пяты», отделив гвинейское «осиное гнездо» от развития Анголы и Мозамбика. В свою очередь, такая дифференциация территорий Ультрамара, с наделением их разными функциями и статусом, разной важностью или ценностью, позволила бы им обрести разную политическую судьбу, причём независимость одного из них не должна была фатально потянуть за собой все остальные, падающие как костяшки домино. И тогда две главные португальские заморские провинции как неотъемлемые части юга Африки могли бы сформировать многорасовый африканский полюс, который присоединился бы к Бразилии и остальной Южной Америке и обеспечил, чтобы Южная Атлантика оставалась «западным озером».

Салазар также затронул вопрос о «трёх Африках» в своей речи в ноябре 1967 г. (ранее он уже затрагивал его в апреле 1961 г. в интервью бразильскому журналисту). А в мае 1968 г. он направил в Гвинею в качестве губернатора и главнокомандующего генерала Антониу де Спинолу, о реформистских и автономистских наклонностях которого он, похоже, был полностью осведомлен. На основании этих фактов Мануэль де Лусена выдвинул гипотезу о том, что Салазар и его министр допускали для Гвинеи особое решение, которое следовало искать в рамках теории «трёх Африк», в ущерб, вероятно, многорасовому проекту, для развития которого не хватало времени в этой колонии, где белого населения было мало.

Более того, существует версия, согласно которой вторжение в Португальскую Индию в конце 1961 г., а также некоторые проявления внутреннего бунта – попытка нападения на казармы Бежа – привели к тому, что Ногейра представил Салазару предложение (составленное Андре Гонсалвишем Перейрой) о переговорах по части колоний и заморских территорий, а именно в отношении Макао, Тимора, Сан-Томе и Принсипи и Гвинеи, с целью укрепления национального и европейского присутствия в остальных. Президент Совета, естественно, отклонил это предложение, которое не должно было быть таким уж беспрецедентным, как можно было бы предположить, учитывая, что Каулза де Арриага выступал за нечто подобное в 1958 г. в документах, которые были ограничены для распространения в португальских ВВС. Однако в любом случае США нужна была в первую очередь независимость Анголы.

Франку Ногейра видел проблему в том, что от Португалии требовали полного удовлетворения требований африканского блока или амбиций тех, кто не является африканцами, но стоит за африканским блоком и действует под его прикрытием и ради его целей. Но в свете самого Устава ООН Португалия не обязана направлять свои заморские территории, юридически и политически равные метрополии, к самоопределению и независимости, сколько бы кто ни называл их самоуправляющимися и ни обвинял Лиссабон в практике самого ретроградного колониализма. Ибо сами такие обвинения и подстрекательства – не что иное, как злонамеренные попытки вмешательства во внутренние дела суверенного государства в стремлении расчленить его, чтобы открыть

путь, ссылаясь на благочестивые принципы, к удовлетворению прожорливых appetitов и к установлению деспотического мирового господства в ситуации, характеризующейся упадком европейских держав, конкуренцией со стороны новых империализмов и угрозой окружения Запада коммунистическим миром.

События в Анголе ранней весной 1961 г. и журналистская шумиха, поднятая вокруг резни, устроенной УПА на севере этой заморской территории, стали мотивирующими факторами для консолидации вокруг режима и даже привели к тому, что люди, известные своим укоренившимся республиканизмом и отсутствием симпатий к Новому государству, в конечном итоге поддержали политику защиты Ультрамара, которую начал проводить Салазар. Когда в повестке дня Совета Безопасности ООН по инициативе Либерии возник вопрос об Анголе, а американский голос впервые оказался враждебным по отношению к Португалии, для Франку Ногейры стало понятно: «Здесь существует некий план США, цель которого – вытеснить Португалию из Африки, но остальной Запад ещё не понял этого и не пошёл на поводу у Вашингтона при голосовании в Совете Безопасности».

Уже 7 мая 1961 г., через месяц после своего назначения министром, Франку Ногейра встретился в Осло с государственным секретарем США Дином Раском. На этой встрече Раск, который произвёл на Ногейру «впечатление серьезного и искреннего человека», убеждал его в том, что американское общественное мнение враждебно настроено к португальской политике в Африке, и настаивал на необходимости срочного проведения реформ в африканских провинциях Португалии. Госсекретарь имел в виду реформы, которые приблизили бы политику Лиссабона в Африке к той, что требует ООН, видя в них способ направить Португалию по наиболее удобному для США пути. По словам Ногейры, «Раск не оставил у меня сомнений в том, с какой простотой он видит все проблемы, и в его убежденности, что достаточно одного слова Соединённых Штатов, чтобы всё было решено к его удовлетворению» [6, р. 61].

Учитывая всю сложность и важность отношений с Португалией, в том числе в контексте отношений со странами НАТО, администрация Кеннеди создала в июне 1961 г. специальную межведомственную Целевую группу по португальским территориям, перед которой была поставлена задача проанализировать вопрос о португальских колониях и предложить наилучшую политику, которой должны следовать США в данном вопросе. Рекомендации этой группы стали основой меморандума о действиях в области национальной безопасности от 18 июля 1961 г., в котором, среди прочего, оговаривалось, что США не должны разрешать коммерческий экспорт оружия обеим сторонам конфликта, одновременно прилагая все усилия к тому, чтобы Португалия не перенаправляла в Африку вооружение, поставляемое в рамках НАТО.

Реагируя на такой поворот в политике США, Ногейра указывал на то, что «на политическом уровне решение США, которые являются союзниками, должно рассматриваться как недружественное по отношению к Португалии и сопряженное со многими рисками в критический момент, когда Берлинский кризис требует великого единства Запада». Более того, Португалия «больше не будет заинтересована в победе Соединённых Штатов над Россией, если Португалия проиграет в этом процессе». Сообщая об этом

разговоре в Вашингтон, посол отмечал, что «это последний гвоздь в гроб португальско-американских отношений»

А 7 сентября 1961 г. на заседании Совета НАТО португальское правительство устами Ногейры обнародовало обвинения в существовании тесных контактов между США и африканскими националистическими организациями. В длинной и эмоциональной речи на сорока двух страницах новый португальский министр отверг обвинения, выдвинутые против Португалии странами афро-азиатского блока, а также нападки США на ООН. Описывая ситуацию в Ультрамаре, он стремился показать, что «на всех португальских территориях царит мир», без «малейших волнений» и нигде нет «проявлений национализма за пределами португальской нации» или угроз «безопасности и миру кого бы то ни было». А что имеет место, так это намерение внешних сил «создать кризис» во всех заморских провинциях, как это произошло в Анголе. Именно на фоне этого кризиса возник план, «задуманный афроазиатами и коммунистами, поставить Португалию в неловкое положение везде, где только возможно», обвинив её в «угрозе международному миру и безопасности» и передав дело в ООН. Столкнувшись с этой ситуацией, США своим отношением к Португалии как к «угрозе миру во всем мире» показали, что они с ней согласны. По мнению Ногейры, «именно наши собственные союзники <...>, которые призывают нас «сотрудничать» с ООН, присоединяются к афро-азиатскому и коммунистическому большинству, подчеркивая такое отношение» к Португалии.

Учитывая, что западные державы были «по-настоящему напуганы» афро-азиатскими делегациями в ООН и «всегда стремились идти на компромисс и соглашаться с ними», Ногейра поставил под сомнение «западную солидарность». Отсутствие этой солидарности означало, что альянс погряз в «постоянных противоречиях» и «рано или поздно» достигнет «точки разрыва». В заключение министр иностранных дел Португалии призвал восстановить утраченную солидарность и попросил «представленные здесь правительства» не придавать «Организации Объединенных Наций и афро-азиатской демагогии больше значения, чем они заслуживают».

Можно сказать, что Ногейра ежедневно был свидетелем того, как «с течением времени враждебность американской политики росла». Он отмечал следующие аспекты этой тенденции: «а) отказ от продажи вооружений и контроль за использованием тех, что были нам проданы; б) постоянное давление на дружественные и союзные правительства с целью заставить их занять недружественную позицию; в) давление на правительства афро-азиатских стран с целью изоляции Португалии и поддержания их растущей агрессивности; г) лоббирование американской прессы, чтобы она не ослабляла свою антипортугальскую кампанию; д) прием в госдепартаменте и на высоком уровне лидеров партизан; е) в качестве окончательного, по их мнению, удара Вашингтон дал премьер-министру Неру «зеленый свет» на вторжение и захват Гоа» [7].

Приводя примеры двуличности американской политики в тот период, Ногейра упоминает, как в Лиссабоне эмиссары Вашингтона заявили, что если португальское правительство склонит в свою пользу некоторые африканские правительства, то Вашингтон также поддержит его, но когда в США понимали, что португальцы добились успеха в

контактах с тем или иным африканским правительством, то немедленно прибегали к запугиванию, доходящему до угрозы прекратить всю американскую помощь. Другой пример: когда Германия продала Португалии несколько старых американских самолетов, которые она считала бесполезными и которые она купила у Канады, США «заставили» Канаду пригрозить Германии конфликтом, если она не отменит эту сделку, и в итоге Германия пошла на компромисс и была вынуждена купить несколько новых самолетов в Италии, которые продала Португалии по цене старых, чтобы сдержать своё слово. Ещё один пример, приводимый Ногейрой: «американское правительство заявило, что по соображениям внутреннего и международного общественного мнения оно не может проголосовать против жестоких текстов, представленных в ООН, хотя и «сожалеет», что такие тексты были поставлены на голосование; но именно американская делегация сама подготовила эти тексты и призвала афро-азиатские делегации принять их; а потом пришла к португальской делегации, чтобы сказать, что из дружбы с Португалией ей удалось добиться «удаления» из резолюции более оскорбительной фразы или слова. И так далее» [7]. Для Ногейры было более чем очевидно, что цель политики «Новых рубежей» – заставить Португалию немедленно покинуть Африку. Это намерение было очевидно и для всех иностранных правительств, внимательно следивших за проблемой, и по этой причине его не поддержали те, кто не желал усиления влияния США в Африке – прежде всего это правительства Франции и ФРГ.

20 октября 1961 г. Франку Ногейра впервые посетил Белый дом и встретился с президентом Кеннеди, который пояснил, что основной проблемой в отношениях США с Португалией является проблема Африки, но у США нет никаких интересов на этом континенте, кроме противодействия его попаданию под советское господство. Поэтому они поддерживают самоопределение как средство предотвращения коммунистического проникновения, и успех этой политики проявился в том, что ни одно из новых независимых африканских государств не было коммунистическим. Возражая ему, Ногейра указал на то, что «не в интересах России, чтобы какое-либо из новых государств сейчас провозгласило себя коммунистическим; это вызовет страх Запада и может сдержать его в проводимой политике; России выгодно, чтобы Запад продолжал преждевременно предоставлять независимость африканским территориям и покидал континент; а когда все политические связи между Африкой и свободным миром будут разорваны, тогда Москве придет время двигаться вперед, и наверняка возникнет множество народных республик. Поэтому я бы сказал, если президент мне позволит, что чем больше Запад в борьбе за популярность в третьем мире пытается превзойти предполагаемый советский антиколониализм, тем больше он подчиняется ему и играет на руку Советскому Союзу» [6, р. 64–65].

Как неоднократно заявлял Ногейра, предоставление независимости африканским странам в большинстве случаев не соответствовало подлинной деколонизации. Напротив, оно представляло собой замаскированную форму глобальной борьбы за власть, а также новый раздел Африки, который приведет к неоколониализму экономической эксплуатации с целью поиска сырья и завоевания рынков. Передача суверенитета малым элитам в их исключительных интересах не обеспечивала эффективности и независи-

мости управления, а следовательно, не приносила пользы населению, которое почти во всех случаях страдало от последствий отката. Несмотря на это, силы, стремящиеся к экономической или политической гегемонии (основными выразителями которой были СССР и США, а также некоторые бывшие колониальные державы), воспользовались эмоциональностью ООН и навязали ей принцип независимости с помощью политической программы, не учитывающей готовность территорий и населения.

Напротив, португальский подход ставил политическую эволюцию в зависимость от процесса социальной эволюции, так что рост политической и административной ответственности на протяжении всего этого эволюционного процесса должен был бы соответствовать способности кадров принимать и исполнять эту ответственность. Португальские власти понимали, что такой процесс может быть медленнее, хотя и только внешне, но он, несомненно, серьезнее и основательнее, и они искренне верили, что он единственно безопасен и имеет долгосрочный эффект. Этим, в частности, объяснялась неспособность Португалии сотрудничать с ООН, которая уже официально провозгласила принцип, согласно которому неготовность территорий и населения к независимости не должна приниматься во внимание.

Ногейра считал, что этот «демагогический принцип», как и тот факт, что ООН является инструментом конкурирующих интересов в холодной войне и стратегическом и экономическом завоевании Африки, давали Португалии абсолютную уверенность в том, что любое сотрудничество будет фатально способствовать разрушению уже достигнутого в Португальской Африке материального и духовного прогресса, и сделает неосуществимыми цели, суть которых сводилась к построению и структурированию многорасового и равноправного общества, с равными правами и возможностями для всех, в зависимости от их способностей и квалификации. Подобная социальная программа не могла принять ни жестких критериев ООН, ни демагогического давления, ни предварительного установления сроков, которые в условиях честности нашей работы не могли иметь никакого значения.

Была и другая проблема, которую, в частности, Ногейра обсуждал во время визита в Лиссабон 25 марта 1962 г. канцлера Бразилии Сантьяго Дантаса. Речь шла о неоднородности заморских территорий Португалии. Если Ангола и Мозамбик были крупными по площади, населению и ресурсам, то Гвинея, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи никогда не могли с ними сравниться. Поэтому в понимании Ногейры призывы к независимости этих трех территорий, по сути, означали согласие на доминирование в них третьих государств, полную зависимость от них.

Находясь в Афинах на очередной сессии Совета НАТО, министр иностранных дел Португалии 4 мая 1962 г. провёл переговоры с госсекретарем США Дином Раском. В ходе обсуждения вопроса статуса заморских территорий Ногейра отметил, что Ангола и другие территории обладают гораздо большей автономией, чем многие из новых якобы независимых государств. Но автономия или самоопределение в португальском понимании – это не автономия или самоопределение ООН, и поэтому она не считалась ею действительной, но США отдали предпочтение именно ооновскому пониманию этого термина.

Когда Раск спросил, не могло бы португальское правительство более подробно остановиться на понятии «внутреннее самоопределение» и придать ему более широкую огласку, Ногейра увидел в этом вопросе очередное проявление той техники, которую взяли на вооружение США по отношению к Португалии – «оказывать постоянное давление, постоянно требовать большего, позволять нам мельком увидеть возможные изменения в нашем отношении, но никогда не быть удовлетворенными, всегда требовать еще одного шага за нашим». Поэтому он постарался чётко и твердо сказать Раску, что дальнейшее давление со стороны США бессмысленно. «Более того, – отметил он, – мы не готовы позволить, чтобы с нами так обращались, особенно со стороны правительства, которое заявляло, что действует во имя принципов, но на самом деле руководствовалось совсем другими соображениями и не имело ничего общего с провозглашенными им принципами» [6, р. 106–107]. Затем он упомянул о фактах, доказывающих враждебность американского правительства по отношению к Португалии. Министр описал деятельность Американского комитета по Африке, приведя имена, цифры и факты, и добавил, что вся эта деятельность была возможна только при попустительстве, если не сказать – поощрении, со стороны правительства США. На это Раск ответил, что АСА – это частная организация, в отношении которой правительство не имеет никаких полномочий, но этот аргумент не мог убедить Ногейру.

Также министр упомянул американскую помощь УРА. Вожди террористов принимались в США, получали поддержку, финансирование и консультации; УРА получала оружие, транспорт, деньги и обучение от сил ООН в Конго, и всё это оплачивалось американцами. Раск отрицал это. Он признал, что американцы покупали у УРА определенную информацию, но денег, которые они платили за эту информацию, хватало будто бы на покупку одного легкого пулемета в месяц. Ногейра не скрывал своего скептицизма и высказал убеждение, что, если бы американское правительство захотело, терроризм прекратился бы через 48 часов, а силы ООН прекратили бы всякую помощь.

Затем министр упомянул о деятельности многочисленных американских дипломатических «курьеров» в Анголе, которую португальские власти были вынуждены приостановить, поскольку это был самый настоящий шпионаж. Раск с некоторой энергией заявил, что у Португалии нет такого права. В ответ Ногейра выразил готовность согласиться с ним, но только если он признает, что «курьеры» также не имеют права быть шпионами. Раск ответил, что он даст нам гарантии в этом отношении. Я заметил, что в этом случае мы больше не будем ограничивать число «курьеров». Участвовавший в беседе Уэст заметил, что Ангола – единственная цивилизованная территория в Африке к югу от Сахары, поэтому многие американские дипломаты хотят поехать туда на отдых. На это Ногейра не мог не отметить, что было бы справедливо, если бы г-н Стивенсон говорил о «цивилизованности» Анголы с трибуны ООН [6, р. 111].

Ногейра считал неременным условием достижения взаимопонимания большую гибкость политики Вашингтона. Однако он сталкивался с тем, что утверждения США о нежелании изгонять Португалию из Африки не подтверждались последовательными шагами в американской политике. А самая большая трудность заключалась в том, что

США всегда уклоняются от определения того, что они имеют в виду, когда говорят о сохранении португальского присутствия в Африке. Для португальского правительства крайне важно было подробно знать американские представления на этот счет. Ноейру не устраивало также постоянно повторявшееся требование определения сроков, ограничений и заранее продуманных целей в отношении португальской политики в Африке, так как португальскому правительству представлялось немыслимым честно описать, какой будет ситуация через пять или десять лет. Иными словами, как заметил Ноейра, «мы оставляем всё на усмотрение естественной эволюции обществ и институтов, а американцы хотят, чтобы мы исходили из дат, сроков и заранее определенных целей, как если бы можно было технически спланировать эволюцию человеческого общества».

На очередной встрече с Кеннеди, состоявшейся в разгар Карибского кризиса, Ноейра представил президенту США развернутую картину общей ситуации в Африке с португальской точки зрения и подчеркнул политические, экономические и стратегические опасности, с которыми сталкивается Запад. Когда Кеннеди попросил сделать некое заявление, которое позволило бы «друзьям Португалии» поддержать её, Ноейра объяснил, что «за расплывчатым заявлением последует необходимость точного заявления, за точным заявлением о намерениях на долгосрочную перспективу – необходимость заявления на краткосрочную перспективу, а Соединенные Штаты именно по тем же причинам, на которые сейчас ссылаются, всегда будут вынуждены поддерживать наших противников, причем всегда с целью привлечь на сторону Запада умеренных лидеров Африки. Неужели президент не понимал, что он удовлетворит этих умеренных лидеров только тогда, когда все позиции будут проиграны в их пользу? Возможно, тогда они встанут на сторону США (в чем я сомневаюсь), но тогда сомнительно, что нынешние союзники продолжат выступать на стороне Соединенных Штатов. Если Соединенным Штатам удастся добиться успеха своей нынешней политики, то в лучшем случае они смогут заменить одних союзников другими, и Вашингтон сам решит, кого он предпочтет – нынешних, надежных и ценных, или будущих, неопределенных; но может случиться и так, что он потеряет и тех, и других». Кеннеди слушал молча, не перебивая, не опровергая и не комментируя. Он лишь повторял: «Да, возможно, мы можем ошибаться».

Твердость португальской позиции способствовала тому, что уже в последний год президентства Кеннеди политика США в отношении Португалии стала смягчаться. Эта тенденция особенно усилилась после выстрелов в Далласе и прихода в Белый дом Линдона Джонсона. Теперь американскую политику характеризовали следующие отмечаемые Ноейрой признаки: «а) гораздо реже и гораздо более расплывчато и абстрактно декларируются принципы, противоречившие политике Португалии в то время; б) меньше поддержки получали партизанские группы как в политическом, так и в финансовом и военном плане; в) меньше вмешательства американских организаций, которые, якобы частным образом, проводили политику госдепартамента или ЦРУ за рубежом, не неся за это прямой ответственности; г) выполнение некоторых португальских запросов на военные поставки; д) ослабление оппозиции в ООН; е) явное сокращение кампаний в прессе против Португалии; ж) гораздо меньшее давление на правительства третьих

стран, чтобы они стали враждебно относиться к Португалии» [7].

Справедливо оценённый биографами как «неутомимый и непоколебимый апостол целостности нации», Франку Ногейра возглавлял внешнеполитическое ведомство Португалии в период серьезных испытаний, которые многие националисты воспринимали как настоящую дипломатическую битву. Именно поэтому 1 июля 1966 г. он был удостоен высшей военной награды Португалии – Большого креста древнего и благороднейшего Военного ордена Башни и Меча за доблесть, верность и заслуги, – наряду с великими военными героями, всего лишь двумя другими министрами иностранных дел и очень немногими гражданскими лицами. Это гарантировало ему даже в условиях чуждого ему демократического режима государственные похороны с воинскими почестями в Жеронимуше – ритуал, достойный национального лидера.

Столкнувшись с выбором президента республики Америку Томаша в пользу Марсела Каэтану в качестве преемника Салазара, Ногейра хотел покинуть министерство, так как испытывал вполне обоснованные сомнения в том, что новое правительство продолжит политику защиты Ультрамара. Он считал Каэтану слишком политически нерешительным и европейски мыслящим, чтобы он мог защитить заморские территории. Его собственный авторитет, завоёванный во многом благодаря способности к «качественным и энергичным публичным выступлениям», ставшей одной из сильных сторон его политического облика, делал Ногейру достойным преемником на посту президента Совета, однако этого не произошло.

Покидая правительство по собственному настоянию, Франку Ногейра в речи на церемонии прощания с сотрудниками министерства, произнесённой в присутствии Марсела Каэтану, подтвердил стремление защищать «Анголу, Мозамбик, Гвинею и другие провинции», заявив, что сохранение этих территорий стоит больше, чем поддержание хороших отношений с ООН, этой «упаднической и импотентной организацией». Он был убеждён, что потеря заморских территорий поставит независимость Португалии под серьезную угрозу, и опровергал миф о Европе, «где у нас нет жизненно важных интересов, которые нужно защищать». По его словам, «было бы, по меньшей мере, абсурдно для нас, португальцев, имеющих обширное экономическое пространство, основанное на прочном политическом единстве, разрушить его и развалить, отказавшись от конструкции, в которую мы все интегрированы, в другую, где доминируют другие и где мы были бы ничем» [7].

Убеждённый в том, что войну в заморских провинциях выиграет тот, у кого окажется больше силы воли, Ногейра указывал на необходимость позаботиться об «идеологической защите нации», поскольку его очень беспокоила возможность того, что оппозиция продолжит ставить под сомнение политику бескомпромиссной обороны Ультрамара. В частности, он опасался враждебной «односторонней и систематической индоктринации», указывая на то, что недопустимо задавать провокационные вопросы стране «каждые двадцать четыре часа», даже если кажется, что «мир идет в другом направлении». Ибо нельзя внушать народу самоубийственные идеи, так что не следует даже гипотетически допускать альтернативу победе – ведь само такое допущение означает «психоло-

гическое ослабление, начало неверия, рассеивание сил» [7].

В 1979 г. он опубликовал свои «Запретные диалоги» («Dialogos Interditos. A política externa portuguesa e a guerra de África») – записи о своих переговорах 60-х гг. по важнейшим узлам противоречий, в которые была вовлечена Португалия. В них он наиболее чётко выразил своё стремление к тому, чтобы португальцы могли понять «независимую и непреклонную решимость, с которой отстаивались национальные интересы». В этом и заключалась его борьба за историю, которая для него была продолжением перманентной борьбы за национальные интересы страны, которую он вёл на международной арене.

Исходя из того, что «нация – это реальность», прежде всего для ее граждан, у них есть – или должно быть – видение, идея, концепция своей страны, включая образ её прошлого, картину её настоящего и перспективу её будущего, а также «почти физическое ощущение своей родины в пространстве и времени» [6, р. X]. Согласно Ногейре, «внешняя политика – это проецирование этого чувства и этих представлений за пределы страны. Она навязывает национальную реальность третьим лицам и защищает ее: она действует так, чтобы третьи лица приняли ее, поверили в нее и увидели ее так, как видят сами граждане. Внешняя политика – это обеспечение трансформации национального консенсуса в международный консенсус; это утверждение и обеспечение уважения уникальности отдельной человеческой группы среди наций. Вот почему внешняя политика никогда не заканчивается: она никогда не может быть завершена: это постоянная борьба» [6, р. X–XI].

Эта борьба не должна зависеть от прихотей, эмоций или предпочтений одного человека или группы людей, от смены режимов и правящих партий. «Если внешняя политика соответствует, как и положено, постоянным интересам нации, она не может быть изменена из-за того, что одна партия сменяет другую в правительстве страны». А это значит, что «внешняя политика не может быть маятниковой, колеблющейся в своих принципах и целях» [6, р. XII]. В свою очередь, именно она должна определять характер внешних сношений государства, а не сама диктоваться факторами международной среды. По словам Ногейры, «из наличия внешних сношений не следует, что у вас есть внешняя политика: они служат для ее реализации, а если нет внешней политики, то внешние сношения лишены содержания и смысла» [6, р. IX].

На протяжении восьми с половиной лет Алберту Франку Ногейра, придерживаясь этого принципиального подхода, руководил внешнеполитической деятельностью своей страны, успешно противостоя враждебному международному окружению, руководствуясь «постоянными интересами страны», смотря на события «в долгосрочной перспективе», не поддаваясь «впечатлению новизны» и отсеивая «эфемерное от долговременного», не стремясь «наивно торопить события» и всегда помня, что «инициативы и предложения, выдвигаемые правительствами или странами, направлены на защиту собственных интересов, а не чужих; но для того, чтобы убедить других, они всегда преподносят их во имя высоких идеалов и принципов, чтобы лучше замаскировать и скрыть истинную цель» [6, р. XII–XIII].

Список литературы / References

1. Matias, M. Franco Nogueira. Homenagem pelo seu centenário. – URL: https://idi.mne.gov.pt/images/Marcello_Mathias_MDM.pdf
2. Nogueira, A.F. Debate Singular. – Lisboa: Ed. Ática, 1970.
3. Nogueira, A.F. Terceiro Mundo. – Lisboa: Ática, 1967.
4. Nogueira, A.F. Um Politico Confessa-se (Diario 1960–1968). – Porto: Ed. Civilização, 1986.
5. Nogueira, A.F. As nações unidas e Portugal. – Lisboa: Ática, 1962.
6. Nogueira, A.F. Dialogos Interditos. Parte primeira (1961–1962–1963). – Braga – Lisboa: Ed. Intervenção, 1979.
7. O Memorial Secreto de Franco Nogueira (documento publicado pelo jornal “Público” nos dias 25 e 26 de Abril de 1993). – URL: <https://macua.blogs.com/files/memorial-secreto-de-franco-nogueira.pdf>

Сведения об авторе

Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь)

Email: ma_shepelev@mail.ru

Shepelev M. A.

ALBERTO FRANCO NOGUEIRA'S DIPLOMACY: GUARDING THE IMPERIAL HERITAGE

Abstract: *The article deals with the peculiarities of foreign policy views and diplomatic style of the Portuguese Foreign Minister in 1961-1969. Alberto Franco Nogueira (1918-1993). Nogueira fully shared and defended in the international arena the ideal of a multiracial and pluricontinental Portugal as a sovereign state pursuing an independent path of development based on 'lusotropicism'. He believed that the loss of overseas territories (at least the main ones - Angola and Mozambique) would be fatal for Portugal's destiny, as it would jeopardise its independence, reduce Portugal's national power in relation to Spain and Europe, and prevent it from maintaining its economic and cultural influence in the world. On this basis, the article reveals the argumentation of Franco Nogueira in defence of the foreign policy position of Salazar Portugal during the acute phase of the diplomatic crisis in its relations with the administration of US President J. Kennedy.*

Keywords: *Portuguese foreign policy, diplomacy, overseas territories, decolonisation, lusotropicalism, the concept of 'three Africas', Alberto Franco Nogueira, António de Oliveira Salazar, John F. Kennedy.*

Shepelev Maximilian Albertovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol).

Email: ma_shepelev@mail.ru

УДК 321

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-121-133

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Панеш К. М.

Аннотация: Риск является составляющим элементом любой управленческой деятельности и с неизбежностью связан с политической деятельностью в системе функционирования органов государственной власти. Глубокое понимание природы политических рисков и способов воздействия на источники политического риска позволяет минимизировать затраты на их устранение. Проведенное исследование, направленное на осмысление политических рисков, позволяет расширять возможности регулятивной деятельности в тех вопросах, где ранее фактор риска рассматривался как объективная, не поддающаяся воздействию данность. Сущность политического риска формируется и применяется в рамках нескольких теоретических традиций, что в конечном итоге влечет за собой полисемичное его применение. Это связано, во-первых, с развернутой научной дискуссией о природе риска, и, во-вторых, с первоначальной формулировкой проблемы политических рисков в узком предметном поле экономического знания. Последующее обращение к проблеме определило эволюцию понятия политического риска, что также осложняет первичный анализ его значения. Понимание природы, источников, причин и факторов риска служит теоретической базой выработки стратегии управления риском, позволяет не избегать, но управлять ими и минимизировать потери при их реализации. Прикладное значение знания сущности, причин и форм проявления риска в том, оно позволяет целенаправленно воздействовать на предотвращение или минимизацию неприятности и тяжелые последствия потери в случае их реализации.

Ключевые слова: риск, политический риск, факторы риска, неопределенность, выбор, управление рисками.

Словосочетание «политический риск» давно и прочно утвердилось в научном, публичном и официальном дискурсах, в них размыта грань между различными деструктивными факторами бытия: риск, вызов, угроза, опасность. Некоторые авторы просто отождествляют эти феномены, заявляя, что риск – это угроза, опасность. «Риск, – пишет, например, Ю.А. Зубок, – в широком плане означает состояние опасности, угрозы, вызывающее стремление людей защититься (застраховаться) от возможных потерь» [1]. Понимание сущности политических рисков и способов воздействия на источники политического риска позволяет минимизировать затраты на их устранение. Решение вышеизложенной проблемы заключается в формировании целенаправленной и четко скоординированной государственной политики в области обеспечения транспарентности

государственной власти [2]. При этом решения, которые принимаются в условиях политических рисков определяются политическими вызовами от негативных факторов их порождающих. Проведенное исследование, направленное на осмысление политических рисков, позволяет расширять возможности регулятивной деятельности в тех вопросах, где ранее фактор риска рассматривался как объективная, не поддающаяся воздействию данность. Сущность политического риска формируется и применяется в рамках нескольких теоретических традиций, что в конечном итоге влечет за собой полисемичное его применение.

Исследование политических рисков как специфического феномена политической практики государственного управления находится на стыке многих общественно-гуманитарных наук. Однако диссертационные работы, непосредственно и полностью посвященные политологическим исследованиям управления различных ветвей, уровней и ведомств власти Российской Федерации, практически отсутствуют. Вместе с тем в научном поле довольно широко представлены исследования отечественных и иностранных авторов, посвященные анализу и методикам оценки эффективности государственного управления, месту и роли в этом процессе межведомственного взаимодействия.

Анализ научной литературы по проблематике исследования (периодика, отчеты по НИР, диссертационные работы, Интернет-ресурсы и т.п.) показал, что в политологическом аспекте существует проблема минимизации рисков при принятии политических решений. В связи с существенными переменами в жизни страны и мира в целом теоретико-методологическая база заявленной темы нуждается в серьезном пересмотре, требует формирования и уточнения понятийно-категориального аппарата, значения, структуры, классификации и объяснения феномена политических рисков. Работа с источниками показала, что тема исследования актуальна, так как вопросы деятельности по организации управления при принятии политических решений рассматривались в лучшем случае с точки зрения анализа практики деятельности системы управления или теории государственного управления; настоящее исследование призвано представить более комплексный взгляд на затрагиваемую проблему.

Актуальность темы, а также выявленные проблемы и противоречия в процессе принятия политических решений, рассматриваемые в исследовании на частном примере, позволили автору сформулировать научную задачу, решенную в работе: разрешение противоречия между существующими механизмами организации управления в России и требованиями эффективного и рационального использования имеющихся у государства ресурсов, а также разработка теоретических положений политики взаимодействия, развивающих и дополняющих основы политической деятельности государства по минимизации рисков при принятии решения.

Цель исследования: сущность политического риска, то есть определение свойств и признаков политического риска.

Задачи исследования: исследовать природу политических рисков в системе функционирования органов государственной власти, выработать практические рекомендации для риск-менеджмента.

Новизна исследования состоит в раскрытии сущности политических рисков в системе функционирования органов государственной власти, конкретизации представлений о типологии и содержании.

Теоретическую базу статьи составляют исследования российских и зарубежных ученых по рискологии.

Методологическую основу исследования составили системно-деятельностный подход и принципы объективности и конкретности, единства исторического и логического, эмпирического и теоретического анализов.

Сущность политических рисков в системе функционирования органов государственной власти определяется пониманием природы политических рисков и способов воздействия на источники политического риска, данное воздействие позволяет минимизировать затраты на их устранение. На стадии первоначальной разработки вопроса о природе политических рисков становится понятно, что исследуемый социально-политический феномен характеризуется высокой степенью многообразия. Это связано с тем, что под определение «политический риск» подпадает широкий спектр явлений, различающихся по своей природе, масштабу, источнику и способу проявления. Это затрудняет формирование обобщенного представления о политических рисках и, в частности, определяет ситуативное и фрагментарное их рассмотрение на уровне исследовательской литературы.

В современных условиях проведения специальной военной операции обеспечение устойчивого развития Российской Федерации объективно диктует необходимость уточнения взглядов на проблемы политических рисков в принятии решений органами государственной власти. Учитывая важную роль и значение принятия политического решения в условиях рисков и неопределенности, его изучение является фактором успешного достижения поставленных целей органами государственной власти, а также устранения существующих проблем в стабилизации экономического развития при реализации стратегического курса Российской Федерации.

Недостаточная проработанность в политической науке теоретических положений о содержании и специфике принятия политического решения в условиях рисков обусловлена многими факторами. В основе своей – это нечеткое разделение сфер деятельности, несогласованность задач и несбалансированность функций органов государственной власти и различных ведомств в принятии решений. Без сомнения, в политической науке периодически возникает дискуссия о месте и роли политических рисков в принятии решений при государственном управлении. Более того, политический аспект принятия решений актуализирован в стратегическом планировании Российской Федерации, где предпринята попытка минимизации рисков. Однако механизмы и процесс принятия решений требуют постоянного совершенствования управления органов государственной власти Российской Федерации.

На первоначальном этапе разработки проблемы политических рисков актуализируется необходимость уточнения применяемой терминологии. Это связано с недостаточно проясненным характером применяемого исследователями понятийного аппарата, что, в

конечном счете, влияет на способ постановки исследовательских задач и подходы к их решению. Традиция обращения к категории политических рисков сформировалась не на уровне политологического дискурса, но на уровне экономики. Как результат, в 1970–80-е годы вместо трактовки политических рисков в качестве угроз политической стабильности общества, сформировалась развитая традиция рассмотрения политических рисков как угроз со стороны института политики по отношению к экономической сфере [3].

Было бы некорректно утверждать, что проблематика политических рисков слабо разработана: существует ряд исследований, посвященных вопросам дефиниции, классификации и методологии выявления политических рисков, более того в настоящее время в ряде стран существуют научно-исследовательские институты и агентства, в непосредственные задачи которых входит изучение политических рисков [3]. Однако следует понимать, что данное направление развивается преимущественно в контексте экономических задач по определению перспективных направлений инвестиционной деятельности, и в данном случае имеет место развитие узконаправленного, прикладного рассмотрения области политических рисков в контексте экономических задач и интересов [3].

В свою очередь, вопросы преодоления угроз в политической сфере и значимых факторов дестабилизации социально-политической обстановки зачастую ставятся автономно от общего системного рассмотрения проблемы политических рисков. Социальный запрос на преодоление политических рисков, таким образом, актуализирует их изучение, однако по большей части исследовательская деятельность имеет точечный характер. Как отмечает Д.А. Нечин, в последние десятилетия наблюдается тенденция расширенного рассмотрения объектов политического риска, включающая в себя, в том числе, область социальных и политических явлений. Однако преобладающим подходом к изучению политических рисков в исследовательской среде остается все же их анализ в контексте макроэкономических процессов [3]. Таким образом, на уровне современных гуманитарных наук реализуются два, во многом автономно друг по отношению к другу развивающихся направления:

- анализ конкретных социально-политических угроз и рисков;
- анализ политических рисков в сфере экономической деятельности.

Системное рассмотрение проблематики политических рисков, взятых в широком смысле, таким образом, относится к числу зaroждающихся направлений исследовательской деятельности.

В условиях, когда в объектив исследования попадают конкретные политические риски или отдельные их разновидности, можно судить о постепенном накоплении знаний о них. Так, например, еще в античности была подвергнута глубокой разработке проблема функционального нарушения политической власти, связанная с недостаточной преемственностью в политической сфере [4]. В эпоху Возрождения значительное внимание было уделено проблематике удержания власти в условиях внутренней политической нестабильности и внешней агрессии со стороны других государств [5]. На современном этапе значительное внимание уделяется проблемам экстремизма, информационных войн, коррупции, нарушения гражданского самосознания, утраты доверия по отноше-

нию к действующим государственным институтам и т.д. [6–11] Однако ситуативное изучение политических рисков (в том числе сводимое к решению конкретных прикладных задач) не обеспечивает целостного рассмотрения данной проблемы. Поэтому складывается ситуация, когда отдельные разновидности политических рисков получают весьма глубокое отражение в исследовательской литературе, но в то же самое время в большинстве случаев за рамками рассмотрения остается вопрос о том, каковы общие принципы, по которым может быть осмыслено единство рассматриваемых частных форм.

Вопрос о природе политических рисков имеет не только теоретическое, но и отчетливо выраженное практическое измерение, поскольку эффективное государственное управление требует своевременного формирования стратегии, направленной на противодействие рискогенным факторам¹. Из положения о том, что полнота знания выступает в качестве фундаментального условия возможности минимизации рисков, следует закономерный вывод о том, что сама по себе область политических рисков требует системного, аналитического осмысления, на базе которого может быть выстроена теоретическая модель, описывающая основные типы политических рисков, их природу, социальные основания и факторы проявления. Таким образом, на текущем этапе актуализируется необходимость построения типологии политических рисков.

Прежде чем приступить к типологическому рассмотрению политических рисков, целесообразно определиться с его конечными целями. При рассмотрении сложного, многопланового явления реализация типологического подхода позволяет детализировать исследуемый класс явлений, что в дальнейшем способствует осуществлению более полного и последовательного теоретического анализа. При этом в основе типологического подхода лежит, с одной стороны, исходная концептуализация исследуемого явления (первичная модель, на уровне которой оно описывается), с другой – основание или критерий классификации, определяемый целями исследователя. По этой причине, с одной стороны, может иметь место множество типологических подходов, различающихся основанием деления (что правомерно с точки зрения формальной логики), с другой стороны, в тех случаях, когда в основе классификации лежит определенная теоретическая модель, при рассмотрении конкретного типологического подхода целесообразным является осуществление критического анализа заложенных в основу данной модели теоретических установок². В исследовательской литературе вопрос типологического деления политических рисков поднимался преимущественно в контексте осу-

1 Примеч.: В современном мире практикоориентированный анализ политических рисков присущ не только органам госвласти, но и корпорациям, построенным по принципу квазигосударства.

2 Для понимания данного положения следует учитывать, что классификация формируется через логическую операцию деления, однако исходный объем понятия зависит от способа его определения – тех существенных признаков, которые характеризуют формируемый класс явлений. В этом контексте, применительно к сфере политических рисков, целесообразно осуществлять оценку конкретных классификаций по критерию логической полноты деления, а также точности определения исходного класса. В этой связи существующие классификации политических рисков будут рассматриваться с точки зрения выработанного автором подхода к определению понятия «политический риск».

ществления задач по планированию деловой (экономической) деятельности. Принимая во внимание тот факт, что политические риски, влияющие на область хозяйственной деятельности, составляют лишь часть от общего числа политических рисков, тем не менее имеет смысл рассмотреть существующие в рамках данного подхода способы их типологического деления. В данном случае интерес представляет то, что отдельные основания типологического деления имеют универсальный характер и, следовательно, могут быть распространены на общую совокупность политических рисков. Среди основных подходов к типологизации политических рисков наиболее широко востребованы способы их деления, основанные на следующих критериях:

- масштаб проявления;
- отношение к установившейся в рамках локального государства системе нормативных институтов;
- локализация источника политических рисков (деление на внешние и внутренние);
- степень управляемости;
- интенсивность влияния;
- область проявления (технологическая, социальная, политическая, экономическая, экологическая и т.д.)³

Первые два варианта типологического деления политических рисков были предложены американским исследователем Чарльзом Кеннеди. В рамках его теории политические риски подразделяются на два типа по критерию масштабов проявления рискогенных факторов: риски на микро- и макроуровне [12]. Различие между данными уровнями проявления политического риска исследователь связывает с тем, насколько широк охват действующих рискогенных факторов; иными словами, речь идет о том, имеет место влияние на всю область деловой активности или же на какой-либо один ее сегмент. Соответственно, политические риски, затрагивающие лишь часть экономической сферы (проявляющиеся локально, не на всей территории страны, либо оказывающие влияние на какую-либо одну отрасль экономической деятельности) оцениваются в рамках теории Кеннеди как локальные, относящиеся к микроуровню политического риска⁴. Макроуровень политических рисков предполагает воздействие на всю экономи-

3 Подразумевается характер или природа источника политических рисков.

4 К политическим рискам, проявляющимся на микроуровне, с точки зрения теории Кеннеди, могут быть отнесены социально-политические конфликты, охватывающие не всю территорию государства, проявление некомпетентности или подверженность коррупции отдельных представителей власти, занимающих низовое положение в общей властной иерархии, акции протеста и т. д. Следует отметить, что предлагаемый автором подход основывается на конечной оценке последствий конкретного явления политической жизни, в связи с чем отнесение перечисленных разновидностей политических рисков к микроуровню политического риска необходимо рассматривать с осторожностью, поскольку последствия конкретного социально-политического события на разных этапах своего проявления могут иметь различный масштаб. Так, например, политический конфликт, связанный с сепаратизмом, может быть ошибочно отнесен к микроуровню политических рисков, однако его выход в «горячую фазу» сказывается на социально-политических и экономических процессах на всей территории государства.

ческую систему в конкретной стране или регионе.

Помимо деления политических рисков по критерию масштаба их проявления Кеннеди вводит критерий, связанный с их статусом в контексте системы нормативно-правовой регуляции. На этом основании Кеннеди выделяет легально-правительственный риск, непосредственно проистекающий из осуществляемой государственной политики (сюда входят изменения в правовой сфере, изменение состава политических элит, изменение общего правительственного курса и т. д.), а также экстра-легальный риск, связанный с социально-политическими практиками, выходящими за рамки действующих на уровне государства норм права (сюда входят экстремизм и терроризм, сепаратизм, гражданское неповиновение, попытки осуществления государственного переворота и т.д.) [11]. Важность представленного деления связана с тем, что исследователь разделяет между собой политические риски, изначально заложенные в структуру социально-политической системы на нормативном уровне, и риски, связанные с нарушением установленной на уровне права системы политического взаимодействия.

Классическим направлением в типологизации политических рисков является их деление по критерию локализации источника. На этом основании выделяются внутренние риски, источником которых являются процессы, происходящие внутри государства, и внешние риски, связанные с процессами, инициируемыми на уровне других участников социально-политического взаимодействия. При этом исследователи обращают внимание на то, что между внутренними и внешними политическими процессами имеет место разноуровневая взаимосвязь различной степени силы и интенсивности, на основании чего целесообразно также выделять смешанные политические риски, источником которых выступает как внутренняя предрасположенность локального общества к социально-политической дестабилизации, так и провоцирующее воздействие внешних факторов. Как отмечает И.Н. Мисанова, «...внешняя политическая обстановка при определенных условиях может сыграть роль катализатора политической нестабильности в стране» [13].

Обратимся к вопросу об управляемости политических рисков как критерию их типологического деления. По сути, категория управляемости характеризует подверженность какого-либо явления целенаправленному изменению. Это характеризует практико-ориентированный характер данного подхода, что отражается в разделении обстоятельств на те, которые поддаются влиянию, и те, которые выступают в качестве объективной данности. Проблема данного подхода состоит в том, что само по себе определение возможности оказания влияния на определенную область риска требует обстоятельной первоначальной теоретической разработки вопроса. Отсюда проистекает дискуссионный характер подобного рода деления. В качестве примера можно привести риски, связанные со стихийными бедствиями или, например, внешней военной агрессией: на первый взгляд, оба примера характеризуют область процессов, находящихся вне системы властного регулирования, однако, как минимум, уровень ущерба, возникающего в ходе актуализации данных рисков, вариативен и находится в зависимости от принимаемых управленческих решений [14]. Для первого примера это степень готовности экстренных

служб, способность к своевременному прогнозированию природных и техногенных катастроф, осуществление профилактических мер (вплоть до эвакуации населения). Применительно ко второму примеру речь идет о степени эффективности защитных механизмов (прежде всего, армии), сплоченности общества, уровня гражданского самосознания и т. д. Таким образом, при том, что исходные источники риска не поддаются целенаправленному управлению, нельзя сказать, что уровень риска совершенно не зависит от решений представителей власти.

Если ставить вопрос глубже, целесообразно говорить не столько о бинарном разделении на управляемые или неуправляемые явления, сколько о степени подверженности ситуации (источника риска) управленческому воздействию. Поясняя данное положение, отметим, что «управляемость» процесса или явления – слишком абстрактная категория, в которую первоначально не введен целый ряд параметров рассматриваемой ситуации. Можно выделить следующие параметры, влияющие на конечную оценку управляемости:

- характер субъекта действия;
- уровень доступных ресурсов по воздействию на ситуацию;
- динамические характеристики ситуации (скорость предполагаемого эффективного воздействия на нее, темпы возникновения ущерба от неблагоприятных факторов и т. д.)

Прагматика управленческой деятельности требует эффективного распределения ресурсов и усилий, в связи с чем разделение на управляемые и неуправляемые риски зачастую носит операциональный характер (разделение на объективные факторы (данность) и доступную область воздействия). В отдельных отраслях и направлениях государственной деятельности проявляются риски, выражающиеся в отсутствии, с одной стороны, унифицированной системы принятия политических решений и, с другой стороны, цельной, адекватно отражающей действительность происходящих событий матрицы рисков. Анализ существующей в России практики принятия политических решений позволил сделать выводы, определить основные проблемы кризисного управления в России, а также установить возможные пути принятия более эффективных политических решений с учетом имеющихся в настоящее время рисков различной природы. При этом любая деятельность должна осуществляться на основе заранее сформулированных установок и планов [15]. Таким образом, в отдельных случаях оценка невозможности воздействия на источник риска связана не столько с его объективными характеристиками, сколько с целями и возможностями субъекта регулятивной деятельности. Рассмотрим данный аспект более подробно посредством концептуализации обозначенных выше параметров, на основании которых и составляется оценка управляемости конкретных политических рисков [16].

Первый параметр, а именно характер субъекта действия, отражает положение носителя властных полномочий в общей структуре органов государственной власти. Наиболее явным примером влияния данного параметра является законодательная норма, выступающая в качестве источника политического риска (например, устаревший закон, препятствующий интенсивному развитию экономической сферы). Для представителей исполнительной или судебной власти данная норма выступает в качестве объективной

данности, регулирующей их деятельность, в то время как для представителей законодательной власти она входит в область непосредственной ответственности и, при соблюдении необходимых условий, может быть изменена.

Вопрос о доступных ресурсах по воздействию на ситуацию непосредственно происходит из характеристик органа государственной власти (и положения конкретного его представителя во властной иерархии), осуществляющего регулятивную деятельность, а также общей социально-политической обстановки, определяющих ресурсы и возможности, которыми располагают органы государственной власти. К числу основных ресурсов, которые могут быть задействованы в ходе воздействия на область политических рисков, относятся:

- материальные ресурсы (бюджетные средства, техника, системы коммуникации и т.д.);
- кадровые ресурсы (специалисты, обладающие необходимыми компетенциями для осуществления задач, непосредственно связанных с преодолением рисков в политической сфере);
- силовой ресурс, направляемый на подавление источников риска, имеющих экстра-легальный характер (при условии, если речь идет о внутренних рисках), либо на противодействие внешней военной агрессии;
- административный ресурс;
- ресурс общественной поддержки и доверия.

Заключение

Таким образом, на основании оценки уровня доступных ресурсов применительно к предполагаемым издержкам, которые требуются для локализации конкретного политического риска, может быть произведена оценка возможности или невозможности противодействия ему в текущих условиях. Данное положение является очень показательным применительно к вопросу о роли научного знания в противодействии политическим рискам, поскольку, в зависимости от того, насколько глубоко и полно на уровне науки отражена конкретная сфера политических рисков, варьируется доступный набор вариантов воздействия на ситуацию (и, соответственно, уровень необходимых ресурсов). Глубокое понимание природы политических рисков и способов воздействия на источники политического риска позволяет минимизировать затраты на их устранение. Проведенное исследование, направленное на осмысление политических рисков, позволяет расширять возможности регулятивной деятельности в тех вопросах, где ранее фактор риска рассматривался как объективная, не поддающаяся воздействию данность. Остро назрела необходимость более широкого отражения данных вопросов в законодательных актах об образовании, науке, здравоохранении, научно-технической информации.

Научно-прикладное значение исследования состоит в том, что полученные научные результаты могут быть использованы при совершенствовании системы государственного управления России. Сформулированные научно-практические рекомендации могут быть использованы при определении приоритетных направлений совершенствования принятия решения. Реализация полученных результатов будет способствовать интегра-

ции ведомственных систем управления в единую систему управления, что позволит существенно повысить эффективность решения задач органами государственной власти Российской Федерации.

Сущность политического риска формируется и применяется в рамках нескольких теоретических традиций, что в конечном итоге влечет за собой полисемичное его применение. Это связано, во-первых, с развернутой научной дискуссией о природе риска, и, во-вторых, с первоначальной формулировкой проблемы политических рисков в узком предметном поле экономического знания. Последующее обращение к проблеме определило эволюцию понятия политического риска, что также осложняет первичный анализ его значения. Политический риск – понятие комплексное, нечеткое и дискуссионное. Его можно определить как решение и действие (или бездействие) в условиях неопределенности при ясном понимании возможности (опасности) негативных последствий. Понимание природы, источников, причин и факторов риска служит теоретической базой выработки стратегии управления риском, позволяет не избегать, но управлять ими и минимизировать потери при их реализации. Прикладное значение знания сущности, причин и форм проявления риска в том, оно помогает/позволяет направлено на предотвращение или минимизацию неприяности и тяжелые последствия потери в случае их реализации.

Список литературы

1. Зубок Ю.А. Риск // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. - М.: Мысль, 2003.
2. Старостин А. М., Тованцова Е. Н. Транспарентность и политические риски: вызовы и перспективы для российской государственной системы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 184–189.
3. Нечкин Д.А. Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. №4. С. 109–137.
4. Платон. Сочинения в четырех томах. Т.3 Ч.1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с.
5. Макиавелли Н. «Государь» / Пер. Г. Муравьевой. – М.: «Художественная литература», 1982.
6. Сазонов И.А. Природа и исторические формы политического экстремизма (На примере политического развития России в XX веке): Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: Москва, 2004. – 227 с.
7. Воронов И. В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 : Москва, 2003. – 154 с.
8. Губарев А.Б. Информационные войны как объект политологического исследования: Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 Уссурийск, 2005. – 170 с.

9. Боталова Д.Б. Сущность, особенности и факторы политической коррупции как неформального института в условиях системной трансформации российского общества: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Боталова Дарья Борисовна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – СПб, 2011. – 237 с.
10. Федосов А.Б. Кризис патриотического воспитания в России в конце XX в. // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. №6. С. 243–247.
11. Кривопусков В.В. Кризис государственного управления в России в «зеркале» социального доверия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №12-1. С. 41–44.
12. Kennedy C.R. Political Risk Management: International Lending and Investment under Environmental Uncertainty. 1987.
13. Мисанова И.Н. Анализ политических рисков с учетом зарубежного опыта // Вестник ГУУ. 2014. №17. С. 315–320.
14. Бирюлин И.В., Бирюлина Т.В. Политические риски современного государства и общества / ПИУ им. П.А. Столыпина, 2024. – 205 с.
15. Старостенко К.В. Политический риск в системе государственной власти современной России: Проблемы, противоречия, тенденции. Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: Орел, 2000. – 173 с.
16. Новосельский С.О., Моисеева О.А., Филиппова О.А. Коммуникационная политика органов исполнительной власти с населением в социальных сетях // Вопросы политологии. 2023. Т.13. №3 (91). С.1001–1013.

Сведения об авторе

Панеш Каплан Мугдинович – кандидат экономических наук, г. Москва, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации.

Email: panesh_kaplan@mail.ru

Panesh K. M.

THE NATURE OF POLITICAL RISKS IN THE SYSTEM OF FUNCTIONING OF GOVERNMENT BODIES

Abstract: Risk is an integral part of any management activity and is inevitably associated with political activity in the system of functioning of public authorities. A deep understanding of the nature of political risks and ways to influence the sources of political risk allows minimizing the costs of their elimination. The conducted research aimed at understanding political risks allows expanding the possibilities of regulatory activity in those issues where the risk factor

was previously considered as an objective, unaffected given. The essence of political risk is formed and applied within the framework of several theoretical traditions, which ultimately entails its polysemic application. This is due, firstly, to an extensive scientific discussion about the nature of risk, and, secondly, to the initial formulation of the problem of political risks in the narrow subject field of economic knowledge. Subsequent appeal to the problem determined the evolution of the concept of political risk, which also complicates the primary analysis of its meaning. Political risk is a complex, fuzzy and debatable concept. It can be defined as a decision and action (or inaction) in conditions of uncertainty with a clear understanding of the possibility (danger) of negative consequences. Understanding the nature, sources, causes and factors of risk serves as a theoretical basis for developing a risk management strategy, allows not to avoid, but to manage them and minimize losses when they are realized. The applied significance of knowing the essence, causes and forms of risk manifestation is that it allows you to purposefully influence the prevention or minimization of trouble and severe consequences of loss in the event of their implementation.

Keywords: risk, political risk, risk factors, uncertainty, choice, risk management.

References

1. Zybok Yu.A. Risk // Sociological Encyclopedia. In 2 volumes. Vol. 2. - M.: Mysl, 2003.
2. Starostin A.M., Tovanchova E.N. Transparency and political risks: challenges and prospects for the Russian state system // Public and municipal administration. Scientific notes. 2024. No. 3. Pp. 184–189.
3. Nechkin D.A. Evolution of the concept of «political risk»: classical and modern concepts // Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics. 2018. No. 4. Pp. 109–137.
4. Plato. Works in four volumes. Vol. 3, Part 1 / Under the general editorship of A.F. Losev and V.F. Asmus; trans. from ancient Greek. – SPb.: Publishing house of St. Petersburg University; “Oleg Abyshko Publishing House”, 2007. – 752 p.
5. Machiavelli N. “The Sovereign” / Translated by G. Muravyova. – M.: “Khudozhestvennaya Literatura”, 1982.
6. Sazonov I.A. Nature and historical forms of political extremism (Based on the political development of Russia in the 20th century): Diss. ... Cand. of Political Sciences: 23.00.02: Moscow, 2004. – 227 p.
7. Voronov I.V. Fundamentals of political and legal restrictions on socio-political extremism as a threat to national security of the Russian Federation: Diss. ... Cand. of Political Sciences: 23.00.02: Moscow, 2003. – 154 p.
8. Gubarev A.B. Information wars as an object of political science research: Dis. ... Cand. of Political Sciences: 23.00.02 Ussuriysk, 2005. – 170 p.
9. Botalova D.B. The essence, features and factors of political corruption as an informal institution in the conditions of systemic transformation of Russian society: dissertation

- ... Cand. of Political Sciences: 23.00.02 / Botalova Daria Borisovna; [Place of protection: Rus. state ped. University named after A.I. Herzen]. – St. Petersburg, 2011. – 237 p.
10. Fedosov A.B. Crisis of patriotic education in Russia at the end of the 20th century // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2008. No. 6. P. 243–247.
 11. Krivopuskov V.V. The crisis of public administration in Russia in the «mirror» of social trust // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 12-1. P. 41–44.
 12. Kennedy C.R. Political Risk Management: International Lending and Investment under Environmental Uncertainty. 1987.
 13. Misanova I.N. Analysis of political risks taking into account foreign experience // Bulletin of the State University of Management. 2014. No. 17. P. 315–320.
 14. Biryulin I.V, Biryulina T.V. Political risks of the modern state and society / P.A. Stolypin State Pedagogical University, 2024. – 205 p.
 15. Starostenko K.V. Political risk in the system of state power in modern Russia: Problems, contradictions, trends. Diss. ... Cand. of Political Sciences: 23.00.02: Orel, 2000. – 173 p.
 16. Novoselsky S.O., Moiseeva O.A., Filippova O.A. Communication policy of executive authorities with the population in social networks // Issues of Political Science. 2023. Vol. 13. No. 3 (91). P. 1001–1013.

Panesh Kaplan Mugdinovich – candidate of Economics, Moscow, Deputy of the State Duma The Federal Assembly of the Russian Federation, The State Duma Federal Assembly of the Russian Federation.

Email: panesh_kaplan@mail.ru

CONTENT

PHILOSOPHY

Pakhomova A. M. The Role of Drought in the Rigveda	5
Dobronravov K. O., Volkova D. D. Nationalization of Foreign Brands and Privatization of Soviet Symbols in Modern Russia	15
Rochnyak E. V. The Concept of Ecophilosophy in Western European Philosophical Discourse	23

CULTURAL STUDIES

Ponomarev S. B. The Archetype of the «Great Mother» in the Prison Subculture.....	31
Zverev A. S. A Work of art as a Phenomenon and Gestalt in the Science of Art by Sedlmayr ...	42
Zaitseva D. S. The Perception of Italian Cinema by the Soviet Movie Audience during 1960s–1980-s	51
Poskrebko A. S. Drawing by Henri Matisse: Technique, Philosophy and Influence on Contemporary Art	62

POLITICAL SCIENCE

Irkhin A. A., Moskalenko O. A., Demeshko N. E., Nemtsev V. V. New Trump's 'Isolationism': What Should Russia Expect in the Black Sea Region and Eastern Mediterranean?	71
Kopylov A. V., Belyakov B. L. Defense Diplomacy as a Tool for Ensuring the Military Security of the State	87
Shepelev M. A. Alberto Franco Nogueira's Diplomacy: Guarding the Imperial Heritage	104
Panesh K. M. The Nature of Political Risks in the System of Functioning of Government Bodies	121